

Указательная

В. ЛЬБИМОВ

Девочка
с перчатками

Annotation

Странная миссия, возложенная на Тимофея умирающим родственником, до крайности его раздражает! Но он даже и представить себе не может, в какую круговерть чувств и событий вовлечет его встреча с последней любовью его покойного дядюшки...

- [Девочка с перчиками](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
-

Девочка с перчиками
Екатерина Вильмонт

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Обычно по дороге из бассейна Тимофей проезжал по этой улице без всяких затруднений, а сегодня, видимо, что-то случилось – машины практически не двигались.

– Тьфу ты черт! У меня прорва дел, да еще и жрать охота, а тут...

– Не волнуйся, Тим, – подала голос жена. – Хочешь жвачку?

– Да нет, – хмуро отозвался он. У него всегда портилось настроение, если с утра что-то не ладилось, значит, и весь день пойдет наперекосяк!

Он вытащил сигарету из пачки.

– Не кури в машине, – привычно сказала жена.

Он молча вылез из машины и щелкнул зажигалкой.

– Тимка, ну что ты застрял? – раздался незнакомый женский голос.

Он в недоумении оглянулся. Неподалеку стояла девушка с собакой на поводке. Собака со страстью что-то выкапывала из-под снега, не обращая внимания на хозяйку.

– Ну, Тима, идем же! – огорченно проговорила девушка.

Он засмеялся. Его тезка был обычной дворняжкой. Лица хозяйки он не видел. Длинноногая девушка, в старенькой дубленой куртке и обтягивающих джинсах. Из-под правой штанины у нее что-то свисало.

– Девушка, вы рискуете упасть! – со смехом заметил Тимофей.

– Что? – она оглянулась.

Он глазами показал ей на беспорядок в одежде.

– Ой, мамочки! – воскликнула она, нагнулась, выхватила что-то из-под брючины и сунула в карман куртки. Потом задорно глянула на Тимофея. – Спасибо! Бывает! – И улыбнулась. Он широко улыбнулся в ответ.

– Тима! – позвала жена. – Можно ехать!

Он сел за руль. А девушка засмеялась и помахала ему на прощание.

– Какая гадость! – сказала жена.

– Ты о чем?

– Да эта лахудра!

– Слушай, а что это у нее было?

– Вчерашние колготки. Она, видимо, сняла вчера джинсы вместе с колготками. А сегодня ведь потеплело, вот она, небось, и надела гольфы или носки, а о колготках забыла... Терпеть таких баб не могу...

Весь день Тимофей пребывал в прекрасном расположении духа, сам себе удивляясь. Неужто дело в той лахудре? Он пытался вспомнить ее лицо

под пышной копной светло-русых волос, но кроме широкой улыбки ничего не запомнилось. Красоты там и в помине не было. Надень она шапку и оставь дома собаку, я в жизни ее не узнаю. А зачем, собственно, она мне сдалась?

Поздно вечером, возвращаясь домой, он вдруг опять вспомнил утреннюю встречу и подумал: интересно, она сама снимала джинсы с колготками или же нетерпеливый любовник? Вряд ли муж... Она не похожа на замужнюю. А впрочем, бог с ней...

В бассейн они с женой ездили два раза в неделю, но лахудра с дворняжкой больше ни разу им на глаза не попала.

Прошел месяц. Тимофей и Юля собирались на банкет по случаю десятилетия брака их близких друзей.

– Юль, мы опоздаем!

– Ну и что? Мы ж не в театр идем, ну опоздаем на четверть часа, большое дело!

– Ненавижу опаздывать!

– А я ненавижу приходить первой, как будто без ума спешу к праздничному столу!

– Что за чушь? – поморщился Тимофей.

Зазвонил телефон.

– Тим, возьми трубку!

– Алло!

– Тимошенька, как хорошо, что я тебя застала!

– Здравствуй, мамочка! Как там дела у Олега?

– Да я не пойму... Но ничего хорошего! Сынок, прошу тебя, приезжай!

– А что? Мама, что-то случилось?

– Да вроде нет, но он вдруг вчера потребовал, чтобы я непременно вызвала тебя. Говорит, у него к тебе какое-то очень важное дело и оно, разумеется, не терпит отлагательства.

– А о чем речь, не знаешь?

– Откуда же мне знать? Он уверяет, что ему нужен только ты...

– Ну, я не смогу так сразу... У меня масса дел... А он что, совсем плох?

– Врачи говорят, в лучшем случае месяц протянет... Тимочка, ты все-таки постарайся, он говорит, это очень-очень важно.

– Хорошо, я прилечу в пятницу вечером, раньше не получится.

– Что случилось? – спросила Юля.

– Да дядьке что-то в голову взбрело. Полечу, а то мало ли, может и умереть. Жалко, ему бы еще жить и жить. Такой мощный был мужик... И

вдруг сердце...

– Видно, перенапряг он свое сердце. Тим, а давай я с тобой полечу! Все же два дня в Швейцарии, не так плохо! Ты с дядькой пообщаешься, а я подышу горным воздухом. А может, задержусь там немножко. Никогда не была в Швейцарии.

– Да ради бога! Хотя, по-моему, более скучного места просто нет. Знаешь, кажется, Дюренматт говорил: в Швейцарии приятно родиться и умереть, а жить лучше в другом месте.

– Ну, Тимочка, пожалуйста!

– Да лети на здоровье! – улыбнулся Тимофей.

– И тебе там будет повеселей!

– Да все, уже уговорила!

Родной дядя Тимофея, младший брат его матери, был весьма удачливым предпринимателем, но лет пятнадцать назад неожиданно для всех вдруг продал свой бизнес и уехал за границу, в Новую Зеландию, и там вновь открыл бизнес, но уже никак с Россией не связанный. И ни разу больше не приезжал на родину. Года три назад он перенес операцию на сердце, казалось, все обошлось, но вот полгода назад он вновь попал в руки врачей и после второй операции они не оставили ему надежд. Он перебрался в Швейцарию, составил завещание и попросил сестру, мать Тимофея, пожить с ним, пока он жив. Ольга Варламовна обожала младшего брата и со слезами согласилась скрасить ему последние месяцы жизни. Внуков у нее не было, невестку она недолюбливала, так почему не помочь обожаемому брату?

Тимофей тоже любил дядьку, всегда находил с ним общий язык, восхищался его жизненной энергией, заряжался ею, и был совершенно обескуражен, когда дядька вдруг стал стремительно сдавать. Он страдал от того, что теряет не только родственника, но, по сути, и близкого друга. Что же такое произошло, зачем он вдруг ему срочно понадобился? Не тот человек Олег Варламович, чтобы из-за пустяков срывать его с места...

В аэропорту их ждала машина и вышколенный молодой человек, секретарь Олега Варламовича, отвез их в отель. Юля была в восторге.

– Какой тут воздух, Тим! А днем, наверное, красота невероятная, а какой уютный городок!

– Тимофей Борисович, Олег Варламович распорядился сегодня вас не трогать, а завтра утром я в девять часов за вами заеду и отвезу... Ольга Варламовна будет вас ждать в доме.

– В каком доме? Разве Олег не в санатории?

– Нет, Олег Варламович снял домик, теперь там живет вместе с Ольгой

Варламовной.

– Он совсем плох, Юра?

– Да не сказал бы... Как в тот дом перебрался, ему вроде получше стало, окреп как-то, даже гулять ходит. Может, и обойдется еще...

– Дай-то Бог! Он же не старый еще, всего шестьдесят шесть... Юль, ты со мной завтра поедешь?

Она скорчила милую гримаску, мол, если очень надо...

– Хотя нет, зачем?

Утром ровно в девять машина уже стояла у отеля.

– Юль, ты меня не жди, живи своей жизнью. По магазинчикам, небось, пойдешь?

– А как же! – улыбнулась она.

– Тогда в добрый час! – засмеялся он. – Я позвоню! Юра, вы не знаете, зачем я вдруг понадобился?

– Извините, не в курсе.

Домик, снятый Олегом Варламовичем, выглядел прелестно. Правда, сейчас он был освещен утренним солнцем, снег казался розовым и на сверкающих чистотой окнах стояли цветы. Этот дом ничем не напоминал просторное строение из стекла и дерева, в котором дядька обитал в Новой Зеландии, где Тимофей бывал неоднократно. У него защемило сердце. Видно, перед смертью дядьку потянуло в Европу, к привычным архитектурным формам...

На крыльцо выскочила мама.

– Тимошенька!

– Мама, простудишься! – крикнул он от машины и бегом бросился к ней. – Здравствуй, мамочка!

– Тимочка, ты завтракал?

– Конечно! Юлька со мной прилетела. Но я не взял ее сюда...

– Правильно! Олег уже ждет... Что ему вздумалось? Сколько ни спрашивала, молчит.

– Какой домик милый!

– Знаешь, он, как сюда перебрался, ему получше стало.

– Вероятно, в санатории его врачи замучили, – улыбнулся Тимофей.

– Тима, ты приехал? – раздался голос дядьки. – Иди скорее ко мне!

Тимофей единым духом взлетел на второй этаж.

– Привет, Олег! Выглядишь неплохо! Может, ты просто симулянт, а, дядька?

Они обнялись.

- Ну, чего это я вдруг тебе понадобился?
- Идем! – Он за руку ввел племянника в комнату, служившую ему кабинетом. – Садись! Выпить хочешь?
- Да нет, ты ведь не просто коньячку дернуть меня вызвал?
- Это точно. Начну без предисловий... Разговор будет долгим... Я, Тимка, уготовил тебе две роли... Духовника и душеприказчика...
- Позволь, с завещанием мы же еще в прошлом году разобрались. Ты хочешь что-то поменять?
- Нет-нет, там все правильно. Просто... возникла еще одна история... То есть она не сейчас возникла, но я все думал сам с ней справиться, да вот не вышло... О ней не должен был знать никто. Но мне не обойтись без твоей помощи.
- Олег, ты меня пугаешь!
- Тима, во имя нашей дружбы! Ты должен найти одну женщину...
- Так, шерше ла фам!
- Не перебивай меня! Исповедники не должны перебивать исповедующихся. Но сперва я сообщу тебе ее данные... Ее зовут Яна, Янина, фамилия... Девичья фамилия у нее была Юркевич, родилась она в семьдесят девятом году в Старом Осколе, отчества я не знаю... С восемьдесят первого жила в Москве.
- Она замужем?
- Не знаю, надо полагать... Тима, умоляю, найди ее...

- Тимофей вернулся в гостиницу только вечером, усталый и хмурый.
- Тимка, что там такое? Олег очень плох?
 - Да нет, пожалуй, лучше, чем я мог ожидать.
 - А чего он от тебя хотел?
 - Просил найти одного человека и передать ему кое-какие бумаги. Ничего интересного.
 - А что за бумаги?
 - Юль, я не знаю. Олег просил найти и передать, я не вникал. Меня это совершенно не касается!
 - А что ж ты там делал целый день?
 - Общался! Там, на минуточку, моя мать и мой дядька, который еще и мой большой друг и которого я, скорее всего, уже не увижу, только завтра...
 - А меня туда не приглашают?
 - Скажи спасибо! Это очень тяжело! Все, до завтра мы живем своей еще относительно молодой жизнью. Ну, показывай, что ты там купила? А потом пойдем в какой-нибудь ресторан, где можно потанцевать, я сто лет не

танцевал.

Юля страшно удивилась. Что это с ним? Видно, и впрямь там тяжело...

– Ну что, Юль, останешься тут еще или вечером вместе полетим? – спросил Тимофей за завтраком.

– Да нет, что тут делать?

– Магазины уже все прошерстила? – улыбнулся он.

– На сегодня еще кое-что оставила, – засмеялась Юля, – но завтра улечу с удовольствием. К тому же тебе не кажется странным и даже несколько неприличным, что меня не позвали туда? Я, конечно, знаю, что Ольга Варламовна меня не слишком обожает, но все-таки...

– Юлечка, милая, мама хотела сегодня позвать тебя к обеду, но я сказал, что не стоит, – соврал Тимофей. – Зачем тебе портить настроение, в доме умирающий... ему уже наплевать на все, а атмосфера там...

– А если я хочу?

– Чего ты хочешь? – вздернул брови Тимофей.

– Хочу... попрощаться с Олегом.

– Юль, в данном случае важно, чего хочет или не хочет Олег. А он никого не желает видеть. Я думаю, ты легко перебеешься.

– В общем-то, да, – рассмеялась Юля. – А что там за дом?

– Дом как дом, Олегу он почему-то глянулся. Хорошенький уютный домик, и на всех окнах перчики стоят...

– Какие перчики? – удивилась Юля.

– Ну, знаешь, в горшках, такие комнатные растения с пестрыми стручками...

– А, знаю, у Галки такой на кухне стоит.

– Вот-вот.

– Это красиво. Помнишь, мы в Греции видели в отеле такую выдолбленную колоду, где росли разноцветные перчики. Как там было клево!

– Да, особенно рыба там потрясающая была.

– Гаврюшки?

– Да, именно.

«Гаврюшками» они между собой звали маленьких рыбок, которые по-гречески назывались «гаврос».

Разговор с женой как-то примирил Тимофея с тяжестью возложенной на него Олегом задачи. Поручение категорически ему не нравилось. Вообще вся история казалась чересчур мелодраматичной, а мелодрама совсем не его жанр, но что поделать... Он не мог отказать Олегу и ни в коем

случае не хотел, чтобы об этой истории знал кто-то еще, она никак не делала чести Олегу, которого Тимофей искренне любил. Он только не был уверен, что справится. Даже если он найдет ту женщину, что тоже еще не факт, то как он к ней явится? И как она его примет? И ни в коем случае нельзя, чтобы Юлька об этом узнала, она непременно растреплет подружкам и вскоре вся Москва будет об этом знать, новость просочится в Интернет... И кто знает, как в подобной ситуации эта шумиха отразится на судьбе той женщины? Нет, надо все-таки, чтобы Юлька тут задержалась хотя бы на двое суток, а то мало ли что может возникнуть в аэропорту... Как он при ней объяснит на таможне наличие в его багаже этой проклятой коробки?

– Слушай, Юлька, а может, задержишься еще? Возьмешь напрокат машину, поездишь, подышишь воздухом? А я завтра все равно улетаю в Новосибирск на два дня...

– Думаешь? Тим, а что если я махну отсюда в Милан? Верка с Людкой как раз сегодня туда летят, ты же понимаешь, там распродажи...

– Роскошная мысль! Конечно! – несказанно обрадовался Тимофей.

– Так я с ними созвонюсь?

– Конечно, звони прямо сейчас, я закажу билет и гостиницу.

– Тимка, ты лучший в мире муж!

В результате Тимофей отвез жену в аэропорт уже через полтора часа. Мне повезло с женой, думал он на обратном пути, не ревнива, не подозрительна, правда, я и поводов особых не даю... И все же...

– Тимоша, чего хотел от тебя Олег? – спросила Ольга Варламовна, прощаясь с сыном.

– Мамочка, ничего интересного! Просто просил отыскать одного человека и передать ему какие-то бумаги, какие, я не знаю, меня это не касается.

– Тимоша, не ври своей маме!

– Мамочка, вот, смотри! – Он вытащил из кейса запечатанный конверт.

Ольга Варламовна оглядела конверт.

– А кого ты должен найти, вдруг я его знаю?

– Некого Геннадия Спиридоновича Чеснокова. Знаешь?

– Первый раз слышу.

– Ну, вот видишь! Все, мамочка, я опоздаю на самолет.

– Ладно, иди, Бог с тобой!

Фу ты ну ты, сколько приходится врать, как это противно! Но последняя воля умирающего...

... Вернувшись из Новосибирска, Тимофей сразу же взялся за поиски Янины Юркевич. Они заняли чуть больше месяца, но Олег Варламович за это время умер.

У Тимофея был ее домашний и рабочий телефон. Возложенная на него миссия до крайности раздражала и даже слегка пугала его. Как явиться с таким разговором к совершенно незнакомой женщине? Тем более что теперь еще придется сообщить ей о смерти поручителя... Звонить домой ни в коем случае нельзя, кто знает, что у нее там... И он позвонил на кафедру иностранных языков одного из московских вузов.

– Простите, я могу поговорить с Яниной Августовной Юргенсен?

– Одну минуту, – ответил ему веселый девичий голос. – Янина Августовна, вас!

– Я слушаю, – раздался женский голос с легкой хрипотцой.

– Янина Августовна, меня зовут Тимофей Борисович Логунов, у меня к вам есть дело, так сказать, конфиденциального свойства...

– Простите, что?

– Ну, мне надо обязательно встретиться с вами с глазу на глаз и кое-что передать...

– От кого?

– От... господина Савицкого.

– От кого? – едва слышно переспросила она.

– От Олега Варламовича Савицкого.

– А он... он жив?

– Увы, нет.

– Но у меня сейчас заседание кафедры, – явно растерялась она. – Я не знаю... А как вы меня нашли?

– Это было непросто... И все же, Янина Августовна? Когда и где? Я могу приехать к вам домой...

– Нет-нет, не нужно, давайте через два часа, нет, через два с половиной...

– Хорошо, я заеду за вами в институт, и мы где-нибудь посидим, выпьем кофе, я все вам расскажу...

– Хорошо... Но как мы узнаем друг друга?

– На мне черная кожаная куртка с меховым воротником.

– А на мне твидовое пальто.

– Тогда до встречи, Янина Августовна.

– Простите, я не расслышала, как вас зовут?

– Тимофей, Тимофей Борисович.

– А, я поняла... вы его племянник, да?

– Совершенно верно. До встречи!

Ну, слава богу, никаких истерик, воплей, проклятий, все тихо и интеллигентно. Стало чуть-чуть легче. Неужели сегодня вечером этот груз, наконец, с меня свалится? И чего я психую? Скорее всего, скромная преподавательница просто обрадуется неожиданному дару. Она же, небось, и думать забыла о пожилом мужике, который соблазнил пятнадцатилетнюю девочку, потом, испугавшись ответственности, удрал аж в Новую Зеландию. Она дважды была замужем, второй раз за шведом, прожила несколько лет в Гетеборге. Интересно все же, что она собой представляет? Олег чего только о ней не наговорил, вспомнил даже «Легкое дыхание» Бунина, а под конец сказал:

– Тим, женись на ней, если она не замужем.

– Олег, ты спятил? Я на минуточку женат и люблю свою жену.

– Увидишь ее, разлюбишь, она чудо! И я благословляю тебя на этот шаг...

Тимофей только рукой махнул тогда, мели, Емеля, твоя неделя!

Точно в назначенный час Тимофей дожидался ее на институтском крыльце. Туда выходило множество женщин, с интересом оглядывавших его спортивную фигуру, но ни на одной не было твидового пальто.

– Простите, вы Тимофей? – на ней был меховой жакетик. – Знаете, я забыла, что сегодня надела этот жакет...

Ничего особенного, сразу решил он. Хрупкая, в модных очках, волосы собраны в хвостик, красотой и не пахнет.

– Неважно, вы меня узнали, этого довольно. Позвольте, я возьму вас под руку, на улице скользко, а вы на каблуках...

– Да, я забыла... спасибо... А куда мы?

– Я отвезу вас в одно местечко, там народу мало, хорошо кормят, там мы будем гарантированы от любопытства ваших коллег и сможем спокойно поговорить.

Он подвел ее к своему «лексусу», открыл дверцу.

– Простите, Тимофей Борисович...

– Лучше просто Тимофей.

– Хорошо... Скажите, Тимофей, а он... давно умер?

– Нет, чуть больше двух недель...

– А какого числа?

– Девятнадцатого февраля...

– О господи, – едва слышно проговорила она, терзая в руках вязаные перчатки. – Странно, но именно в этот день мне было очень плохо... Ком

стоял в горле... и хотелось плакать... а каких-то объективных причин не было. Но утром все само по себе прошло.

– Может, просто совпадение? – осторожно предположил Тимофей. Неужто она вздумает со мной откровенничать? Рассказывать про неземную любовь? Только этого не хватало!

Она взглянула на него и, кажется, все поняла.

– Простите. Вы правы.

Он вздохнул с облегчением.

– Тимофей, а может быть, вы сейчас мне все скажете... и я поеду домой?

– Янина...

– Просто Яна.

– Хорошо, Яна, все не так однозначно и на ходу не хотелось бы...

– Ладно, как вы считаете нужным.

Она замолчала, глядя в окно. А он искоса смотрел на нее. В ней было что-то тревожное, ломкое. Длинные тонкие пальцы судорожно сжимали перчатки и тоже казались ломкими. И длинная тонкая шея... Ему вдруг показалось, что он уже где-то видел эту женщину. У него была отличная память на лица, но он не мог вспомнить. Видимо, показалось. Она ему не нравилась, он любил совсем других женщин, красивых, сильных, полных жизни. Кстати, и Олег тоже любил не таких... Ах, скорее бы разделаться с этой историей!

Он привез ее в маленький скромный ресторанчик. Помог снять жакетку и заметил, что молния на спине застегнута не до конца и вдруг это страшно его взволновало. Немедленно захотелось прижаться губами к этому обнаженному кусочку кожи. Бред! Он стряхнул с себя мгновенное наваждение, повесил жакет на вешалку, снял куртку. Они сели в дальнем углу. Им сразу принесли меню.

– Яна, по-моему, вам надо подкрепиться, может быть, выпить слегка?

– Ничего, кроме кофе, я ведь за рулем.

– Но поесть надо.

– Тимофей, ради бога!

– Успокойтесь, Яна. Я здорово проголодался, думаю, и вам надо что-то съесть, возражения не принимаются. Здесь хорошо кормят. Вы, часом, не вегетарианка?

– Нет, – слабо улыбнулась она. – Я люблю мясо.

– Прекрасно, я быстро все закажу.

– Ну ладно, тогда я пойду помою руки...

Она ушла. Он подозвал официантку и быстро сделал заказ,

предупредив девушку, чтобы не появлялась раньше, чем через полчаса. Та понимающе улыбнулась. Решила, что предстоит любовное объяснение, сразу сообразил Тимофей. Он надеялся покончить со всем за полчаса и потом спокойно поест, но тут увидел, что в зал вернулась Яна. Она распустила волосы и тут он сразу узнал ее. Это была та самая девушка с собакой, у которой из-под джинсов выпали забытые колготки. Только тогда она улыбалась задорно и бесшабашно, а сейчас смущенно и неуверенно.

– Вашу собаку зовут Тимкой? – огорошил он ее вопросом.

– – Что? – изумилась она.

– Он мой тезка?

– У меня нет собаки... Так звали собаку моей подруги, но с чего вы взяли?

– Мы уже виделись однажды...

– Пойдите, я вспомнила... Вы мне крикнули, что я сейчас упаду? – она вдруг улыбнулась той, прежней улыбкой. – Понимаете, подруга уехала, попросила пожить у нее, приглядеть за собакой. Тимка разбудил меня ни свет, ни заря, я еще сонная натянула джинсы и сунула босые ноги в теплые сапожки... Вы, наверное, очень меня осудили?

– Нисколько! Но моя жена вас осудила!

– Ас вашей женой такого не случилось? – В ее чудных серых глазах плескалась ирония.

– Ну, по крайней мере, я этого не замечал, а там кто ее знает...

Ему вдруг стало легко.

– Ну что ж, Яночка, приступим.

– Да, пожалуйста!

– Так вот. Какое-то время назад Олег, который был не только моим дядей, но и близким другом, вдруг срочно вызвал меня к себе, в Швейцарию, он последние годы много болел и жил в Швейцарии, у него были проблемы с сердцем, он перенес две операции... Но дело не в этом. Я прилетел к нему в некотором недоумении. С ним там была моя мать, он этого хотел, но со мной говорил с глазу на глаз... И признался мне, что по-настоящему любил в жизни только одну... девочку, которую...

– Я поняла, не надо формулировать.

Он взглянул на нее с благодарностью.

– Хорошо. Короче говоря, – Тимофей открыл кейс и вытащил оттуда папку с бумагами и довольно большую кожаную коробку.

– Я ничего не возьму, – сразу сказала она.

– Подождите, Яна! Здесь, – он показал на коробку, – подарки к дням вашего рождения за все эти годы. А здесь... документы на дом для...

девочки с перчиками.

Она вдруг сделалась белой как простыня.

Он вытащил из папки фотографии домика, где на всех окнах стояли горшки с цветными перчиками.

– Вот, взгляните! Олег случайно набрел на этот домик, там в саду тоже высажены эти перчики и на окнах, как видите, он купил дом для вас и перебрался туда...

– И там умер?

Тимофей замялся. Он как-то не подумал об этом.

– Да, – все-таки произнес он.

У нее дрожали губы.

– Какая идиллическая картинка... – проговорила Яна, глядя на снимки.

– А сейчас там кто-нибудь живет?

– Нет. Яна, вы можете сдавать этот дом, это очень неплохие деньги. Если, конечно, вы не захотите сами там жить.

– Нет, я уже пыталась жить за границей, ничего не получилось... У меня вообще... как-то! не очень получается... Простите, вам это все ни к чему. Что требуется от меня?

– От вас требуется принять эти дары и – только. Дом оформлен на мое имя. И в тот момент, когда вы согласитесь его принять, мы все официально оформим на вас, все учтено и предусмотрено.

Она подняла на него глаза, взглянула с большим интересом.

– Почему вы так на меня смотрите? – вдруг смутился он.

– Дом оформлен на вас? Тогда зачем вы меня искали? Я бы до скончания века об этом не узнала.

– Простите, Яна, но я честный человек...

– Я знаю, вы женаты. И ваша жена не возражала?

– Разумеется, нет, – поспешил ответить Тимофей. – А вы не хотите взглянуть на это... – он указал на коробку с подарками.

Она открыла коробку.

– Смешно, – сказала она.

– Что тут смешного?

– Он покупал подарки... Зачем? Складывал их в коробку, как индальгенции? А ваша жена видела эти вещи?

– Далась вам моя жена!

– Так видела или нет?

– Да! – соврал он. – Видела.

– И не сказала: Тима, отдай это лучше мне?

– Да боже избави!

– Господи, неужели бывают еще такие благородные и порядочные люди? Я вас поздравляю! И себя заодно. Вот привел Господь встретиться... Но, знаете, вы лучше все-таки отдайте это все вашей жене. Хоть кому-то пригодится, я не ношу драгоценностей.

– Моя жена тут вообще не при чем! – разозлился вдруг Тимофей. – Мне поручено близким для меня человеком отдать это вам. А вы вольны подарить это или продать, меня это не касается. Я вас доставлю со всем этим домой, а дальше как хотите!

– Вы сердитесь... Вас угнетает эта ситуация? Вы правы. Извините, я разнервничалась. Все.

Официантка принесла еду.

– Странно, но я проголодалась, – улыбнулась она.

– Почему странно?

– Обычно волнение напрочь отбивает у меня аппетит. Скажите, Тимофей, кто вы по профессии?

– Юрист. Работаю в большой строительной корпорации.

– Поняла. – Она задумалась о чем-то.

Господи, это же пытка, – подумал он.

– Ничего, Тимофей, осталось еще чуть-чуть, я допью кофе, вы отвезете меня к моей машине, потому что с такой коробкой как-то боязно ходить по улицам, и в такси тоже боязно...

– Что за чепуха! Я довезу вас до дома, более того, доведу до квартиры.

– Тимофей, а как вы меня нашли?

– Пришлось обратиться к профессионалам. Кстати, мне показалось забавным, что все три ваши фамилии начинаются на ЮР. Это что, принцип такой? Юркевич, Юрьева и Юргенсен?

– Нет, – улыбнулась она, – просто случайность.

Только сейчас, сидя напротив нее, он заметил, что у нее не очень ровные зубы. Два верхних передних резца слегка налезают один на другой.

– Вы смотрите на меня и думаете: что Олег нашел в ней, ведь так?

– Нет, не так!

– Простите, Тимофей, но меня страшно нервирует вся эта ситуация. Я хочу домой.

– Как угодно даме!

Ему тоже было тяжело с ней. Она жила у метро «Проспект Вернадского», путь им предстоял довольно долгий, особенно учитывая московские пробки.

– Тимофей, а Олег что-то рассказывал вам обо мне... о нас?

– Разумеется, он даже назвал этот рассказ исповедью.

– А он не сказал, почему он вдруг уехал... вот так, не попрощавшись... и... навсегда?

Вот этого он и боялся!

– Яна, а зачем сейчас ворошить это все? Олег умер, у вас своя, другая жизнь, к чему?

– В этом была как-то замешана моя мать?

– Ваша матушка жива?

– Нет, она умерла пять лет назад. Тимофей, умоляю вас, скажите, мне это страшно важно. И обещаю, больше вы обо мне вообще не услышите!

– А дом в Швейцарии?

– Что?

– Его надо будет переоформить на вас.

– Хорошо, пусть, но ради бога скажите, что там произошло?

– Воля ваша! К Олегу пришла ваша мать, она выследила вас, выяснила, кто он такой и предъявила ему ультиматум. Либо он уезжает из России и навсегда забывает о вас, либо она обвинит его в растлении малолетней и посвятит в это вашего отчима, а тогда Олегу мало не покажется. Ведь насколько я понял, ваш отчим был какой-то шишкой в МВД?

– И это все?

– Нет, ваша мать потребовала еще и денег. Вам на однокомнатную квартиру.

– Спасибо, Тимофей. И еще один вопрос, уже другого плана. Этот швейцарский дом можно продать?

– Можно, но не ранее, чем через пять лет.

– Почему?

– Таково условие покойного.

– Но ведь дом оформлен на вас?

– Я не имею такого права.

– Господи, что за бред!

– Олег сказал, что вы можете не принять дом сгоряча, или продать, наделать глупостей, а потом очень пожалеть...

– А если мы сразу переоформим дом?

– Это ничего не меняет. Вы тоже не можете его продать ранее, чем через пять лет.

– Демьянова уха...

– Ну, не совсем. Вы можете его сдать. Если вам это кажется сложным, предоставьте это дело мне.

– Я подумаю.

- Вот и хорошо.
- А у Олега детей не было?
- Ну, у него есть сын от первого брака, ему уже за сорок, но они не поддерживали никаких отношений, Олег хотел, но сын с детства был под влиянием матери... Он давным-давно уехал в Америку и, как говорится, с концами. А Олег, уехав тогда из России, больше не женился...
- А вы не знаете, он что-то оставил сыну?
- Его официальное завещание пока не может быть вскрыто, не ранее, чем через год, такова была воля покойного. Он потому и просил меня найти вас и все передать из рук в руки, чтобы вам не платить налоги и так далее.
- Понятно.
- И советую вам, Яна, тоже не распространяться об этом. Мало ли...
- Конечно.
- Они подъехали к стандартному многоэтажному дому.
- Спасибо, что довезли.
- Я провожу вас до квартиры.
- Хорошо, спасибо.
- И дам на прощание совет. Не держите эти драгоценности дома. Снимите в банке ячейку.
- Спасибо, вероятно я так и сделаю.
- Возьмите мою визитку и как только что-то решите насчет дома, позвоните мне. Надеюсь, эти дары раскаявшегося грешника принесут вам, ну, если не счастье, то удачу! Всего наилучшего!

Слава тебе господи! Гора с плеч! А ведь она права, вся история с домом чистой воды бред! Зачем завещать его явно очень небогатой женщине, лишив ее права продать дом? Как минимум негуманно! Зачем он ей вообще нужен? Детей у нее нет, мужа тоже... Впрочем, муж и дети вполне могут появиться. Ах, какое мне, собственно, до всего этого дело? Надо поскорее переоформить дом на нее и пусть она сама об этом беспокоится. А мне все это здорово надоело! Хочу домой, к Юльке! Он позвонил жене:

- Юль, буду минут через сорок, если, конечно, не застряну в пробке.
- Тим, миленький, я оставлю ужин на столе, мы с Галкой идем в театр!
- За тобой потом заехать?
- Нет, не стоит, мы на Галкиной машине. У тебя усталый голос...
- Да, сегодня пришлось нелегко. Думал побыть вечером дома, с тобой...
- Тимочка, хочешь, я не пойду в театр?

– Да нет, иди, зачем лишать себя удовольствия! Я просто поваляюсь с книжкой...

– Вот и хорошо! – явно обрадовалась Юлька. Странно, неужто ей надоела роль идеальной жены?

Яна медленно разделась, бросив жакетку на стул в прихожей и, надев тапочки, вошла в комнату, села к столу и открыла коробку с подарками от Олега. Она ничего не понимала в драгоценностях, но видела, что вещи все очень красивые и явно дорогие. Каждая лежала в своем отделении, отделений было пятнадцать. И каждое помечено годом. Первые три вещи, цепочка, кольцо и браслет были изящными, скромными, девичьими... а последний подарок был просто царским – сапфировое кольцо с бриллиантами. Яна засмеялась. Такие кольца носят только кинозвезды и дамы олигархов! Надо его продать! И вообще все надо продать! Зачем мне это? Хотя нет, вот это кольцо я, пожалуй, могла бы носить... Она примерила. Кольцо пришлось впору. В нем было что-то завораживающее – на кружок, выложенный бриллиантиками, был наложен треугольник с изумрудами. Оно казалось скромным и по-настоящему изящным. Да, кольцо я оставлю себе, ведь это все-таки память об Олеге, а остальное... Вот, оказывается, он вовсе не забыл обо мне. Помнил и, видимо, любил. Но, конечно, решил, что материального возмещения будет достаточно. Смешно... Я ведь никого так и не смогла больше полюбить. Ах, какой он был тогда! Меня, вероятно, никто бы не понял... Ведь такая разница в возрасте... Мне пятнадцать, а ему почти пятьдесят... Он был такой красивый! Высокий, стройный, совершенно седой... А как он смотрел на меня! Как на богиню, никто больше так на меня не смотрел... Я влюбилась в него с первого взгляда... Да и как не влюбиться в мужчину, который в буквальном смысле слова спас тебе жизнь! А через год сам сломал ее... Он так бесстрашно бросился за мной в море, а потом испугался угроз... ответственности... Хотя чему удивляться, ведь известно множество случаев, когда бесстрашных несгибаемых героев войны легко ломали сталинские застенки... Что уж говорить об Олеге... Но почему же он не нашел меня через несколько лет, когда я уже была совершеннолетней? Я думала, просто забыл, не любил по-настоящему... А он, оказывается, помнил и любил... Почему? Я никогда этого не смогу понять, за что он так расправился с моей и своей жизнью? Думал, что я забыла его, что он мне не нужен... Неужто только из-за разницы в возрасте? Как ужасно, что этот Тимофей нашел меня так поздно... Я бы бросилась к нему, посмотрела бы ему в глаза и все поняла бы... А может, если б Тимофей успел меня найти раньше, Олег еще

пожил бы... Я бы сказала ему, что до сих пор люблю, что он все эти годы был мне нужен... И разница в возрасте для меня никакой роли не играет... А теперь уже никогда... Никогда, какое страшное слово! Никогда не говори «никогда»... Ерунда, в этом случае «никогда» уже окончательно и бесповоротно. Может, я еще и смогу полюбить, но это уже будет совсем другая история, а тут – НИКОГДА! И я была права, это мама... Какая гадость, она шантажировала Олега, требовала с него денег, чтобы избавиться не от него, а от меня... Я мешала ее счастью с этим мерзким козлом, она же не знала, что он приставал ко мне. Или именно знала? Потому и поспешила меня отселить? Говорят, о покойниках или хорошо или ничего... Они оба уже покойники, а у меня нет для них добрых слов... О! Я знаю, что делать! Я продам эти цацки, продам свою квартиру, не хочу здесь больше жить! Я только подозревала, а теперь точно знаю, каким путем она мне досталась и больше не хочу! Олег, любимый мой, ты второй раз спасаешь меня! На новом месте у меня и жизнь начнется новая... И, может быть, в новой жизни мне пригодится этот домик с перчиками... Как мне нравилось, что она называла меня «девочка с перчиками»...

Она встала, пошла на кухню, взяла лейку и стала поливать свою любимые перчики, они росли у нее всегда, все знакомые восхищенно ахали, глядя на них. Многие брали у нее семена, отросточки, но ни у кого они почему-то не приживались. Ах, какая я дура, надо было спросить Тимофея, нет ли у него фотографий Олега, у меня ни одной нет. Ничего, спрошу, когда встречу, не надо затягивать, ему, по-моему, все это в тягость, он честный порядочный человек, зачем его зря обременять. Я теперь понимаю – Олег хотел мне помочь... потому что любил... И я приму эту помощь, потому что... люблю и всегда буду любить, если не его, то память о нем...

Но, как и кому все это продать? У меня нет знакомых олигархов... О, я знаю! Надо позвонить Пашке, давний любовник его мамы ювелир! Сказано, сделано.

– Алло, Маргарита Семеновна? Добрый вечер!

– Януса, детка, как я рада тебя слышать! А Пашки нет дома, у него какая-то краля завелась. Опять краля!

На языке Маргариты Семеновны «краля» было высшим порицанием.

– Ну, это же нормально...

– Почему ему обязательно нужны крали? Почему бы ему не жениться, к примеру, на тебе? Ты, по крайней мере, не краля!

– Но я школьная подружка... Маргарита Семеновна, я вообще-то звоню не Пашке, а вам.

- У тебя что-то случилось, деточка?
- Да, и мне очень нужен ваш совет.
- Тогда приходи прямо сейчас! Ты ужинала?
- Да.
- Ну ничего, попьем чайку и поговорим о нашем, о девичьем! Только шепни, ты влюбилась?
- Ох, нет, дело совершенно в другом...
- Ладно, жду!

Пашка с матерью жили в соседнем доме. Яна спрятала коробку, не взяв с собой ничего из нее. Потом подумала и надела на палец полюбившееся кольцо. Я теперь всегда буду его носить, Олег!

Маргарита Семеновна, эффектная шестидесятипятилетняя дама, работала секретарем директора в одном из академических институтов, была весьма начитанной, умной, с отличным чувством юмора и уже лет сорок встречалась с женатым любовником, зачастую сама над собой подшучивая. Вот и сейчас она встретила Яну словами:

– Можешь вообразить, захожу сегодня в бухгалтерию, так мне одна тетка заявляет: «Маргарита Семеновна, вы на пенсию не собираетесь?» Я ответить еще не успела, как наша главбухша говорит: «Что ты, Надя, Маргарита Семеновна у нас еще о-го-го, она еще ведет половую жизнь!» Вот же сука!

- Да она вам просто завидует!
- Конечно, я понимаю! Но зачем говорить об этом вслух? Ну, я ей выдала!
- Могу себе представить!
- Да, я сказала: регулярную половую жизнь, я буду вести, когда выйду на пенсию! А сейчас это так, секс-эпизоды!

Яна расхохоталась и поцеловала Маргариту Семеновну.

- Вы молодчина!
- А что у тебя стряслось? Выкладывай!
- Маргарита Семеновна, скажите, ваш Григорий Иванович может помочь продать драгоценности?
- Продать? Ну, я не знаю. Но оценить, притом честно, может. Ну и, наверное, посоветует, как может продать. А кому это вдруг приспичило?
- Мне.
- Тебе? Какие это у тебя драгоценности? Откуда?
- Я получила наследство. – И Яна рассказала славной женщине все.
- Ничего себе... Как красиво... Значит, этот кретин любил тебя все эти

годы... А ты... Тьфу, какой козел, он, конечно, просто боялся этой разницы в возрасте. Идиот, болван! Но история, как в кино... А ты и вправду хочешь это все продать? Ой, а у тебя колечко, дай-ка взглянуть. Красота! Ты колечко не продавай! А мать твоя хороша! Вот ведь поганка! Знаешь, ты правильно все рассудила! Продавай к чертям эту квартиру, может, потому тебе и счастья нет, что мать твоя, подлая, порчу какую-нибудь навела... Я вот прямо сейчас Григорию позвоню.

– А это удобно?

– Удобно, удобно. Кто заподозрит семидесятилетнего мужика в изменах? Алло! Гришенька?

Тимофей вошел в пустую квартиру и вдруг обрадовался, что жены нет дома. Он чувствовал себя вконец разбитым. Сбросил с ног ботинки, снял куртку, повесил в шкаф. Сброшенные ботинки нарушали идеальный порядок прихожей. Ну и пусть! Неохота сейчас наклоняться, ставить их на специальный коврик. В конце концов, я приехал на машине... В одних носках он прошел в гостиную и с размаху плюхнулся на диван. Подумал со смехом – будь Юлька дома, я бы уже заработал как минимум три замечания. Особенно за бросок на диван! Он встал и опять же в носках отправился на кухню. Налил себе виски, взял лед и орешки. Поставил все это на маленький поднос, отнес в комнату, поднос поставил на пол рядом с диваном, нарочно разбежался и опять прыгнул на диван. Задрал ноги на спинку, дотянулся до стакана с виски, отпил глоток и произнес вслух:

– Ах, хорошо!

Но тут же подумал: мне почти сорок, а веду я себя как глупый школяр, оставшийся дома без строгих родителей! Лежать, задрав ноги на спинку, было неудобно. Он поменял позу, поставил себе на живот вазочку с орешками.

Зазвонил телефон. Мама!

– Тимошенька, у тебя все нормально?

– Да, мамочка! А у тебя?

– Я была сейчас в театре, но спектакль такой скучный, что я ушла. И знаешь, кого я там встретила?

– Неужто Юльку с подружкой?

– Вот именно, с подружкой!

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего!

– Мама, ты что, хочешь сказать, что Юлька в театре с каким-то мужчиной?

– Да не с каким-то, а со знаменитым писателем, Леонтием Зноем!
– Как ты сказала?
– Леонтий Зной!
– Ни фиги себе! Сроду о таком не слышал! И что, хороший писатель?
– Тим, я не понимаю!
– Мам, ну даже если... Я в театр ходить не люблю, художественную богему не перевариваю, а Юлька молодая, красивая, пусть...

– Ты же, по-моему, любишь свою жену? – растерялась Ольга Варламовна.

– Мам, я что, похож на мавра?
– Тимоша, у тебя есть женщина?
– Да бог с тобой, мама! Я просто не ревнив в принципе... А ты зачем мне позвонила? Испортить на ночь настроение?

– Нет, ввести тебя в курс дела! Тебе не пойдут рога, мой мальчик, ты слишком коротко стрижешься, заметны будут даже крохотные рожки! – рассердилась Ольга Варламовна и в сердцах швырнула трубку.

Тимофей кривил душой, говоря что совсем не ревнив, интересно, что за история? Надо посмотреть, как поведет себя Юлька. Он набрал номер матери.

– Мам, а Юлька тебя заметила?
– Понятия не имею! Специально ей на глаза я не лезла. Все-таки тебя проняло, Тимоша?
– Да нет, но иметь такой козырь в рукаве вовсе не плохо! Так, на всякий случай!

Ольга Варламовна была довольна. Может, наконец, ее сын проснется... Что это за жена? Хотя, казалось бы, придраться не к чему. Красивая, великолепная хозяйка. Детей не хочет? Ну и пусть, Ольга Варламовна вовсе не жаждала иметь внуков. И уж тем более от этой Юльки...

А Тимофей, хладнокровно спрятав козырь в рукав, включил телевизор и через несколько минут задремал. Стоявшая на животе вазочка с миндалем упала, орешки просыпались на диван и ковер.

– Тима, проснись! Что это за свинушник ты тут устроил!
– А? Что? А, привет! Я уснул!
– Но почему надо разводить свинство? Посмотри, какая гадость! – На красивом лице жены была написана явная брезгливость.
– Подумаешь, большое дело! Ну, как спектакль?
– Спектакль классный! Просто суперский!
– Я очень рад! Ладно, я пойду спать.

- А кто будет убирать эту пакость?
- Какая уж такая пакость? Орешки? Так их завтра Алена уберет!
- Алена должна поддерживать чистоту, а не убирать за тобой грязь!

Тимофей очень внимательно посмотрел на жену. Она не часто устраивала скандалы.

– Знаешь, я не так уж мало ей плачу, может в кои-то веки и за мной убрать! Да и ты тоже не слишком обременена делами! – Он пошел к себе в кабинет и громко хлопнул дверью.

Что это с ним, испугалась вдруг Юля. Все это совсем на него непохоже. Тимофей человек мирный, добродушный, а тут... Скорее всего, неприятности на работе. Ничего, завтра будет просить прощения. А я даже рада, пусть ночует в кабинете...

Тимофей тоже удивился. Сам себе удивился. Что это со мной? Неужто ревность? Как глупо... С чего вдруг я взъелся? Или дело в Янине? Да нет, она мне совершенно не нравится, категорически не мой тип! В этот момент зазвонил его мобильник. Кто это? А, Мишка!

- Привет, Мишаня!
- Здорово, Тим! Рад, что застал! Не разбудил?
- Нет, что ты! Ты откуда звонишь?
- Из Москвы, представь себе. Я в Москву надолго, дела! Ужасно хочу тебя видеть! В твоём плотном графике найдется просвет для меня?
- А как же! Сейчас посмотрю... О, в семь вечера, завтра. Годится?
- Вполне! А где?
- Приходи к нам... Хотя нет, давай где-нибудь на нейтральной почве...
- Давай! – заметно оживился старый друг. – Тогда в семь у мамы. Ее сейчас нет, она в санатории, по крайней мере, спокойно выпьем и до дому тебе два шага.

– Ох, Мишка, обо всем подумал, молодчина! Жутко хочу тебя видеть! Не женился еще, бродяга?

- Да нет, знаешь ли...
- Ну и правильно.
- Тим, ты ли это?
- Поверь, это я! – засмеялся Тимофей.
- Ну, тогда до завтра?
- Ага!

Мишка Дунаевский, старый друг, еще с пятого класса. Тимофей тогда перешел в новую школу и его встретили не слишком приветливо, дразнили, задирали, он не очень умел защищаться: несколько раз ему разбили нос и вдруг Мишка, который долго болел и не знал Тимофея, вернулся в школу,

оценил ситуацию и неожиданно для всех взял Тимофея под свое покровительство. Он был самым сильным в классе, его боялись и уважали. Однажды он сказал подопечному:

– Значит так, сейчас ты под моей защитой, но должен и сам научиться за себя постоять, если надо будет. Даю три месяца, пойдешь заниматься каратэ или боксом, что больше нравится, но советую каратэ...

– А что будет через три месяца? – заинтересовался Тимофей.

– Ты наберешься сил, войдешь во вкус и тогда сможем общаться на равных. Сечешь?

– Секу!

Тимофей упросил мать отдать его в секцию каратэ, которое тогда уже становилось легальным. Он оказался очень способным. Через три месяца Мишка устроил ему проверку и остался доволен его успехами. Пожал ему руку со словами:

– Молодчина, я в тебе не ошибся! Теперь у тебя голова дружит с телом! И отныне мы друзья!

Вспоминая эти слова пятиклассника, Тимофей рассмеялся. Мишка всегда был взрослее своих сверстников и то, что он признал Тимофея равным себе, чрезвычайно польстило мальчишке. Ближе друга у Тимофея до сих пор не было.

Утром Юля кормила его завтраком. Стол как всегда был накрыт в столовой. В серебряном кольце лежала крахмальная салфетка бледно-фисташкового цвета, в тон скатерти. Жена держалась, как ни в чем не бывало... Он решил тоже с утра не обострять отношения, хотя его безумно раздражали эти потуги на светский тон.

Поначалу он еще боролся с ними, потом привык, перестал обращать внимание, а сегодня раздражение вдруг вернулось, но он изо всех сил сдерживал себя.

– Какие планы на вечер? – поинтересовалась Юля.

– Встречаюсь с Мишкой!

– О! Он в Москве?

– Да.

– Надолго?

– Еще не знаю, а что?

– Надо же пригласить его к нам. Он еще не женился?

– Нет.

– Тогда надо познакомить его с Ариной. Она должна ему понравиться.

– Сильно сомневаюсь! Он терпеть не может эмансипе.

– А кого он вообще может терпеть? На него не угодишь! – обиделась за приятельницу Юля.

– Просто не надо ему угождать! Он большой мальчик, сам найдет себе девочку.

– Да вот не нашел же...

– Значит, ему не надо, – едва сдерживая раздражение, сквозь зубы процедил Тимофей.

Юля сочла за благо ничего не заметить.

– Ну, тогда, пожалуй, я сегодня встречу с Инной. Она давно приглашала меня к себе на новую квартиру.

– Ради бога!

– Только, пожалуйста, постарайся не напиться с Мишей, у нас завтра с утра бассейн!

«Непременно напьюсь!» – решил про себя Тимофей.

Рабочий день оказался насыщенным и тяжелым, к вечеру голова уже раскалывалась. Ничего, поеду к Мишке, увижу его славную добрую морду, сразу станет легче. Тимофей купил по дороге бутылку виски, хотя знал, что у Мишки всегда есть выпивка, он вообще был довольно хозяйственным мужчиной. «Я все сам умею, зачем мне зависеть от баб?» – говорил старый друг, хотя женщинам он очень нравился. А еще Тимофей купил две банки шпрот, любимого лакомства Мишки. Его мамы, Нелли Яковлевны, сейчас нет, значит, цветов не нужно. И слава богу! Он терпеть не мог покупать цветы, Юлька давно объяснила ему, что у него нет вкуса, он в цветах ничего не понимает, а покупать готовые букеты – дурной тон. Поэтому в некоторых случаях он поручал это своей секретарше, ничуть по этому поводу не расстраиваясь.

– О, Тимоха! – воскликнул Мишка.

Они обнялись.

– Мишка, ты что-то растолстел!

– Понимаешь, курить бросил, вот меня и разнесло.

– А тебе, как ни странно, идет! Ты такой какой-то уютный стал! Я тут тебе шпроты принес!

– Ну надо же! – растрогался Мишка. – Пошли на кухню, я мясо приготовил, по новому рецепту.

На кухне был накрыт стол. Чего на нем только не было!

– Это на двоих? – ахнул Тимофей.

– А то! Думаю, два мужика под хорошую выпивку и не такое смолотят. Садись, дружище, я здорово соскучился!

Они пили, ели, болтали обо всем на свете, им было хорошо.

– Скажи, Тимоха, а как твой Олег поживает?

– Олег? Умер Олег.

– Да ты что? Прости, не знал. Давно?

– В прошлом месяце.

– Значит, ты теперь богатый наследник?

– Ну, кое-что мне и вправду перепадет... Но дело не в этом. Он меня напоследок здорово удивил... Миш, ты способен выслушать сентиментальную историю, даже не очень хорошего вкуса, прямо-таки из мелодраматического сериала?

Глаза Мишки загорелись любопытством.

– История подлинная?

– От начала и до конца.

– Валяй! Авось пригодится что-то... Знаешь, я ведь теперь начинающий писатель...

– Мишка! Я всегда говорил, что это твое... Ты уже что-то написал?

– Более того, уже издал! Но про меня потом, расскажи!

Тимофей рассказал.

Мишка слушал очень внимательно, хотя не задал ни одного вопроса.

– Знаешь, я испытал такое облегчение, когда отдал ей все эти дары...

– А она тебе совсем не понравилась?

– Понимаешь, я однажды уже встретился с ней, – он рассказал о первой встрече с Яной, – тогда она мне глянулась, а потом...

Нет. Не мое. Она для меня слишком... ломкая какая-то.

– Ты хотел сказать хрупкая?

– Хрупкая, да.

– Она одинокая?

– В каком смысле?

– Ну, муж, дети...

– Нету.

– А любовник?

– Понятия не имею, но не похожа она на бабу с любовником.

– Тимоха, друг, познакомь меня с ней!

– Зачем?

– Зачем знакомятся с женщинами! Она меня заинтересовала...

– Но как ты себе это представляешь? Я выступлю в роли сводника?

– погоди, что она преподает?

– Скандинавские языки.

– Супер, то что надо! Ты позвонишь ей и скажешь, что твой друг хочет

изучать шведский... И если она согласится, ты дашь мне ее телефон!

– Миш, если б я тебя не знал как облупленного, мог бы подумать, что ты польстился на Олегово наследство...

– Тимоха, так и в рыло схлопотать недолго! Мне даже в башку такое не вскочило! Надо же, как вас тут капитализм испортил... Совсем мозги набекрень! Подумать такое про старого друга... Фу!

– Ладно, ничего я не подумал! Она, кстати, тоже удивилась, что я ее не обокрал... Ну бог с ней, расскажи, что ты там пишешь?

– Детектив накропал!

– Да ты что! Обалдеть! С чего это вдруг?

– Сам удивляюсь. Вообще-то я на спор... Но мне вдруг так понравилось... Показал одному типу, тот говорит: здорово и отдал начинающему издателю, а тот, даже меня не спросив, послал рукопись на конкурс и вдруг выясняется, что мне дали первую премию. Конкурс, правда, не слишком заметный, но все же... Ну и вот издали... Даже самому неловко... – смущенно засмеялся Мишка.

– Эх, Мишка, до чего ж ты талантливый, собака! – восхищенно проговорил Тимофей. – А книжку подаришь?

– У меня еще нет экземпляров, а как только, так сразу...

– Так за это надо выпить! Да, скажи, а ты слыхал про такого писателя Леонтия Зной?

– Как, прости?

– Леонтий Зной.

– Нет, не слыхал, а что?

– Да я тоже вчера первый раз услышал.

– От кого?

– От мамы. Ну, раз не знаешь, так и черт с ним. За начинающего писателя!

– Нет, Тима! Вот когда книжка в руках будет, тогда мы специально это дело обмоем, а пока давай за нас, все-таки несмотря ни на что мы столько лет дружим... Это дорогого стоит!

– Кто бы спорил!

Они ополовинили уже вторую бутылку, когда Тимофею позвонила жена.

– Тим, ты же обещал не напиваться! Ты домой вообще собираешься?

– А как же... Но не сегодня!

– Ненавижу эти пьяные загулы! Нам же завтра в бассейн!

– А ты полагаешь, я нуждаюсь в тотальном контроле? – вдруг взбесился Тимофей.

– Полагаю, да! Ты вообще с тех пор как умер Олег, невесть кем себя вообразил...

– Что? – мгновенно протрезвел Тимофей.

– Думаешь, богатый наследник, так теперь тебе все можно? – истерически выкрикнула Юля.

– Ну, милая, это ты поспешила посчитать мое наследство, а я вполне могу предположить, что Олег все завещал кому-то другому, завещание будет оглашено только через год, так что... особо не мылься! – уже кричал он. – Даже если я что-то и унаследую, меня это не колышет, я и сам себя прокормлю и тебя заодно... А вообще, не нравится, скатертью дорога, ты ж теперь любишь знойных мужчин. Я не прав?

– Ты пьян, и я не желаю разговаривать в таком тоне!

И Юля швырнула трубку.

– Что это с тобой, дружище? Ты вроде не очень пьяный, чего так завелся?

– А, ладно, разберемся... Не хочу я об этом говорить. Блин, так хорошо сидели, а она...

– Естественно. Никакой бабе не нравится, когда мужик пьянствует со старым товарищем. Вот потому я и не женюсь.

– А зачем тогда хочешь с Яниной знакомиться?

– Да просто поглядеть на женщину, способную вызвать такие чувства. Хотя, скорее всего, там не столько чувства были, сколько сознание вины. Ну бог с ней, не стану я с ней знакомиться. Глупость одна!

– Правильно, Мишка! Вообще вязаться с бабами – чистой воды глупость... И про любовь это всё литературные выдумки, а руководит нами только инстинкт, как считается, основной. Ты вот, Мишка, любил кого-нибудь? Так, чтобы с катушек слететь? Я лично никогда.

– А я любил... – неожиданно, после некоторой паузы, произнес Мишка.

– Почему не знаю? И где же она?

– Она... умерла...

– От любви?

– Да нет, от заражения крови...

– Расскажи!

– Тебе, в самом деле, интересно?

– Конечно!

– ... Это было семь лет тому назад. Я тогда жил в Париже, она была моей соседкой по площадке...

– Парижанка?

– Нет, полурусская, полукиргизка, звали ее Наташа, но она называла

себя Джамилей, она... была моделью... внешность у нее такая экзотическая... Красивой не назовешь, а в гриме – чудо, а вот карьера у нее не задалась. Она работала, но, что называется, во втором эшелоне. Уставала страшно, моталась по городам и странам, падала в голодные обмороки. Я ее жалел жутко, она иногда приходила ко мне, вываливала на меня все свои горести. «Хорошо с тобой, Миша, спокойно, и поговорить по-русски можно...» Иногда спрашивала: «Миша, скажи, чего во мне не хватает, почему другие девчонки только приедут и уже на вершине, а мне не везет...» У нее мечта такая была – стать супермоделью. Родители ее развелись, но отец оплачивал ее крохотную квартирку. Она была страшно одинока... Я звал ее замуж, но она говорила: я не для того в Париж приехала... Дурочка... Приехала в Париж, чтобы умереть.

– А она тебя... любила?

– Нет, просто иногда спала со мной... она была одержима своей дурацкой мечтой... Ей стукнуло уже двадцать три года, а в их бизнесе, если ты к этому возрасту ничего не достигла, так уже и не достигнешь. Я ей пытался объяснить, что по общечеловеческим меркам она очень молода, вся жизнь у нее впереди. Я вынужден был на два месяца уехать в Аргентину, звал ее с собой, но она ни в какую, ее пригласили на очередной второразрядный показ... Я звонил ей, слал эсэмэски, а потом вдруг она перестала отвечать. Ну, когда я вернулся, в ее квартире жил какой-то парень, он ее не знал, а консьержка сказала мне, что она умерла от заражения крови. Стерла ногу, всего лишь... Вот такая история, вот такая любовь.

Тимофей задумчиво смотрел на друга.

– Нет, Миша, это не любовь.

– Много ты понимаешь...

– Если бы она не умерла, ты через год или два просто возненавидел бы ее, потому что когда женщина одержима такой идиотской идеей и все приносит ей в жертву, вплоть до своей и твоей жизни... Но она умерла, история получилась жутко печальная... К тому же, как я понял, девушка была хороша собой... Наверное, каждому человеку в жизни нужна печальная история...

– Тима, а ты умный мальчик! – вдруг улыбнулся Мишка. – Я иногда сам себе что-то подобное говорил. У тебя, как я понял, такой печальной истории еще нет?

– Какие наши годы! – засмеялся Тимофей.

– Это правда, брат! Какие наши годы!

– Мишка, тебе надо жениться!

- Жениться? Ты вот давно женат... Много у тебя счастья в жизни?
- Еще месяц назад я бы ответил – да! А сейчас...
- Знаешь что, дружище, давай-ка иди домой! Зачем напрягать отношения в семье? Мы с тобой еще свое возьмем!
- В семье? Где она, семья? Я сам себе семья, по Вознесенскому – во мне как в спектре живут семь «Я»...
- О, Тима, ты набрался, пожалуй, я тебя провожу!
- Да ты что, Мишка, я сам!
- Нет уж, мне так спокойнее будет, а то еще в какую-нибудь драку ввяжешься, я тебя знаю!

Утром Юля разбудила его как ни в чем не бывало.

- Тим, пора в бассейн!
- Юль, езжай без меня, голова раскалывается!
- Ерунда! Вот тебе бульон, выпьешь и оклемаешься! Давай, давай, после бассейна почувствуешь себя человеком, проверено! А сейчас ступай в душ!

Тимофей подчинился. Но под душем он вдруг вспомнил вчерашний вечер, телефонный скандал, который она ему закатила, хотя вовсе не была скандалисткой. Он с величайшим трудом подавил глухое раздражение. Зачем обострять отношения?

Яне было грустно. И страшно. Эти драгоценности в квартире... Надо бы их и вправду положить в банковскую ячейку. Но пока ювелир их не посмотрел, наверное, не стоит. Да и боязно идти с ними в банк. Попрошу Пашку пойти со мной, но когда? По будням он на работе, а по выходным банки, скорее всего, закрыты. Мысль о новой квартире уже не казалась такой заманчивой. Это ж сколько хлопот... А сил нету... И вообще... Как-то не умею я быть богатой... Меня непременно облапошат... Правда, тетя Рита и Пашка всегда готовы помочь, но кто знает... Ведь одно дело помочь бедной-несчастной и совсем другое богатой наследнице...

- Янка, что за кольцо? – спросила приятельница и коллега Вета. – Как красиво, глаз не оторвать! Богатый поклонник завелся?
- Да нет, оно мне осталось от бабушки.
- Старинное? Это настоящие брюлики?
- Наверное.
- А ты ж вроде не носишь украшения?
- Не носила, да, но вчера примерила, мне понравилось.

- Ты бы оценила его.
- Зачем?
- Ну, мало ли как сложится... вдруг придется продать, по крайней мере, будешь знать, на что рассчитывать.
- Ты, возможно, права... Хотя нет. Я его оценю, узнаю, сколько оно стоит, а потом потеряю, будет обидно.
- Господи, Янка, до чего ж ты малахольная! – засмеялась Вета.
- Какая есть, мне уж меняться поздно, четвертый десяток пошел.
- – Слушай! А приходи ко мне на день рождения!
- С чего это вдруг? – удивилась Яна.
- Ну могу я пригласить коллегу к себе на день рождения? Приходи, правда!
- А когда?
- Ну вообще-то у меня день рождения в пятницу, а отмечать будем в субботу. Свекровь знаешь какой стол накроет! Она у меня мастерица. Пирог, салаты, поросенок жареный, все по высшему классу! Заодно новую квартиру посмотришь!
- Слушай, Вет, а новая квартира это очень сложно?
- В каком смысле?
- Ну, переезд, оформление...
- А ты почему интересуешься?
- Хотелось бы поменять квартиру, пока только теоретически, конечно.
- Ну, если бабки есть, то какая сложность? Обращаешься к надежному риелтору и он всем занимается. А переезд это, конечно, муторно. Но я почти ничем и не занималась, муж и свекровь меня избавили.
- Повезло тебе со свекровью!
- Вот это правда! Редкое везение. Такая клевая тетка! Я ее просто обожаю!
- И она тебя, видимо, тоже?
- Ценит! Насчет обожания не знаю, но... Ну так что, придешь?
- Приду, с удовольствием! А что тебе подарить?
- Подари мне тушь!
- Здорово, а какую?
- А такую как у тебя, это ведь «Герлен», да?
- Да. Как приятно покупать подарок, точно зная, что угодишь, – улыбнулась Яна. – А народу у тебя много будет?
- Человек пятнадцать, наверное...
- А из наших кого-нибудь зовешь?
- Не-а, и так надоели до смерти! Ну куплю торт и шампанское, как

водится, в пятницу отметим и хватит. Только ты никому не говори про субботу!

– Естественно, не скажу!

Яна обрадовалась этому приглашению. Я так давно нигде не была, к тому же и семья у Веты славная. Муж Андрей симпатяга, сынишка Юрчик семи лет, и свекровь Майя Мироновна. Вот и с подарком проблемы не будет и вообще, хоть отвлекусь от мыслей об Олеге. Надо только одеться как-то понаряднее...

В пятницу вечером к ней должен был прийти Григорий Иванович, ювелир. Яна здорово волновалась. Он пришел вместе с Маргаритой Семеновной. Роскошная бело-розовая блондинка, которой никогда не дашь ее шестидесяти пяти, как-то странно смотрелась рядом с тощим длинным Григорием Ивановичем, который выглядел на все свои семьдесят. Вот у них все правильно, они до сих пор «живут половой жизнью». А я? У меня уже больше года никого не было... Но мне и не надо, я не хочу без любви. Только вот после Олега у меня вообще любви не было.

– Ну-с, барышня, где ваши... изделия? Показывайте! Маргарита меня уже до печенок достала, идем да идем! Ну, мы пришли, показывайте, не томите душу!

Глаза Маргариты Семеновны горели любопытством. Яна достала из шкафа коробку, поставила на стол.

– Вот!

– Богородица, Дево, радуйся! – воскликнул Григорий Иванович. Первым делом он осторожно вынул из коробки кольцо.

– Красивая вещь... Даже очень!

– Дай я посмотрю! – попросила Маргарита Семеновна.

– Зачем тебе смотреть? Тебе и даже мне и даже нам вместе на это, судя по всему, денег не хватит! Да и вообще на старых толстых, пардон, пышных дамах такие штуки выглядят смешно. – Он глянул на Яну. – Да и на таких молодых и тощих, пардон, худеньких, тоже не очень. Это кольцо для Софи Лорен... Хотя все надо проверить. – Он достал из своего потрепанного портфеля бархатную тряпочку темно-синего цвета, аккуратно расстелил на столе, разложил на ней кольцо, достал лупу, монокль и маленький пинцет. Он как будто священнодействовал... – Да, медам, доложу я вам... это вещь стоимости баснословной. Работа какая, но тот, кто это покупал, был, доложу я вам, большой идиот...

– Почему? – в один голос воскликнули дамы.

– Ну, к такому колье как минимум нужны такие же серьги. А он просто... вложил, что называется. Он не думал о женщине, которая станет это носить. Я прав, Янина?

– Ну, я не знаю... но скорее всего, правы. Я такое никогда не смогла бы носить... Григорий Иванович, а это можно продать?

– Можно, но не так просто, именно потому что нету сережек. Сет впарить нашим олигархам легче, чем одно колье.

– Гриша, а сколько реально это может стоить? Девочке нужна новая квартира, этого хватит?

– Квартира или, к примеру, пентхаус?

– Господи, просто приличная двухкомнатная квартира, – прошептала Яна.

– Ну, на пентхаус точно не хватит... А квартиру, если еще эту продать, хватит. Даже и на три комнаты.

– Гриша, и как скоро это можно продать?

– Боюсь, быстро не удастся! Но я постараюсь! Риточкина просьба для меня закон! – Он достал из портфеля еще и фотоаппарат, сфотографировал колье в разных ракурсах.

– Зачем это? – робко спросила Яна.

– А как, по-вашему, я должен искать покупателя?

– А вы возьмите колье, я вам полностью доверяю!

– Господи, до чего глупая женщина, я прямо удивляюсь! Знает занудные скандинавские языки, а меня принимает за идиота! А если меня сегодня ограбят? Или я кому-то покажу вещь, а он решит забрать ее у меня силой? Я ж не с профессорами дело имею, а с бандитами в основном... Наши олигархи тоже недалеко ушли от бандитов! Вот что, моя дорогая лохесса, завтра утром отправляйтесь в банк, снимите ячейку и пока я не скажу, терпите.

– Гриша, а остальное?

– Я должен осмотреть каждую вещь отдельно, я же добросовестный человек, тебе ли этого не знать, Ритуля!

В субботу утром Маргарита Семеновна зашла за Яной, и они поехали в банк. Когда процедура была окончена, Яна выдохнула:

– Фу, гора с плеч!

– Жить стало легче, жить стало веселей?

– Ой, не говорите, тетя Рита! А давайте сейчас завалимся в какое-нибудь кафе, съедим чего-нибудь сладенького, вроде как обмоем первую продажу?

Дело в том, что Григорий Иванович вчера купил у Яны старинные золотые серьги венецианской работы.

– Как нечего делать! – пожалла плечами Маргарита Семеновна. – Только не в «Шоколадницу». Не люблю!

– Как скажете, тетя Рита!

Они двигались в сторону Центра, и на Комсомольском проспекте Маргарита Семеновна вдруг скомандовала:

– Давай, сейчас направо, потом второй поворот налево и еще раз налево. Тут обалденный кофе и пирожные достойные!

В маленьком уютном кафе в этот час народу было совсем мало.

– Я не за рулем, посему выпью айриш! А тебе нельзя!

– А я не люблю айриш, предпочитаю американо!

Пирожные и впрямь оказались хороши.

– Ой, тетя Рита, я так вам благодарна!

– Слушай, Янка, не ерунди! Есть о чем говорить!

– Есть, тетя Рита! В моей жизни было очень мало таких людей как вы!

– Ну не везло тебе, это правда, а всего хуже, когда родная мать оказывается такой засранкой... Но, я думаю, теперь все изменится. Тот тип умер, отпустил тебя на волю, да и к тому же недурно обеспечил! Теперь тебе и люди хорошие будут встречаться. Ты сама по-другому на людей глядеть будешь. А квартиру и вправду надо поменять.

– Какая вы мудрая, тетя Рита!

– Ты о чем?

– Знаете, вот тот человек, который мне все это привез...

– Интересный? Сколько лет?

– Нет, не в том дело... Просто он очень порядочный, честный. Дом записан на его имя, и эти украшения... Ему даже в голову не пришло, что он может запросто все это присвоить.

– Он, наверное, холостой?

– Нет. Женатый. Но и жена, видимо, тоже порядочная.

– Ну-ка расскажи, как этот честняга выглядит!

– Зачем? – улыбнулась Яна.

– Расскажи, жалко тебе что ли?

– Ну, он такой... довольно высокий, фигура хорошая, руки большие, красивые...

– Ну, а лицо? Не лысый?

– Нет, но очень коротко стриженный. Ничего особенного в лице нет, но он приятный и глаза хорошие...

– А он на тебя не запал?

– Да нет! Он, по-моему, счастлив был несказанно, когда наконец, отделился от меня. Его очень тяготила эта задача...

– А лет ему сколько?

– Думаю от тридцати пяти до сорока. А вы почему так интересуетесь?

– Ну, для полноты картины! Янка, ты знаешь, Пашка уезжать собрался.

– Куда?

– В Грецию! Их фирма открывает там филиал и Пашка должен его возглавить!

– Но это же здорово! И Греция не так уж далеко. Будете ездить к нему...

– А если он заведет себе греческую кралю?

– Думаю, обязательно заведет! – улыбнулась Яна. – В конце концов, не все ли равно, какой национальности краля? А вдруг в Греции он найдет просто хорошую девушку?

– Думаешь, такое возможно?

– А почему бы и нет? В этой жизни возможно все, как я понимаю... Теперь понимаю! Разве я могла предположить, что Олег не просто помнил обо мне, а... любил и заботился?

– Слушай, Яночка, я ведь толком и не знаю, как ты с ним познакомилась? Откуда он взялся и что там у вас было. Расскажи, интересно же! Ой, тебе, может, неприятно это будет? Тогда не нужно!

– Да нет, тетя Рита! Мне теперь даже хочется вспомнить...

– Уверена?

– Да, мне, наверное, нужно хоть кому-то рассказать... В то лето мать меня отправила отдыхать в Крым, у нее там двоюродная тетка жила в небольшом поселке, недалеко от Алушты. Там было хорошо, привольно. Эта материна тетка добрая была, и ко мне отнеслась как к родной... Заботилась, но не зудела. Я целыми днями торчала на берегу, было там такое местечко среди скал, небольшая песчаная проплешина, которую все пляжем звали. В выходные на этом «пляже» ногу поставить некуда было, а в будни хорошо, народу мало. Я с книжкой там разлягусь, загораю... Парнишка один, из местных, плавать меня учил. Я быстро научилась, воды совсем не боялась... парнишка, его Виталькой звали, катал меня на моторке, вообще, всячески ухаживал, фрукты из родительского сада таскал...

– Словом, влюбился?

– Ну да, но так... целомудренно...

– И ты тоже в него влюбилась?

– Нет, мне просто там было очень хорошо, без матери... Но в один прекрасный день Витальку этого отец в Симферополь за чем-то послал на

два дня. Ну, я не расстроилась, отправилась одна купаться. А там шторм, не очень и сильный, с виду нестрашный, мы с Виталькой в такой уже купались... Я, конечно, полезла в воду, дура такая, да еще поплыла... и вдруг волна меня подхватила, я не знала, что делать и стала тонуть... Воды нахлебалась и от страха совсем одеревенела. Ну, думаю, все, конец... И тут кто-то вдруг меня хватает, я еще больше испугалась... Одним словом, очнулась я на берегу. Лежу на большом махровом полотенце и кто-то мне искусственное дыхание делает, меня водой вырвало, и я окончательно в себя пришла... Гляжу, какой-то мужик надо мной наклоняется, рот мне вытирает, голову поддерживает...

– Ну, – говорит, – очнулась? Чего ты, дуреха, в такой шторм в воду-то полезла?

А я гляжу на него и понимаю, что влюбилась в него, даже не с первого взгляда, а еще раньше... Он такой красивый был, хоть и старый... Стройный, загорелый, волосы седые, а глаза синие и такие добрые...

– Тебя как зовут, красавица?

– Яна, – говорю. – Янина... Это вы меня спасли?

– Ну я, больше тут, как видишь, никого нет. Я-то случайно тебя увидел, но, похоже, это был счастливый случай...

– Ну, для меня точно!

– И для меня, кажется, тоже. Ты далеко отсюда живешь?

– Минут десять ходу.

– Дойдешь?

– Да.

– А вещички твои где?

Смотрю, нет моего сарафанчика и только одна босоножка, море, видно, слизнуло. А у меня эти босоножки вообще единственные. Ну, я разревелась...

– Чего ты плачешь, глупенькая? – и голос у него такой теплый, ласковый...

Но сказать, что это у меня единственная обувь, язык не поворачивается...

– А почему это у тебя только одни босоножки были? – спросила Маргарита Семеновна.

– А мать считала, что нечего меня баловать. У меня всегда до Олега одна пара обуви была. На лето босоножки, на зиму сапоги, а на весну-осень кроссовки.

– Ладно, рассказывай дальше, неохота о твоей мамаше говорить... О покойниках плохо – это грех!

– Но он сам обо всем догадался. Смотрит на меня и говорит: – это дело поправимое, подымайся, поедем сейчас и все тебе купим... Подымайся, девочка! – и руку мне протягивает. Я встаю и вдруг меня шатнуло, он подхватил меня на руки и понес, как пушинку. Вы, наверное, не поверите, тетя Рита, но в этот момент я, совсем соплячка, только раза два с мальчишками целовалась, вдруг чувствую – я женщина, а этот мужчина – единственный на всю жизнь... Он отнес меня к своей машине, достал из багажника свою футболку и говорит: – Залезай на заднее сиденье и переодевайся, все мокрое сними, если замерзла, пледом укройся. Я тебя к себе отвезу, а то в таком виде на люди нельзя, сплетен не оберешься. Оставлю тебя, а сам в город смотаюсь, одежонку тебе куплю и обувку тоже.

– А как вас зовут? – спрашиваю.

– Олег Варламович, но лучше просто Олег!

Ну, отвез он меня к себе, а у него дом за поселком стоял, уединенный, красивый такой... Он меня в дом завел, камин растопил, кофе мне со сливками в большую кружку налил, из холодильника всякие вкусные вещи достал и говорит:

– Сиди тут, грейся, а я поехал. Слушай, а может, заехать к твоим, предупредить?

– Ой, нет, не надо, меня допоздна никто не хватится...

Он как-то странно на меня посмотрел, спросил мои размеры и уехал. А я осталась одна в этом красивом доме, у камина. Все как в кино... Я первый раз в жизни настоящий камин видела... Ну, словом, головенка у меня кругом идет. И о чем я, пятнадцатилетняя дура, мечтаю? Чтобы этот старый мужик меня обнял, поцеловал... и увез бы куда захочет... Вдруг смотрю, на окошке у него цветы стоят в горшках, и среди них кустик такой с красными перчиками. И так мне эти перчики понравились, просто глаз отвести не могу, подошла, потрогала, настоящие, только запущенные какие-то, земля сухая... Я взяла на кухне кувшинчик фарфоровый, все цветочки полила, их там не много было, горшков пять или шесть, я их все обиходила, сухие цветочки-листочки оборвала, столетник под краном помыла... А тут он входит.

– Ты чем тут занимаешься, девочка?

– Да вот цветочки ваши обиходила.

– Ишь ты какая... – И так он на меня смотрит... – Вот, примерь!

Сарафанчик он мне купил, желтоватенький такой с красными перчиками. Я засмеялась, а он говорит:

– Знаешь, есть такая знаменитая картина художника Серова, называется «Девочка с персиками», а ты у меня будешь девочка с

перчиками...

– А вы, я смотрю, перчики любите?

Он так пристально-пристально на меня смотрит и говорит совсем тихо:

– Нет, я тебя люблю, девочка с перчиками! Всю жизнь такую искал, а вот Бог привел из моря такую выудить...

У меня крышу сорвало, я к нему на шею кинулась. Он ахнул, а потом сжал меня и начал целовать как ненормальный. Потом вдруг отстранился и спрашивает:

– Тебе сколько лет?

– Пятнадцать.

– Сколько? Ну вот что, иди-ка ты отсюда от греха подальше. Я старик уже, и такие девочки не для меня. Иди-иди! И прости за глупости, которые я тут наговорил, насчет любви... С мужиками такое бывает, что-то вдруг померещится и плетут они невесть что.

И он меня почти что взащей вытолкал. Иду домой, реву белугой. Как же так? Меня как будто из рая в ад зашвырнули одним махом. Недаром мать всегда твердила: мужики все сволочи, скоты неблагодарные... Хотя чего ему быть мне благодарным, это я ему жизнью обязана! Только без него разве жизнь? В таком отчаянии была, что и не подумала – на мне ведь сарафан и босоножки новые, а что я скажу тетке? Даже в голову не брала... А дома меня такой скандал встретил! Я пришла вся зареванная, в новом сарафане и босоножках, что тетка могла подумать?

– Что тебя изнасиловали, а испорченный сарафанчик возместили, да? – сказала Маргарита Семеновна.

– Именно! Уж как я клялась, ничего не помогало. Тетка меня за руку схватила и куда-то поволокла. Оказалось, к гинекологше знакомой, что через два дома жила. Потребовала, чтобы та меня осмотрела, мне так страшно было, и противно, и стыдно, зато, когда врачиха сказала, что все со мной в порядке, я девушка еще, тетка вся красная как свекла стала, прощения просила... И уж про сарафанчик думать забыла. Я полночи проплакала, такой тяжкий денек выдался... Неужели, думаю, никогда больше его не увижу? Утром встала и пошла к нему. Дом запертый стоит и цветов на окошке нету. Понимаю, что уехал он, сбежал. А через неделю и я в Москву вернулась. В школу пошла и все мне не в радость... Одно хорошо, мать нового мужика завела, полковника МВД, и ей не до меня стало. Ей редко до меня дело было, все стремилась жизнь свою устроить... А я иду как-то по улице, гляжу, старушка комнатные цветы продает, да не в горшочках, а в консервных банках. И среди них перчики. Я подлетаю:

«Почем перчики?» Она назвала какую-то совсем смешную цену, я стала по карманам шарить, и трясет меня как в лихорадке, так хочу этот перчик купить, наскребла я ей все, что смогла, там какой-то ерунды не хватало, ну, она мне все равно перчик отдала, объяснила как за ним ухаживать и даже на листочке латинское название написала «Капсикум аннуум»! Старушка интеллигентная была, видать, совсем обнищала. И вот, верите, тетя Рита, этот перчик меня любил... Я так за ним ухаживала! И он мне взаимностью отвечал. Он у меня до сих пор жив, я его Олежекком назвала.

– Пстой, так ты что же, больше того мужика и не видела? Это после одной встречи он тебе такие подарки сделал?

– Нет, что вы! Это только преамбула. Прошла, наверное, неделя после того, как я перчик купила. Выхожу утром из дома, в школу идти, смотрю «мерс» серебристый во дворе стоит. Ну стоит и стоит. Я выхожу со двора, собираюсь к школе свернуть, вдруг ко мне этот «мерс» подъезжает, а за рулем он...

– Господи, как же он тебя нашел? – ахнула Маргарита Семеновна.

– До сих пор не знаю... У меня ноги подкосились. И обида вдруг и гордость выгнали. Отвернулась и пошла. А он из машины выскакивает, за плечо меня хватает. «Янка, любимая, не могу без тебя! Пытался, не получается! Ты мне каждую ночь снишься, совсем пропадаю! Давай поговорим!»

– Я в школу опаздываю!

А он:

– Можешь один день прогулять? Поедем куда-нибудь, поговорим! Не ломайся, а то вон на нас уже внимание обращают!

И тут я понимаю, что кто-нибудь обязательно матери доложит, что я к старому мужику в машину села, мать тоже меня к гинекологу потащит...

Он, кажется, понял мои колебания, и шепчет:

– Сделай вид, что ты мне дорогу показываешь. Я отъеду и буду тебя за кинотеатром ждать.

Мне вдруг все это таким романтичным, захватывающим показалось, я оборачиваюсь, смотрю, соседка по площадке на рынок пилит, а сама на меня с любопытством косится. Я сразу сообразила, говорю: «Тетя Рая, вот тут человек зубную поликлинику спрашивает, вы знаете где?»

– Зубную? А вон там, за кинотеатром, налево поверните, а потом второй поворот направо.

Он поблагодарил и уехал. А тетя Рая мне нотацию читать вздумала:

– Ты зачем с чужим мужиком разговоры разговариваешь? Да еще на иностранной машине мужик, скорее всего из бандюков... Ладно, этот

приличный попался, а в другой раз запихают в машину и увезут куда-нибудь в лес, насильничают и грохнут потом.

– Тетя Рая, мне в школу пора!

Маргарита Семеновна слушала, затаив дыхание, а у Яны лицо сейчас было отсутствующее, просветленное, она вся ушла в свои воспоминания.

– Я села к нему в машину, думала, он сразу обнимет меня, поцелует, а он смотрит на меня и лицо у него странное. «Какой ужас, Лолита... – говорит, а я тогда знать не знала ничего про Лолиту, – что мне делать, я с ума схожу...»

А я сижу в этой машине и чувствую себя дура душой. И хочу уйти, а не могу, тянет меня к нему. А он руки на руль положил, голову на руки уронил и молчит. И я понимаю, он боится... Я ж малолетка еще.

– И в школьной форме, небось? – подала голос Маргарита Семеновна.

– Да нет, мы тогда форму уж не носили... – улыбнулась Яна. Ей вдруг расхотелось вспоминать. – Короче говоря, я с ним сошлась, он любил меня так, как никто никогда... Я в этой любви купалась... Счастлива была, никого другого мне в жизни не нужно было, на край света, в Сибирь бы за ним пешком пошла... Правда, мы с ним никогда никуда вместе не показывались, прятал он меня ото всех, говорил – если кто-то узнает о нас, могут быть большие неприятности и даже несчастья. А потом он вдруг исчез. Записку только оставил, мол, любит, жить без меня не может, но вынужден уехать, а потом непременно меня найдет и заберет к себе за границу, когда я буду совершеннолетняя. А мать мне вдруг квартиру подарила, отселила меня, я уж потом через несколько лет заподозрила, откуда квартира взялась. До восемнадцати лет я надеялась, вот, думала, стукнет мне восемнадцать, он явится за мной. Не явился... А я потом замуж вышла за приятеля, Вовку Юрьева, прожила с ним полгода, больше не выдержала... Ну, а дальше вы все знаете, тетя Рита...

– Да, детка, знаю. Но ты умница, что вернулась из этой своей Швеции... Ты вообще умница, не пропала, не пошла по рукам, выучилась, преподавателем стала... А теперь вот освободилась. Можешь заново жизнь начать, семью завести. У вас там, в институте, приличные мужики-то есть?

– Да нет, я, по крайней мере, их не вижу.

– А кого ты вообще видела до сих пор? Но теперь уж надо другими глазами на жизнь смотреть... – Маргарита Семеновна погладила Яну по руке. – Я знаешь, как была бы рада, если б Пашка на тебе женился. Он тебе ничуть не нравится?

– Тетя Рита! Мы с Пашкой школьные друзья, но...

– Ладно, это я так... на всякий случай... Просто Пашка скоро уедет, а

ты...

– Но я-то никуда не уезжаю, – ласково улыбнулась Яна. – Ой, мамочки, я совсем забыла, мне ж сегодня на день рождения к Вете, а я еще подарок не купила!

– Да? Тогда поехали скорее!

... Яна собиралась второпях. Тушь для Веты и цветы были куплены, ехать на машине глупо, надо ведь выпить хоть бокал шампанского за здоровье новорожденной. Она долго ловила машину, потом, несмотря на субботу, машина попала в пробку и в результате она опаздывала почти на час. Влетела в подъезд, а лифт не работает. Черт возьми, как не везет! Хорошо еще Вета живет на пятом этаже шестнадцатизэтажного дома, но чтобы попасть на лестничную клетку, надо идти с улицы. Дверь черного хода была закрыта. Черт, что же делать? Яна вытащила мобильник, но тут к дверям подошел какой-то мужчина, с цветами и подарочным пакетом.

– Что, не пускают? – спросил он.

– Ерунда какая-то, – пожалала плечами Яна, – лифты не работают, а на лестничную клетку не попасть...

– А вот же звонок! Вы звонили?

– Нет, еще не успела. – Яна нажала на кнопку.

– В чем дело? – раздался чей-то грубый голос.

– Лифты не работают.

– А вы к кому, девушка?

– Я к Викуловым!

– о, я тоже туда! – сказал мужчина с букетом. – Щелкнуло! Можно заходить, хорошо еще не на последний этаж...

– Да уж!

Они вошли в подъезд, мужчина галантно придержал тяжелую дверь. Он был высокий, широкоплечий, чуть полноватый, с добрым приятным лицом.

– Давайте знакомиться, раз в один дом направляемся. Я Михаил!

– Яна. Очень приятно.

– Тима, друг, ты сейчас можешь разговаривать?

– Миш, я перезвоню через полчаса. Что-то срочное?

– Более чем.

– Хорошо, жди.

Что там могло стрястись у Мишки? Тимофей сумел перезвонить через двадцать минут.

– Мишка, что случилось?

- Тима, друг, ты не поверишь!
- Да говори уже!
- Я влюбился, братишка!
- Тьфу ты! Я думал, что-то серьезное...
- А разве это не серьезно? Ты хоть раз что-то подобное от меня слышал?
- Да вроде нет.. Ну надо же, и вправду не припоминаю. Я так понимаю, что тебе охота пооткровенничать?
- Хорошо бы, меня, понимаешь ли, распирает!
- Тогда приходи вечером ко мне.
- Ну...
- Юльки не будет, она уехала в Питер к маме.
- Годится, друже! – в голосе Мишки слышалось ликование.

По дороге домой Тимофей купил еды, хотя Юлька оставила ему полный холодильник, но все это не годилось для настоящих мужских посиделок. Мишка явился через полчаса. Тимофей ахнул. Старый друг сиял, как начищенный самовар. Карие глаза сверкали.

– Ну заходи, – улыбнулся Тимофей. – Эк тебя прет! Обалдеть! Пошли на кухню.

- Тимка, ты не поверишь...
- Да уж поверил! Где взял? И что за девушка?
- Вот это самое интересное! Это Яна!
- Какая Яна?
- Та Яна, о которой ты мне рассказывал на днях! Янина Юргенсен! У Тимофея вдруг заболел живот.
- Но где ты с ней познакомился?
- Поверь, абсолютно случайно, на дне рождения у жены одного моего приятеля. Она тоже там была. Мы вместе поднимались пешком на пятый этаж. Знаешь, она шла впереди и вдруг, оглянулась... И я пропал! А когда выяснилось, что она та самая Яна, я решил – это судьба...
- Ничего себе! А она... Она тоже в тебя влюбилась?
- Не знаю... Но, во всяком случае, была весьма благосклонна и согласилась завтра пойти со мной поужинать. Знаешь, мне с ней было так легко, как будто я давно ее знаю... И интересно...
- Интересно, это хорошо. Хуже нет, когда с бабой скучно. Слушай, а ты обо мне не говорил с ней?
- Да нет, старик, с какой стати? Я вообще ни звука не проронил о том, что знаю о ней. К чему?

– Да, это правильно.

– Она такая милая... Я потом пошел ее провожать, взял такси, а когда мы вылезли, вдруг выяснилось, что она потеряла пуговицу. Она почему-то смутилась, а я умилился...

– Да, она, похоже, вообще растеряша...

Чувство невозвратимой потери вдруг нахлынуло на Тимофея. Хотя зачем ему эта неряха? Вот Мишке она нужна. И Мишка ей очень подходит. Он сильный, добрый, свободный... А я? Я тоже не слабак, не злыдень, но я несвободен... Категорически несвободен! Меня держит моя работа, Юлька. И невозможность предать старого друга. И этот аргумент, пожалуй, самый сильный. Работу можно поменять, особенно учитывая, что Олег завещал мне свой бизнес, и через год волей-неволей придется менять сферу деятельности или продавать бизнес, с Юлькой можно развестись... Но вот предать Мишку... Никогда! Значит, надо смириться. Хотя с чем смириться? Я же и думать забыл о ней, как только передал ей дары Олега. Значит, это просто обида самца... А с этим легко смириться, особенно в данном случае.

– Тим, ты о чем думаешь? Ты меня не слушаешь?

– Прости, друг!

– Ты совсем ничего не слышал?

– Последнюю фразу, извини, пропустил...

– Видишь ли, я спросил, удобно ли будет мне привести Яну на юбилей Ольги Варламовны?

– Что?

– Ольга Варламовна пригласила меня на свое семидесятилетие и сказала, что я могу прийти с дамой.

– Так в чем проблема?

– Понимаешь, я не знаю... Ведь твоя мама сестра Олега. Мне с одной стороны охота пойти с Яной, но я боюсь, ей это будет тяжело...

– Значит, приходи без Яны! – Тимофею вдруг жутко захотелось, чтобы он пришел с ней. – Или вот что, ты как-нибудь ненароком расскажи ей, к кому ты ее приглашаешь. И она сама решит, идти ей или нет.

– Да... Как все просто, когда не сходишь с ума от любви.

– А ты с ней уже переспал? – с замиранием сердца спросил Тимофей.

– Да ты что! Об этом пока и речи нет. Она не из тех...

– Да ладно! Все они сейчас из тех. Просто ты еще не подступался как следует...

– О, ты совсем ее не понял! Она так умеет дистанцию устанавливать... Я, Тима, на ней женюсь. Ей нужен защитник... А я смог бы... И я детей от нее хочу...

– Ни фиги себе! – воскликнул Тимофей. – Что это с тобой, Мишаня? Мишка развел руками и смущенно улыбнулся.

Яна была взволнована. Этот Михаил Дунаевский очень ей понравился. Он был умный и внимательный, а какое обаяние! И так явно на нее запал... С ним было легко и уютно. Этого ощущения уюта она никогда прежде не испытывала ни с одним мужчиной. Уюта и защищенности... А она так в этом нуждается... Их взаимная симпатия не укрылась от хозяйки вечера и при первой же встрече после праздника, Вета заявила:

– Янка, ты просто наповал сразила Мишку! Советую, не упusti свое счастье!

– О чем ты, Вета? Какое счастье?

– Мишка золотой мужик! Не вздумай его шугануть, такого встретить – большая удача, поверь мне!

– Веточка, он и вправду очень славный, но я пока не готова обсуждать какие-то планы в связи с ним.

– Ладно, только скажи, он тебе свидание назначил?

– Пригласил поужинать.

– Когда?

– Завтра.

– Пойдешь?

– Думаю, да.

– Обязательно пойдешь! Ты вот с ним пообщаешься, поймешь, какой он миляга...

– Я только не поняла, чем он, собственно, занимается?

– Когда-то он закончил химфак, потом бросил науку, занялся живописью, у него здорово получалось, потом подался в бизнес, затеял такую историю... Они продавали награды!

– Какие награды? – испугалась Яна.

– Да разные. Они организовывали какую-нибудь премию, ну скажем, за изящество в литературе или приз самому корректному бизнесмену... Обращались к предполагаемому лауреату, тот с радостью оплачивал приз, церемонию награждения, ну и услуги ребят. Фирма была зарегистрирована то ли в Испании, то ли в Люксембурге...

– Постой, но это ведь жульничество!

– Это как посмотреть! Все делалось по взаимному согласию. Премии вручались россиянам. Кому не хочется получить европейский приз? Вот, к примеру, в газетах напишут: Марья Петровна Пупкина получила европейский приз за изящество в литературе! И фотографию этого самого

приза. Все хорошо и все довольны. Самое смешное, что они заработали бешеные деньги, желающих награждаться было до черта! Но Мишке это надоело, он свою долю в бизнесе продал и вложился в производство какого-то уникального спортивного инвентаря или что-то в этом роде, и процветает... Хотя он малый скромный, ему много не надо. Теперь вот детектив написал. Его издали... Но это все ерунда. Главное, он добрейшей души парень. И к тому же холостой.

– Об этом он мне уже сообщил, – улыбнулась Яна. – Но он же авантюрист!

– Да нет, нисколько, просто он веселый хулиган. Решил сыграть на человеческих слабостях, на тщеславии дураков, которые сами за ним гонялись и готовы были платить любые бабки за «европейские награды». Никто ничего не крал и никто не остался внакладе.

– Да, вероятно, ты права...

– А ты сама у него спроси.

– Спрошу при случае.

Миша заехал за Яной в институт и ждал ее у лестницы. Черт побери, я волнуюсь, как старшеклассник! Или нынче старшеклассники уже не волнуются перед свиданием? Кто их знает, этих компьютерных детей. Неподалеку стояли два паренька, студенты, видимо.

– Дэн, ты шведак сдал?

– Ага, а ты?

– Да нет, меня Янина бортанула. Придется пересдавать, вот змеюка...

– Да ты что, она не змеюка, она... стрекоза!

– Стрекоза без муравья, да? – хохотнул нерадивый студент. – Она тебе че, нравится?

– Да, в ней есть...

– Так подкатился бы, авось не прогонит, мне Сладков говорил, она одинокая...

– Сдурел?

– Да почему, я вот думаю, может мне за ней приударить, трахнуть, как следует, и кайф словишь, и проблем со шведаком не будет.

Миша схватил парнишку за шиворот и здорово встряхнул.

– Вы что? – отшатнулся второй.

– Вас папа с мамой не научили, что нельзя так говорить о женщинах? Так я научу! – Миша несколько раз сильно встряхнул поганца. – И заруби себе на носу – одно дурное слово об этой женщине, и будешь иметь дело со мной! И второй раз так легко не отделаешься, усек, гаденыш?

И Михаил наподдал коленкой под зад мальчишке.

Тот отлетел и попытался что-то крикнуть с безопасного расстояния, но второй за руку оттащил его в сторону и они быстро ушли.

Тут появилась Яна.

– Миша, простите, я немного задержалась... А что это с вами?

– Да ничего, просто поучил уму-разуму одного студента.

– За что?

– Это неважно!

– Они говорили обо мне гадости?

– Ну... так...

– Странно, студенты почему-то разделились на два лагеря, одни меня просто ненавидят, а другие, наоборот, души во мне не чают... – беспомощно улыбнулась она.

– Равнодушных нет?

– Ну, вероятно, есть... Я об этом не думаю...

– Нет, Яна, к вам нельзя быть равнодушным! Ну, все, – смутился он вдруг, – поехали ужинать! Я без цветов, простите...

– Прощаю. Куда с ними...

– Вы сегодня на машине?

– Нет, сил уже нет по пробкам маяться.

Он открыл дверцу, усадил ее, отодвинул сиденье и собрался уже захлопнуть дверцу, как в затылок ему угодил смерзшийся в ледышку снежок!

– Черт побери! Это ваши студенты развлекаются! Интересно, обожатели или ненавистники? А больно!

– Дайте взглянуть! Шишка будет, а крови, слава богу, нет. Скажите, этот парень, которого вы учили жить, такой среднего роста, хорошенький, с родинкой на подбородке?

– Именно!

– Ясно, Столбов, я ему неуд поставила... И он, конечно, говорил, что уложит меня в постель как нечего делать и тогда по шведаку у него одни пятерки будут?

– Точно, почти слово в слово!

– Да он о всех преподавательницах моложе шестидесяти так говорит... Паршивый тип, у него папаша какой-то высокопоставленный чиновник...

– Яночка, вы расстроились?

– Да нет, наоборот, развеселилась... Приятно, что кто-то задал ему трепку! Спасибо вам, Миша!

– Не за что! – Он поцеловал ей руку. – Обращайтесь, всегда к вашим

услугам...

Во время ужина он вдруг сказал:

– Яночка, меня тут пригласили на юбилей матери моего школьного друга... Она очень славная тетка, прекрасно ко мне относится еще со школьных времен, и вот пригласила... сказала: «Миша, приходи с дамой!» Вы как?

– А когда?

– В субботу.

– Я не знаю... Там будет много чужих людей... Я не люблю... Пожалуй, не стоит... Извините меня. Я буду плохо себя там чувствовать...

– Зря, Яночка! Ольга Варламовна милейшая тетка.

– Ольга Варламовна? – напряглась Яна. – А как ее фамилия?

– По мужу она Логунова.

– А ваш друг это Тимофей?

– Вы его знаете?

– Чуть-чуть, я как-нибудь потом расскажу вам... Извините, Миша! Я не пойду.

– Ну, не смею настаивать... – Он сам не знал, огорчаться или радоваться. – Яна, вы... эх, жаль, не могу выпить... а то сказал бы, как я в вас влюбился...

– Вы и так уже сказали, – улыбнулась она. – Миша, а расскажите мне про ваш наградной бизнес?

– Откуда вы... Хотя, конечно, Вета! Это было придумано в горном ресторанчике в Швейцарии, мы ели фондю, пили итальянское вино и вдруг мне в голову пришла такая хулиганская мысль! Со мной был еще один мой друг... Ему идея понравилась. Я-то всерьез к ней не отнесся, а он через неделю мне заявил, что собрал уже все необходимые бумаги, чтобы зарегистрировать фирму... Я сперва пришел в ужас, а потом во мне проснулся азарт, и мы взялись за дело. И дело, как ни дико, пошло! Желающих награждаться было хоть пруд пруди, и деньги просто рекой потекли. Но через три года мне это жутко надоело. Вот и вся история. По-вашему это плохо?

– Как-то странно...

– Ну, вот такой я тип!

– По крайней мере, с вами не скучно!

– Яна, зачем вы перевели разговор? Я же вам практически в любви объясняться начал...

– Я не могу так скоро... Мы видимся второй раз...

– Вам надо получше меня узнать? Вы не можете в омут с головой, да?

– Я когда-то уже прыгнула в омут с головой и до сих пор еще не отдышалась... Простите, Миша, вы мне очень симпатичны, мне с вами легко и это для меня уже удивительно...

– Хорошо, мы никуда не будем спешить! А можно мне вопрос...

– Пожалуйста.

– Ваша фамилия Юргенсен... Вы преподаете шведский. Почему?

– Юргенсен фамилия моего второго мужа, он швед, я вышла за него и уехала в Швецию. Я очень способна к языкам и уже через год прекрасно говорила по-шведски... А потом... я ушла от мужа, вернулась в Москву, и поступила в МГУ на филфак. Специализировалась на скандинавских языках, а фамилию не сменила от дури... считала, что с ней ко мне будет больше доверия.

– А в омут... Это с вашим шведом вы кинулись?

– Нет, это случилось давно, мне тогда было всего пятнадцать... Я вижу, вы хотите спросить про первого мужа? Так это была просто дурь. Мне казалось, я смогу забыть, но не смогла. Этот дурацкий брак продлился полгода. Ну, а о той истории я еще не готова рассказывать... Я совсем недавно узнала, что тот человек умер...

– Не надо, Яна! Из всего вами сказанного я понял только одно, что я вам симпатичен. И это нормально, это даже... прекрасно, замечательно, при второй встрече услышать от такой дивной женщины, что я ей симпатичен! Просто праздник! Яночка, посидите тут минут пять, я скоро вернусь...

Он вскочил и куда-то убежал. А Яна сидела и улыбалась. Какой он милый, добрый, у него такая чудесная улыбка, искренняя, теплая... вообще от него веет добротой и теплом... Может, это именно то, что мне надо? Такой вот теплый человек... К нему хочется прижаться... и просто молчать, чувствовать себя защищенной... Но что я о нем знаю? Спешить нельзя, можно так обжечься! Ему ведь могло просто показаться, что он в меня влюблен... Но я-то пока в него не влюблена, – она прислушалась к себе. – Нет, не влюблена... Но смогу, вероятно, смогу влюбиться... Вот и хорошо... Впервые за столько лет у меня появилось ощущение, что я, пожалуй, смогу влюбиться... И это приятно...

И тут вернулся Миша, запыхавшийся, с букетом фрезий.

– Вот, Яна, я хотел розы, но розы были какие-то несвежие, и продавщица посоветовал эти... Забыл, как называются.

– Фрезии и я их очень люблю, они чудно пахнут. Спасибо!

– Яночка, я понимаю, вам неохота идти на тусовку к Ольге Варламовне, а я вот хочу... вас познакомить с мамой. У меня чудная мама, с

роскошным чувством юмора, отличная кулинарка.

– Миша, почему вы рветесь меня с кем-то знакомить? Не рановато ли?

– Нет, в самый раз! Мне просто хочется, чтобы другие тоже оценили вас, ваше обаяние, вашу прелесть. Мне кажется, с моей мамой вы могли бы подружиться.

– А если я не понравлюсь вашей маме?

– Этого не может быть, сто пудов!

– И все-таки?

– Ну, значит, нам обоим придется с этим смириться и встречаться впредь без мамы, только и всего. Но я в маме уверен. И потом, я за всю жизнь только одну девушку знакомил с мамой...

– И что? – с улыбкой полюбопытствовала Яна.

– Девушка ей понравилась, но быстро разонравилась мне, – засмеялся Миша. – Яночка, соглашайтесь!

– Вы очень любите вашу маму?

– Да, очень, хотя я вовсе не маменькин сынок, и мама у меня не диктаторша... У нее масса своих интересов помимо великовозрастного сынули. Мама у меня искусствовед, специалист по Кранаху Старшему...

– Хорошо, уговорили. А как зовут вашу маму?

– Нелли Яковлевна. О, Яна, я все придумал! В понедельник мне обещали наконец, выдать авторские экземпляры, это надо отметить, вот и обмоем книжку дома, втроем! Как вам идея?

– Идея хорошая, – кивнула Яна. – Но в понедельник не стоит...

– Почему?

– День тяжелый.

– Вы суеверны?

– В общем да.

– Хорошо, тогда во вторник...

– Мамочка, в понедельник, наконец, дадут экземпляры!

– Миш, ты это всерьез?

– Ты о чем?

– Всерьез собираешься стать еще одним посредственным писателем?

– Да нет, мама... Не всерьез, просто пока мне это интересно. Но я хочу отметить событие...

– И пригласить меня в ресторан?

У него вытянулось лицо.

– Нет, мамуль, мне бы хотелось дома, чтобы ты приготовила хороший ужин, я пригласил девушку...

- Девушку? Ты хочешь познакомить меня с твоей девушкой?
- Представь себе, мамочка!
- И что за девушка, где ты ее взял?
- Познакомился у Викуловых.
- И кто она?
- Она преподает скандинавские языки в институте.
- Сколько ей лет?
- Точно не знаю, но что-то около тридцати.
- Судя по блеску глаз, ты уже в нее влимонился? Или уже надумал жениться?
- Пока еще рано об этом говорить.
- А как ее зовут?
- Янина, Яна...
- Она полька?
- Да, там есть польская кровь, ее отца звали Август Юркевич. Хотя она его не помнит.
- Она, надеюсь, не замужем?
- В разводе.
- Ну что ж, приводи!
- Спасибо, мамочка!

- ... – Янка, что с тобой? Тебя как будто королевич Елисей поцеловал!
- Вета, что ты несешь!
- Это Мишка, да? Он за тобой ухлестывает?
- Можно и так сказать!
- Вы уже... того?
- Нет, я не могу так скоро.
- Но хоть целовались?
- Да, – смутилась Яна, сама сознавая как это глупо в ее возрасте. – И знаешь, он чуть не прибил Столбова! Тот говорил обо мне гадости, а Миша услышал и задал ему трепку. Мне было приятно.
- Слава тебе господи! Хоть кто-то вмазал этому подонку!
- Вета, знаешь, я хочу подстричься, как ты думаешь?
- Давно пора! Знаешь, этот твой несчастный хвостик вызывает жалость, а когда ты его распускаешь, на голове воронье гнездо.
- Что, все так мрачно?
- Желтая жуть! Я отведу тебя к классному мастеру, он сделает из тебя суперледи! А тебе когда надо?
- Ну, хотелось бы ко вторнику.

– А что у нас во вторник?

– Миша пригласил меня к своей маме.

– Ни фиги себе, вот это темпы! Руку и сердце еще не предлагал?

– Нет.

– Скоро предложит! И я очень тебе советую, соглашайся. Конечно, если найдешь общий язык с мамашей. Свекровь имеет в нашей жизни первостепенное значение. Я вот, можно сказать, вышла замуж за свекровь. И ни разу не пожалела! Все, я звоню Борису Ильичу!

– Кто такой Борис Ильич?

– Мастер! Парикмахер! Великий! Он из тебя человека сделает! Только ты не вздумай ему указания давать!

– Какие указания?

– Вот тут подстричь, а вот тут длинно оставить, а там подбрить... Он знаешь как спрашивает, когда к нему садится незнакомая дама? «Вас как подстричь, хорошо или как вы хотите?»

– Меня – хорошо!

Яна давно не ощущала такого подъема! Что это со мной? Может, я тоже влюбилась в Мишу?

Поговорив еще раз с Мишкой и узнав, что Яна не придет к маме на юбилей, Тимофей успокоился. Дома тоже все как-то устаканилось. И Юлька вела себя нормально. Ну сходила она в театр с каким-то письменником, подумаешь, большое дело. Тимофей, правда, заглянул в Интернет и выяснил, что весьма популярный автор Леонтий Зной на самом деле звался Леонидом Засыпкиным. Имелась там и фотография. Очень даже хорошенький мужчина. Глазки, кудряшки, губки бантиком. Нет, Юльке такой не должен нравиться. Биографию писателя он читать уже не стал. К чему? И так все ясно. Надо же, выдумал себе псевдоним – Леонтий Зной! Ну и молодец! Шикарно звучит, а то нынче развелось всяких звезд с босяцкими фамилиями... Он сам засмеялся своей мысли, так могла бы сказать мама. Мама презирала босяков.

Юлькина машина была в ремонте и она попросила мужа отвезти ее в салон красоты, все-таки юбилей свекрови...

– Тебя подождать?

Юля удивилась.

– А у тебя есть время?

– Ну, я могу зайти вон в то кафе и просмотреть кое-какие документы.

– Тимочка, это было бы здорово! Спасибо!

– За два часа управишься?

– Боюсь, что нет. Но за три – точно!

– Ладно, тогда я смогаюсь по одному делу и вернусь в кафе. Там меня найдешь!

– Ты золото, Тимка!

– Я знаю! – улыбнулся он.

Юля грациозно взбежала по ступенькам, обернулась и помахала ему. До чего ж она все-таки красива! И вдруг его как будто ударили под дых. Из салона вышли две женщины и одна из них была Яна! Она изменила прическу, сообразил он, и покрасилась, что ли? И была так невероятно, неправдоподобно хороша... Ей так все это шло... И глаза у нее блестели и улыбка на губах играла, совсем другая женщина. Моя женщина! Он задышался. Хотел выскочить из машины, броситься к ней, но тут же опомнился, нет, она не моя... она Мишкина! И с этим ничего нельзя поделать. Господи, зачем все это? Вот удружил Олег... И ведь он предупреждал, что в нее нельзя не влюбиться. Ерунда, так не бывает, чтобы нельзя... Можно, наверное... Наверняка можно. И я с этим запросто справлюсь... Я мужик, твердо стоящий на ногах или романтический юнец? И он уехал. Через час вернулся и, припарковавшись в соседнем дворе, отправился в кафе. И сразу же увидел Яну с подругой. Они о чем-то весело болтали. Видимо пообедали уже, так как официантка как раз ставила перед ними большие стаканы с шапкой взбитых сливок. Убежать? Глупо, чудовищно глупо. Надо просто сесть вон за тот столик спиной к ним и в самом деле просмотреть документы, подготовить их к понедельничному совещанию. Он сел к ним спиной, открыл ноутбук и попытался углубиться в работу, но ничего не получалось. Да что же это за наваждение? Он хотел уже уйти и позвонить Юльке, сообщить, что не сможет ее забрать... Но тут мимо него прошла Яна, видимо, в туалет. Вот сейчас и надо сбежать... Но он сидел как приклеенный. Она на обратном пути увидит меня. Интересно, подойдет? А может и не заметит, если я не буду на нее смотреть. А у меня разве получится не смотреть на нее? Это просто невысмыслимо. У нее такое лицо, на которое хочется смотреть и смотреть. И не надоест... А ведь Юлька в сто раз красивее. И хозяйка хорошая... А эта наверняка даже готовить не умеет... Ничего, Мишка сам великолепно готовит... Он невидящим взглядом уставился на монитор.

– Тимофей? Здравствуйте!

Он поднял глаза и вскочил.

– Яна, какими судьбами? Вы изменились.

– Я – нет, но прическу и вправду поменяла, – улыбнулась она.

– Садитесь, прошу вас, – пробормотал он.

– Спасибо, но я здесь с подругой... Рада была вас повидать. У вас все

нормально? – вдруг спросила она.

– Да, спасибо, я просто жду здесь жену, она в салоне красоты напротив, – сам не зная зачем пробормотал он.

– А! Ну всего хорошего, Тимофей.

Она отошла. Кажется, я произвела на него впечатление, удивленно подумала она. Что это со мной? Миша в меня влюбился с первого взгляда и этот Тимофей так пожирал глазами... Я расцвела, что ли? Не поздно ли?

– Янка, ты просто другая стала, так похорошела! – воскликнула Вета. – А что это за мужик?

– Да так, шапочное знакомство.

– Он хоть и спиной ко мне стоял, но по спине читался неподдельный восторг!

– Ну, Ветка, ты скажешь! – радостно рассмеялась Яна.

– Правда-правда! Я такие вещи за версту чую! Но ты уж Мишку-то не бросай!

– С ума сошла?

– Мишка тебе по-настоящему нравится?

– Кажется, да. Мне с ним легко и, главное, тепло. А с этим типом – тяжело и холодно.

Она говорила правду. А ей так хотелось тепла, она так по нему истосковалась...

Юбилей Ольги Варламовны отмечали в ресторане. Все было чинно и скучно. По крайней мере Тимофею было невмоготу. Мишка пришел один, с опозданием. Долго извинялся, целовал ручки юбилярше, произнес длинный витиеватый тост, вызвав гром аплодисментов. Потом сел рядом с Тимофеем.

– Тимка, ты заболел?

– С чего ты взял? – сухо спросил Тимофей.

– Уж больно вид у тебя какой-то пришибленный. Неприятности на работе?

– Ну не то чтобы... Но есть проблемы! Ну, а ты как?

– Я? Лучше всех! В понедельник дадут, наконец, авторские...

– Деньги, что ли?

– Да нет, деньги еще через месяц, а пока авторские экземпляры, – с наивной гордостью произнес Мишка.

– Смотри, не зажди обещанное...

– Да ты что! Я никогда такое не забываю.

– А как у тебя с Яной?

Мишка просиял, а у Тимофея заболел живот.

– Во вторник буду знакомить ее с мамой.

– Миш!

– Что? Я хочу познакомить ее с мамой, что в этом такого?

– Но девушка может воспринять это как аванс, как приглашение под венец!

– Да так оно и есть, – рассмеялся Мишка, не заметив муки в глазах старого друга.

Счастливые люди зачастую бывают слепы...

Мишка сияет, он по уши в нее влюблен, так при чем тут я? Надо взять себя в руки, а то уже Юлька спрашивала, что с ним такое и мама поинтересовалась, что у Тимочки болит... Он вскочил, пригласил танцевать жену троюродного брата. К концу вечера он напился к великому неудовольствию жены, а в такси просто уснул, так что Юлька вдвоем с таксистом выволакивала его из машины. Такое с ним бывало нечасто. Юлька ненавидела его в таком состоянии и не пустила в спальню. Он уснул в гостиной на диване, не раздеваясь.

Утром жена разговаривала с ним сквозь зубы и всячески демонстрировала ему свое презрение. В конце концов он взбесился, стукнул кулаком по столу...

– Что, не нравлюсь? Ну да, я же не богема, им можно упиваться в дупель... А этот твой знойный совсем не пьет?

– Что ты несешь? – фыркнула Юлька.

– Да, я вот такой, просто юрист, а не творческая интеллигенция, а впрочем, неизвестно еще, кто из нас интеллигентнее... Но вкус у меня уж точно получше, это ж надо, Засыпкин стал Зноем! А почему не Гноем? А я, извини, я не знойный, я запойный!

Юлька посмотрела на него с изумлением и сочла за благо рассмеяться.

– Все понятно! Ольга Варламовна видела нас в театре, когда Галка знакомила меня с этим Зноем! За что она меня так не любит? Ладно, благо сегодня воскресенье, пойди прими душ и prospись.

Ох и хитрая же баба, умеет все свести к шутке... И вообще умеет мной манипулировать. А я хочу Яну... Так хочу Яну!

– Миша, – сказала в понедельник вечером Нелли Яковлевна, – мне кажется, надо завтра пригласить еще кого-то!

– Зачем? – испугался Миша.

– Пойми, это как-то неудобно... Выходит, ты приглашаешь девушку вроде как на смотрины. Она может неловко себя чувствовать. А ведь у тебя

есть повод позвать еще кого-то, хотя бы Тиму, как самого близкого друга... Вышла книга, надо ее обмыть, но почему втроем? Нелогично! И кстати, тебе тоже будет легче. Вроде не невесту привел, а пригласил самых близких. Маму, друга и девушку... И, кстати, лучше устроить это в ресторане...

– Ты думаешь?

– Я уверена, Мишенька. Всем будет проще.

Он на мгновение задумался.

– Ты умница, мамочка! Но Тимку надо позвать с Юлей, иначе неудобно.

– Пожалуй, ты прав! Ну что ж, с Юлей так с Юлей. Даже хорошо, Яне твоей будет легче, а вдруг они подружатся?

– Яна с Юлькой? Маловероятно.

– Как теперь выражаются, доигрывание покажет!

– Тим, я звоню по поводу обещанного праздника!

– Какого праздника? – не понял Тимофей.

– Так я сегодня получил, наконец, книжку... Срочно надо обмыть, а посему жду вас с Юлей завтра в восемь в «Пушкине».

– С Юлей?

– Ну да! Будут еще мама и Яна.

– Позволь, ты же вроде собирался...

– Мы с мамой решили, что так лучше.

– О! Узнаю Нелли Яковлевну! Воплощенный такт! Это чтобы Яне было легче?

– Ну, в общем да, – рассмеялся Миша, чувствуя себя совершенно счастливым.

– Хорошо, – решил Тимофей. – Будем непременно! Хотя хуже места, чем «Пушкин» в наше время не придумаешь.

– Почему? – крайне удивился Миша.

– А где там парковаться?

– Зачем парковаться? Приезжайте на такси. Надо же обмыть книжку.

– А как, кстати, она называется?

– «Собачья жизнь Кота».

– Миш, это бред!

– Да почему? – добродушно засмеялся Миша. – Просто у главного героя прозвище «Кот», потому что это его инициалы: Константин Орестович Телегин.

– Мишка, не обижайся!

– Да что я, дурак, обижаться на тебя? Вот если прочтешь и скажешь: Мишка, это полное говно, тогда я наверное обижусь. И то это шутка! Ну все, значит, завтра жду вас с Юлькой.

Юля обрадовалась приглашению.

– А кто там еще будет?

– Нелли Яковлевна и новая Мишкина девушка.

– Значит, одеваться надо скромно?

– Думаю, да.

– Только, Тима...

– Я не буду напиваться! – раздраженно бросил Тимофей. Ему вдруг пришло в голову, что они с Яной не должны демонстрировать свое знакомство. Мишка-то все знает, но Юлька – нет. Черт знает что! А вдруг Яна что-то ляпнет?

Господи, почему я все время во что-то влипаю? Ну удружил Олег! Ладно, авось кривая вывезет. А я хоть посмотрю, что там у них с Мишкой? И вправду взаимная любовь или Мишка принимает желаемое за действительное? И все-таки как-то противно сосало под ложечкой.

А Яна обрадовалась, что не придется идти домой к Мишиной маме и быть объектом изучения. Дружеский вечер в ресторане совсем другая история. Миша сказал, что идея принадлежит маме, значит, его мама хороший и тактичный человек. И Яна заранее преисполнилась симпатии к незнакомой даме и, возможно, будущей свекрови. После встречи с Тимофеем в кафе, она еще больше оценила Мишу. С ним тепло... А интересно, какая у Тимофея жена? Наверное, тоже интеллигентная женщина, бескорыстная и умная. Если она видела эти драгоценности и не захотела присвоить... Хотя кто сказал, что не захотела? Может, и захотела, но Тимофей честный человек, ей этого не позволил? Кстати, наверное лучше сделать вид, что мы не знакомы. Хотя я же сказала Мише, что немного знаю его... А, ладно, что будет, то и будет. А я не стану из-за этого мучиться. Хватит, я уже свое отмучилась. И теперь у меня есть Миша, это главное!

Яна сразу понравилась Нелли Яковлевне. Милая, какая-то трепетная, что ли... По-видимому, много пережившая, воспитанная... И дело не в манерах, это такая внутренняя воспитанность. Нелли Яковлевна помнила, как ее бабушка говорила о первой няне Неллички, сибирской девушке с красивым именем Евстолия: «Удивительно, какая внутренняя

воспитанность, я бы даже сказала, интеллигентность в этой деревенской девочке!» Нелли тогда не очень понимала, о чем речь, но, повзрослев, хорошо поняла. В последнее время это качество встречалось крайне редко, а в Яне она это сразу почувствовала. И обрадовалась. Миша сразу понял, что Яна нравится маме и облегченно вздохнул. Обе женщины мгновенно нашли общий язык и о чем-то заговорили, и обеим явно было интересно. Чудеса да и только! Но вот он заметил у дверей Тимофея с Юлей. Она выглядела ослепительно. Но моя Яна лучше! Миша двинулся навстречу им. Мужчины обнялись. Юля расцеловала Мишу.

– Поздравляю, многогранный ты наш! Это надо же, еще и писатель! Молодец!

– Спасибо, Юлечка! Идемте, ребята!

Формального знакомства как-то удалось избежать. Какая красивая женщина! – подумала с удивлением Яна. Она заметила украшения на Юле и подумала: она моих точно не видела! А Тимофей ее не любит...

Через полчаса Тимофей понял, что факт его знакомства с Яной никак и никем не подчеркивается и вздохнул с облегчением. Однако старался не смотреть на нее, чтобы не выдать своих чувств. А чувства его обуревали! Она так обворожительна... Мишка явно сходит по ней с ума... А она, похоже, нет. Хотя смотрит на него вполне благосклонно, даже нежно. Она, наверное, просто более сдержанна. А вот с Нелли Яковлевной, кажется, у нее полный контакт. И что это значит? Только то, что Мишка женится на ней! А я? Я останусь при пиковом интересе. Не похожа она на женщину, которая станет путаться с лучшим другом мужа. А я разве стану путаться с женой лучшего друга? Никогда, лучше умру! Умру от неразделенной любви? Бред!

Чушь собачья... Откуда взялась любовь, нет никакой любви... И не будет! Я справлюсь. Так и справляться же не с чем! Ну понравилась мне баба, ну захотел я ее, очень сильно захотел, но мало ли баб я в жизни хотел? Ерунда все это.

Яна, сидевшая между Нелли Яковлевной и Мишкой, мельком глянула на Тимофея и испугалась. У него был такой тяжелый взгляд... Но Миша тут же, словно почувствовав ее испуг, нежно чмокнул ее в щечку.

– Все хорошо? – шепнул он.

– Даже очень хорошо, Мишенька! – шепнула она в ответ.

А у Тимофея опять заболел живот. Им хорошо вместе, они понимают друг друга с полуслова, что мне-то тут делать? Напиться с горя? Да ни за что! Еще чего! Вот выпью еще одну рюмку и довольно. И в самом деле он не напился.

В такси Юля заметила:

– Она тебе понравилась, Тим?

– Кто?

– Эта Яна?

– Да ничего, милая. И Мишка по уши... А тебе?

– Интересная. Но неряха.

– Неряха? Почему?

– Когда она выходила, я заметила, что у нее подол на платье подпоролся...

– Ну, а разве так не бывает?

– Бывает. Но перед тем, как надеть вещь, ее надо хорошенько осмотреть. Не в ресторане же он у нее оторвался. И еще она какая-то пуганая... Я сказала ей, что у нее удивительно красивое кольцо, и вправду классная вещь... А она так странно на меня посмотрела... Как будто удивилась или испугалась чего-то... Или оно у нее краденое? – засмеялась Юля.

– Скажешь тоже, – проворчал Тимофей. Он понял, что Яна догадалась – он тогда соврал ей, сказав, что жена видела подношения Олега... Ну и черт с ней... Мишка в Москве вряд ли надолго задержится и Яну, конечно, увезет с собой. С глаз долой и из сердца вон. Да чушь, причем здесь сердце?

– Ну, что скажешь, мама?

– Пока еще рано что-то говорить, но она мне понравилась. Интересная женщина, настрадавшаяся, но не озлобившаяся, это уже хорошо о ней говорит.

– Мама, она тебе что-то рассказала о себе?

– Да нет. Она достаточно деликатна, чтобы сразу не откровенничать с незнакомой теткой.

– Но мне показалось, что ты... что вы нашли общий язык?

– Это да.

– Мамочка, я на ней женюсь...

– Ты уже большой мальчик и вряд ли нуждаешься в мамином одобрении. Одно могу сказать – не стоит спешить... Познакомься с ней поближе. Приучи к себе, завоей доверие, она тебя еще не любит, хотя и тянется к тебе... Кстати, не советую тебе сводить ее с Тимой.

– С Тимой? А причем тут Тима?

– Он, как это вы говорите, положил на нее глаз! И очень явно!

– Мама, что за чушь! – поморщился Миша. – Если хочешь знать, он познакомился с ней раньше меня... – И Миша поведал матери историю знакомства Яны и Тимофея. – И он мне сказал, что она совершенно ему не понравилась...

– Мишка, я не буду лезть во все это, не моего ума дело, но, по-моему, тебе тут вряд ли что-то светит!

– Ерунда! Я полюбил ее с первого взгляда, а она нуждается в моей любви, это я чувствую... И она меня полюбит, я знаю!

– Может быть! Если не встрянет Тима.

– Мама, Тима не встрянет хотя бы уже потому, что мы друзья, а он человек глубоко порядочный и попросту не сочтет возможным...

– Ах, боже мой, все это хорошо, пока дело не касается бабы... Тем более, что Юльку свою он не любит.

– Мама, ну с чего ты взяла? Юлька такая красавица!

– Красавица, не спорю, но он ее все-таки не любит!

– Тогда чего он с ней живет? Детей у них нет...

– По инерции живет, удобна ему такая жена! Она же создала себе имидж образцовой жены. Красавица, великолепная хозяйка и так далее, но она тоже его не любит... Кстати, держу пари, она уже объяснила Тиме, что она никогда бы не пришла в ресторан в платье с подпоротой подпушкой...

– Что? А при чем тут это? – крайне удивился Миша.

– При том, что у Яны твоей подол был подпорот.

– Ну и что? – рассмеялся Миша. – А я не заметил!

– Но Юля-то с гарантией заметила.

– А тебя это тоже шокировало, мама?

– Да нет... Просто она наверняка попадает в неловкие ситуации... Хотя, думаю, ей на это наплевать.

– Мне тоже!

– Ну, в этом я не сомневалась!

Дома, сняв злополучное платье, Яна заметила непорядок. Ах ты господи, опять я опростоволосилась! Все от невнимания к себе! Миша скорее всего не заметил, но его мама... И эта Юля... она вся такая безукоризненная... Интересно, а Тимофей заметил? Хотя какая мне разница? И вообще, какое мне до них дело? А Миша, кажется, действительно в меня влюблен. И если завтра он захочет у меня остаться, пусть... Он такой теплый, такой славный. Она закрыла глаза и представила себе его лицо рядом на подушке, его руки на своем теле... Наверное, мне будет с ним хорошо... Но тут же она вспомнила тяжелый взгляд Тимофея и

даже поежилась. Этот взгляд вдруг напомнил ей Олега. Тот так же иногда смотрел на нее, в нем одновременно читалось безумное желание и некий страх... Нет уж, бледной копии Олега мне не нужно. Не хочу! Интересно только, какого черта он мне соврал, что его жена видела эти драгоценности? Не похожа она на бескорыстную интеллигентку, потому-то он ей их не показал...

Среди друзей и знакомых их брак считался образцовым. Красавица Юлия вышла замуж за весьма перспективного молодого юриста, с которым познакомилась в Америке, где он проходил стажировку. То, что Тимофей при виде ее не потерял голову, как большинство ее знакомых мужчин, заинтересовало Юлю. И раззадорило. Она успела побывать замужем, но кроме разочарования этот брак ничего ей не принес и расставшись с мужем, она уехала в Нью-Йорк, где муж ее старшей сестры держал модный ресторан. С дипломом Гнесинки ее взяли в этот ресторан пианисткой. Но диплом у нее был, а таланта не было и музыкальная карьера не задалась, да она и не особо жаждала этой карьеры. Она хотела удачно выйти замуж, желательно за богатого американца. Но тоже как-то не складывалось... Мужчины очень хотели с ней спать, тогда еще в Америке не судили за сексуальные домогательства, но жениться никто не спешил. И вдруг – о чудо! – ее пригласили на русское телевидение, вести музыкальную программу для детей. И в первый момент ей показалось, что вот она, удача! Лиха беда начало! И она действительно превосходно смотрелась на экране, но беда была в том, что она не любила детей! И это вскоре почувствовали все, но она тогда спала с генеральным продюсером и он перевел ее в другую программу, по домоводству! Вот тут она развернулась! В этом Юля прекрасно разбиралась, у нее был безупречный вкус, она превосходно готовила, умела шить, вязать, общаться с гостями передачи. И все было бы просто роскошно, если бы жена генерального продюсера не пронюхала об отношениях мужа с этой красоткой. Программу очень быстро прикрыли. Тут-то Юле и встретился блестящий московский юрист Тимофей Логунов. Но он почему-то не торопился даже переспать с ней, хотя явно симпатизировал молодой красотке-соотечественнице, и, по слухам, был свободен. Он со страстью занимался своей профессией, стремился как можно лучше освоить все, что связано со скучнейшей, на взгляд Юли, материей – строительным правом. Но как-то раз они нечаянно столкнулись на дне рождения у общих знакомых и Тимофей вдруг пригласил ее танцевать. Между ними пробежала искра и он предложил ей в следующую субботу пойти с ним на модный бродвейский мюзикл. Она в восторгом

согласилась. После спектакля, от которого Тимофей был в восторге, а Юля робко его критиковала, они пошли ужинать, потом еще пошлялись по барам и в результате к концу своей стажировки Тимофей сделал ей предложение, которое она поспешила принять. И была совсем не прочь вернуться с ним в Москву. Ей надоело чувствовать себя в Америке человеком второго, а скорее даже третьего сорта. Тимофея сразу пригласили на работу в крупную строительную фирму и он за три года из рядового юриста стал главным, умел тонко чувствовать конъюнктуру, великолепно ориентировался в мировой юридической практике, его часто приглашали консультантом при заключении международных контрактов даже на межправительственном уровне, словом, он сделал прекрасную карьеру. А Юля вела дом, и как вела! Их большая квартира, обставленная без всяких дизайнеров, стала притчей во языцех среди обширного круга знакомых и ее фотографии даже появились в двух-трех глянцевого журналах. Она умела так принять гостей, что эти обеды или ужины еще долго обсуждались теми, кому посчастливилось на них побывать. Да и сама Юля считалась одной из красивейших женщин Москвы. Но она жаждала блистать не только на корпоративных мероприятиях строительной фирмы, однако Тимофей, во-первых, ненавидел тусовки, а во-вторых, был всего лишь блестящим юристом, но отнюдь не светской персоной. Правда, вскоре ему предстояло стать наследником большого состояния, и, возможно, тогда... Но однажды подруга познакомила Юлю со своим троюродным братом, модным писателем Леонтием Зноем. Тот мгновенно влюбился в красавицу, воспылал к ней страстью и она не осталась равнодушна... Ее всегда манил мир богемы, но богемы успешной, гламурной. Тем более, что Леонтий был вполне хорош собой. У него был лишь один недостаток – небольшой рост. Правда, Юля мгновенно сообразила, что если не надевать высоких каблуков, она будет вполне ему под стать. А сам он как раз носил ботинки на скрытых каблуках и в результате они замечательно смотрелись вместе. Впервые за десять лет брака Юля завела роман. И этому роману скоро будет два года! Леонтий был вдов и в рекламных интервью всячески подчеркивал этот прискорбный факт своей биографии. А Юле хотелось за него замуж! Не потому, что так уж его любила, нет, но жизнь Тимофея была практически доведена ею до совершенства, а Леонтий так в этом нуждался... До встречи с Юлей он безобразно одевался, она взяла дело в свои руки и вскоре научила его разбираться в модных брэндах, чего Тимофей так и не освоил. Пожалуй, Тимофей был лучшим любовником, но в последнее время секс с ним как-то ей приелся... А в отношениях с Леонтием была известная острота, ведь это были тайные отношения. К

тому же Юля была уверена, что с ее помощью Леонтий сумеет стать самым модным писателем страны. С легкостью и удовольствием усвоив науку одеваться модно и дорого, он стал отражать это в своих книгах, что ее радовало. Однажды она сказала ему, что на задней стороне обложки у него плохая фотография и отвела его к мужу подруги, знаменитому фотографу, тот сделал потрясающий портрет, который издательство выкупило и теперь с обложек книг Леонтия Зноя на его читательниц смотрел печальный и загадочный красавец – хоть завтра в Голливуд! Всем этим он был обязан Юле.

- Миша, привет, это Юля!
- Юлечка, привет, дорогая! Что случилось?
- Миш, у меня к тебе дело конфиденциального характера.
- Выражаешься, как жена юриста! – засмеялся он. – Чем могу служить?
- Мне необходимо с тобой посоветоваться! Но не по телефону!
- Хорошо, давай где-нибудь пообедаем или кофе попьем.
- Кофе попьем!

Миша страшно удивился. Никогда у них с Юлей не было каких-то отношений помимо Тимы. Но мало ли что бывает! А вдруг это как-то связано с Яной? Может, Юлька прознала про наследство Олега? Из Тимофея ведь ничего не вытянешь, он могила, а из меня можно попытаться. И на встречу с Юлей он отправился очень настороженный. Но уже первый ее вопрос поверг его в изумление.

- Миша, скажи... – после обязательных приветствий начала она.
- Слушаю тебя, Юлечка!
- Скажи, ты окончательно продал свой бизнес?
- Ты о чем?
- Ну, эта наградная история...
- Да! Окончательно!
- Скажи, а фирма-то существует?
- Вроде да, но я точно не знаю. А тебе зачем? Хочешь получить премию «Лучшей жены в Европе»?
- Зачем мне? – улыбнулась Юля, еще больше утверждаясь в мысли, что ей надоело быть просто идеальной женой какого-то незнаменитого юриста. – Видишь ли в чем дело... Одна моя подруга хотела бы сделать подарок своему родственнику, известному писателю. Какую-то премию... Европейскую... Понимаешь?

– Чего ж не понять. Иными словами, тебе нужны координаты этой фирмы?

– Ну да! И расценки, конечно!

– Нынешних расценок я уже не знаю, но если это писатель...

– Мишка, а ты-то сам тоже ведь теперь писатель!

– И что? Думаешь, мне нужна такая туфта?

– Но это же реклама!

– Я перебуюсь. Но, разумеется, дам тебе координаты, можешь даже сослаться на меня, тебе запросто сделают скидку! – улыбнулся Миша. – А что за писатель-то?

– Я не знаю, просто попросили... Да, и еще вопрос. Какая формулировка должна быть, что за премия?

– Ну это уж пусть писатель сам придумает, могу лишь посоветовать – формулировка должна быть достаточно скромная, чтобы недоброжелатели этого гения не кинулись копать... А то может выйти скандал.

– А у вас были такие скандалы?

– Пока бог миловал. Но мы все делали аккуратно. А как там сейчас, я ей богу не знаю. – Миша вытащил записную книжку, черкнул что-то на листке, вырвал его и протянул Юле. – И еще совет: не надо устраивать каких-то торжественных мероприятий, дорого встанет!

– Ну, это уж не моя забота!

Врешь, матушка, это твоя забота, и идея твоя! Что там за писатель наставляет рога моему лучшему другу? Надо бы разузнать! Хотя зачем? Не стану же я доносить на Юльку! Бред, конечно. Просто мне самому любопытно, впрочем, Бог с ними, у меня теперь есть Яна...

– Миш, а когда свадьба? – полюбопытствовала Юля, чтобы у Мишки не сложилось впечатление, будто она так уж зациклена на этой истории с писателем.

– Ну, пока не знаю... – смутился вдруг Миша. – А как она тебе?

– Славная... Но рассеянная немножко, да? И немножко высокомерная?

– Рассеянная, пожалуй, но уж высокомерия в ней ни на йоту...

– Ну, значит, зажатая.

– Это есть.

– Но ты ее любишь? И прекрасно, тебе давно пора жениться! Я уж сколько раз предлагала Тимке познакомить тебя с кем-нибудь из своих подруг, но он за тебя горой стоял.

– Тима верный друг! – рассмеялся Миша.

– Так что все-таки со свадьбой?

– Мы пока не спешим, – уклончиво ответил Миша.

Вчера вечером он довез Яну до дома, они возвращались из кино и, затормозив у ее подъезда, не сдержался, обнял ее, поцеловал, она ответила, прижалась к нему, он что-то шептал ей на ухо, целовал в шею, а потом сказал:

– Поднимемся к тебе?

И вдруг она как будто застыла, отстранилась.

– Прости, Миша, я пока не могу! Прости! – И выскочила из машины.

Он не успел опомниться, как она уже вбежала в подъезд.

Он был разочарован и даже напуган. Неужто я ей неприятен? Да нет, ерунда, просто, скорее всего, у нее «критические дни». Ничего, я подожду!

Но он не угадал. Яна просто испугалась. Испугалась, понимая, что тут не получится легкого романа, что Миша вскоре сделает ей предложение, а она, хоть и тянулась к нему, но боялась в третий раз наступить на те же грабли. Господи, почему у меня не может быть нормальной жизни? Миша самый добрый и милый из всех, кого я знаю, с ним легко, тепло, уютно... Но ведь это сейчас, пока мы чужие. Я ведь не могу знать, какие там у него скелеты в шкафу...

Вот Олаф, вроде бы интеллигент, умница, казалось, любил меня, а через год во что он превратился! В мрачного монстра! Стоило прохожему на меня посмотреть, как он набрасывался на меня с кулаками. И почему я это терпела? Дура набитая... Думала, не смогу вырваться? Надеялась незнамо на что? Хотя когда я забеременела, он стал прежним, ласковым, внимательным, увез меня в свой загородный дом, мол, в Гетеборге воздух недостаточно свежий, ждал малыша, такой заботливый муж и будущий отец... И как перепугался, когда мне стало плохо, тут же отвез в больницу, а там выяснилось, что ребенок наш умер, не родившись... А потом все началось сначала... Только мы уже не вернулись в Гетеборг. Он просто запирает меня, когда уезжал на работу... Как мне было страшно... Я задыхалась... А вокруг ни души... Еще в Гетеборге я могла бы наверное пойти в консульство или в полицию...

Ох, даже вспоминать жутко... До чего ж он меня довел... в какой-то момент показалось, что у меня один выход – убить его...

В шведской тюрьме и то будет лучше. Он уезжал с утра, а когда возвращался, или бил меня смертным боем или напивался и требовал секса... А я уже не могла его выносить... Один раз взмолилась:

– Олаф, отпусти меня, нам плохо вместе! Я вернусь в Москву!

– В Москву? В эту грязную клоаку? Там вообще нельзя жить! И что ты там делать будешь? На что ты годишься? На панель пойдешь? Ты только

это и умеешь! Ни готовить, ни убирать нормально, даже в прислуги не годишься! Только в панельные шлюхи!

– Зачем же ты на мне женился?

– Дурак был!

– Так отпусти меня, какая тебе разница, что там со мной будет?

– И не мечтай! – заорал он и так меня двинул, что я отлетела и ударилась головой об угол комода. И потеряла сознание. Очнулась от того, что он плеснул мне в лицо водой. Но тут я поняла, как надо действовать. Не подала виду, что очнулась. Наоборот, закатила глаза и лежала не шевелясь. Он опять взбесился и пнул меня ногой в ребра. Я продолжала лежать без движения с закрытыми глазами, хотя обычно кричала как резаная, когда он меня бил. Он, видно, испугался, что убил меня. Стал трясти, тормошить. Я лежала как мертвая. И отчетливо понимала, что могу спастись только так. Он приложил мне к губам зеркальце. И убедившись, что я жива, еще несколько раз пнул ногой. А я радовалась – чем больше синяков, тем лучше.

– Ну и валяйся тут, тварь! – сказал он и вышел, хлопнув дверью.

А я все лежу. И обдумываю, что буду делать, если он вызовет врача. Или повезет меня в больницу? Скорее всего. А что для меня лучше? Конечно, больница. И в самом деле, через час заглянул и увидев, что я по-прежнему лежу без движения, здорово струсил. Взял меня на руки и понес в гараж. Я жутко испугалась, что он сейчас просто убьет меня и закопает тут же, но он положил меня на заднее сиденье и куда-то повез. Оказалось, в больницу. Прибежали санитары, уложили меня на носилки и я слышала, как он говорил врачу, что вернулся домой с работы и нашел жену под лестницей без сознания, из дома пропали какие-то вещи, а жену, похоже, избили... О! Он боится полиции, поняла я. Оказалось, что у меня сломаны три ребра, множественные ушибы различной тяжести и крайнее нервное истощение. Я уже «пришла в себя» и врач стал спрашивать, что со мной случилось.

– Она не говорит по-шведски! – сказал муж. Он был здорово напуган.

– Я не хотел бы оставлять ее в больнице, дома у нее будет надлежащий уход...

Вот тут уж я набралась храбрости и прошептала по-шведски:

– Ради бога, не отпускайте меня сегодня!

Кажется, пожилой доктор все понял. И сказал:

– Нет, господин Юргенсен, по крайней мере два дня ваша супруга пробудет здесь. Это необходимо. А, кстати, почему вы не вызвали полицию?

– Я так был напуган, мне казалось промедление может стоить ей жизни! – пролепетал муж.

Когда меня отвезли в палату, Олаф сел возле моей кровати с несчастным покаянным видом и прошептал:

– Яна, девочка моя, прости меня, я обещаю, больше такое не повторится...

– Я тебе не верю и сразу предупреждаю – если завтра утром ты не привезешь сюда мои документы и деньги на билет до Москвы, я заявлю в полицию! Наш брак был ошибкой, я тебя ненавижу и мне нисколько не будет тебя жалко, если ты сядешь в тюрьму. Давай расстанемся по-человечески! И ты больше обо мне не услышишь. Развод оформим заочно, я ни на что претендовать не стану.

– Хорошо! – неожиданно согласился он. Повернулся и ушел. А утром привез мои вещи, документы и крупную сумму наличными. Какое это было счастье! Его денег хватило не только на билет до Москвы, но еще и на три месяца скромной жизни в Москве.

Мне что, мало этого опыта? Я не хочу замуж! Ни за что! Конечно, смешно думать, что Миша стал бы меня бить, но кто знает... Однако он мне очень нравится, надо просто завести с ним роман и предупредить, что о замужестве не может быть и речи!

Она взяла мобильник и отправила ему эсмэску: «Мишенька, прости меня, давай завтра встретимся и я все тебе объясню. Прости еще раз! Твоя Яна».

Ответ не заставил себя ждать: «Дорогая моя, ты вернула меня к жизни! Я люблю тебя! Завтра заберу тебя из института».

Яна обрадовалась. Завтра она все скажет Мише, не станет ничего скрывать, и если он согласится быть просто любовником, что ж... Я буду рада.

Юля впервые ехала домой к Леонтию. До сих пор они встречались либо у кого-то из ее подруг, либо в гостиницах, а тут вдруг он пригласил ее к себе, в свою громадную квартиру на тринадцатом этаже нового элитного дома. До начала литературной деятельности Леонтий Зной, тогда еще Леонид Засыпкин, был весьма успешным бизнесменом, но затем, столкнувшись с опасностями и сложностями российского бизнеса, решил переквалифицироваться в писатели. Хоть и не так прибыльно, зато безопасно. Он взял себе звучный псевдоним и, заранее изучив конъюнктуру, взялся за перо, тем более, что пресловутой «тягой к чистому листу» страдал сызмальства. Он писал все – и детективы, и сказки, и

детские книжки, но все это не приносило успеха. И однажды его осенило. Он стал писать по сути дамские романы, но такие мрачные и выматывающие душу, что вкупе с роскошным портретом на обложке никто не решался отнести его творения к презренному жанру женских романов. И у него нашлись читатели. Скромную пиар-кампанию он мощно поддержал собственными средствами, да еще и Юля поработала над его имиджем. Теперь Леонтий Зной считался весьма популярным автором. Роман с одной из красивейших женщин Москвы льстил его тщеславию. И он стал подумывать о женитьбе на ней, она могла быть ему весьма и весьма полезной. Да и хороша она была во всех отношениях.

Юля приехала к нему с изящной корзинкой, полной крохотных слоеных пирожков с мясом и капустой, которые Леонтий обожал. Он встретил ее сияя.

– О, красавица моя, ты изумительно выглядишь! Просто невозможно поверить, что столь роскошная женщина сама печет такие шедевральные вещи! Ну проходи, проходи! Посмотри мою вдовью берлогу!

«Вдовья берлога» привела Юлю в ужас и замешательство. Подобной безвкусицы она не ожидала. В кабинете знаменитого писателя ее потрясли три больших золоченых орла, два стояли на письменном столе, один на книжном шкафу. Четвертый, бронзовый, распластал свои крылья на стене напротив дорогущего письменного стола на львиных лапах. Обои в кабинете были темно-зелеными с золотом, а на столе, кроме двух орлов, стоял еще и бронзовый чернильный прибор с часами.

– Ты здесь работаешь? – не без робости спросила она.

– Да нет, я же пишу на компе, где придется, а это так сказать, парадный кабинет.

– Но зачем нужен парадный кабинет? Ты же не генсек!

– Юлька, не ворчи, хочешь кофе? А то от твоих пирожков голова кругом идет, так вкусно пахнут!

– Нет, сначала покажи мне квартиру!

– Ну что ж, идем!

Кухня и столовая были по моде соединены в единое пространство. Но кухня была обставлена традиционно – темного дерева вполне функциональные стенки, с печками, машинками и т.д., только холодильник, огромный, трехкамерный, был позолоченный. А в столовой вокруг большого стеклянного стола высились громадные, весьма витиеватые, обитые золоченой кожей полукресла.

– Нет! – воскликнула Юля.

– Что нет? – добродушно откликнулся Леонтий.

– Тут нельзя находиться, – твердо сказала Юля. – В этой квартире просто нельзя жить! Это катастрофа!

– Но почему?

– Леонтий, ты сам это обставлял?

– Ну... мне помогала одна дизайнерша... А что? Тебе не нравится?

– Я сейчас просто сблевану! Это такая безвкусица... Такой дурной тон!

– Ты находишь? – испугался Леонтий. Он очень доверял Юлиному вкусу.

– Ленечка, любимый мой, я надеюсь, тебя тут еще не снимали?

– Снимали.

– Ужас какой! И ты же наверняка потратил на все это бешеные бабки? Да?

– Да.

– Почему ж ты меня не позвал, хоть бы проконсультировался!

– У меня, значит, дурной вкус, а у твоего юриста хороший?

– Нет, но он об этом знает и никогда со своим вкусом не суется! У него совсем вкуса нет, я ему даже цветы покупать не разрешаю, обязательно купит какую-нибудь дрянь. Но дело сейчас не в нем, а в тебе, Ленечка! Так нельзя... Эти твои золоченые орлуши...

– А я люблю орлов!

– Люби, кто тебе мешает! Я, например, обожаю кенгуру, но я же не поставлю в своей квартире золоченых кенгуру! Хотя кенгуру это по крайней мере оригинально, а уж пошлее твоих орлов и вовсе ничего не придумаешь! Ленечка, я тебя умоляю, давай здесь все переделаем! Ну как можно в кухне сидеть на этих дорогущих золоченых тронах? Либо столовая должна быть отделена от кухни, либо она должна быть не столь пышной! Это абсурд!

Леонтий был совершенно обескуражен.

– Что, Юль, это действительно так ужасно?

– Чудовищно! Так обставляться может только какой-нибудь нувориш из Мухосранска! А уж для писателя это просто непристойно! – горячилась Юля. – Но не беда, ты же вот и одевался ужасно, а теперь ты очень элегантен. Ничего, я и с этим справлюсь! Ты мне только дай карт-бланш и через несколько месяцев ты свою квартиру не узнаешь!

– Но... это же бешеных денег все стоило... – растерялся Леонтий.

– Ничего, кое-что можно оставить. Например, в кабинете кроме обоев, орлов и светильников практически все можно оставить. Столовую надо ликвидировать полностью, не беспокойся, я сумею это продать, в Москве

огромное количество безвкусных богатых идиотов.

– Но позволь...

– Нет, Леонтий, не позволю! Я просто не могу находиться в таком кошмаре, меня физически тошнит!

Он подошел к ней, обнял.

– Ты как всегда торопишься, я вовсе не то хотел сказать. Я просто подумал: ты не хочешь уходить от мужа – откуда же у тебя возьмется время на переустройство моей квартиры?

– А я просто скажу Тиме, что ты меня нанял в качестве дизайнера.

– Нанял? За деньги?

– А что, ты же платил той кретинке, которая тут такое развела? Заплатишь и мне, для отвода глаз.

– Господи, да я готов, но он же не поверит...

– А это уже его проблема! И потом не я не хочу от него уходить, а ты не можешь на мне жениться! Я не понимаю, честно говоря, почему ты должен владеть горестную жизнь вдовца... Только в угоду имиджу, придуманному вашим пиар-отделом? И сколько тебе еще вдовствовать?

– По договору еще полтора года... Ну потерпи, милая... А кстати, если ты всё здесь переделаешь, я убежден, у тебя появятся еще заказы... Может, хватит уже быть идеальной женой? А за работу я и вправду буду тебе платить, чтобы твой, юрист не возникал...

– Леонтий, я тебя обожаю!

Вечером того же дня Юля, накормив мужа, сказала:

– Тимочка, я хочу с тобой поговорить.

– Говори!

– Знаешь, ты, вероятно, удивишься, но мне предложили работу.

Тимофей и вправду страшно удивился.

– Работу? Какую?

– Мне предложили обставить пятикомнатную квартиру за вполне хорошие деньги.

– С чего это вдруг?

– Ну, я же помогала Верке обставить новую квартиру и всем так понравилось... Ну и вот...

– Ну, если тебе это доставит удовольствие, почему бы и нет? А кто этот заказчик?

Юля нервно засмеялась.

– Как ни смешно, это Леонтий Зной, только ради бога, не думай ничего такого...

Тимофей сам себе удивился. Ему было абсолютно все равно.

– Да я и не думаю. Если б у тебя было рыло в пуху, ты запросто могла бы мне соврать.

– Значит, ты не возражаешь?

– А разве есть смысл возражать? – улыбнулся он. – Я полагаю, ты не оставишь меня тут в грязи и запустении?

– Разумеется, нет! – возликовала Юля. – Мне вообще нет нужды торчать там постоянно. В квартире недавно был ремонт, просто кое-где надо переклеить обои, может, поменять колер стен, а так... Главное, мебель, и... У него чудовищный вкус! Просто чудовищный! И я ему об этом прямо сказала!

– Он не обиделся?

– Нет, он и сам чувствовал, что ему сделали что-то не то и вот предложил мне... Знаешь, Тим, это шанс... Возможно, мне потом будут еще предлагать работу...

– Я рад за тебя, тебе наверное давно уже надоело быть просто женой просто юриста.

– Не прибедняйся, ты не просто юрист...

– Хорошо, – легко согласился Тимофей, – надоело быть идеальной женой не просто юриста.

– Ты меня недооцениваешь, Тима, я безусловно останусь идеальной женой, которая еще и деньги зарабатывает!

– Перспектива – зашибись! – добродушно засмеялся Тимофей.

– Значит, ты не ревнуешь меня к Зною?

– А должен?

– Да нет, что ты! Только одна просьба...

– Я весь внимание!

– Не говори Ольге Варламовне, у кого я буду работать. Она обязательно все извратит...

– Я ничего не собираюсь ей говорить. Зачем?

– Тим, ты, кажется, тоже идеальный муж!

– Ты только сейчас это заметила?

– Ну что ты, Тимочка! – От полноты чувств Юля крепко поцеловала мужа.

А он подумал: идеальная жена идеального мужа – какая пакость! Какая ложь!

На другой день ему позвонил Миша.

– Тим, как дела?

– Как-то...

– Что-то случилось?

- Не знаю...
- Тим, ты мне не нравишься!
- Похоже, не только тебе. Ну, а ты как? Как твоя Яна?
- О, Яна – чудо! Я совсем потерял голову...
- А она?
- Тоже не осталась равнодушна.
- Когда свадьба-то?
- Пока о свадьбе речи нет... Но она удивительное существо... Я таких не встречал...
- Рад за тебя, дружище!
- А что голос такой нерадостный?
- Да нет, просто устал... Ужасно устал, если честно!
- Так поезжай куда-нибудь, проветришь!
- Сейчас не получается... Да ладно, не бери в голову. А как насчет выпить вместе в пятницу?
- С удовольствием, брат! Созвонимся в пятницу с утра, идет?
- Конечно!

Утром Юля, верная своим привычкам, подала мужу завтрак, как всегда на крахмальной скатерти, на сей раз нежно-абрикосового цвета. Она видела, что он насмешливо кривит губы, но предпочла этого не заметить. Не поверил ей? Ну и пусть! Если мы оба будем хорошо играть свои роли, то все получится как надо. А как надо? Юля этого пока не знала... У Тимофея впереди нехилое наследство... И к тому же он надежен как скала. А Леонтий красавчик, модный писатель, кто знает, не надоест ли ему, Юля? Поэтому даже хорошо, что он пока не имеет права жениться, а за полтора года еще много воды утечет. Как там у Гольдони? Слуга двух господ? А я буду жена двух мужей! Я с этим легко справлюсь!

- Янина Августовна, что это с вами? – спросил зав. кафедрой, вполне импозантный мужчина лет пятидесяти.
- А что со мной? – напряглась Яна.
- Вы невероятно похорошели! Невероятно! Это что, любовь?
- Александр Ермолаевич! – вспыхнула Яна.
- Да что ж вы зарделись, голубушка? Любовь это прекрасно! А вы молодая женщина, самое время любить! Я надеюсь только, это не кто-то из наших студентов?
- Яне кровь бросилась в лицо.
- Вы с ума сошли, Александр Ермолаевич!
- Ну извините, но вы же помните историю с Наталией Игоревной? Да

и разговоры, честно говоря, идут...

– Какие еще разговоры? – насторожилась Яна.

– Ну, что у вас... э-э-э, шуры-муры... с одним из студентов.

– Уж не со Столбовым ли? – осенило вдруг Яну.

Зам. декана развел руками.

– Так! Я знаю, откуда ноги растут... Вы тут все готовы терпеть любые гадостные выходки этого мерзкого типа, а я не буду, я подаю заявление об уходе! Сию минуту!

– Да погодите вы, не кипятитесь! Нет так нет! Просто до меня дошло...

– Сейчас до вас дойдет еще информация. Мой... любимый мужчина, дожидаясь меня, услышал, как Столбов говорил обо мне гадости, когда я ему поставила неуд, и задал ему трепку, а теперь этот гаденыш мстит... И если вы позволяете себе прислушиваться к этому мерзавцу, который чувствует себя в институте совершенно безнаказанным, то я этого терпеть не буду! Это мое последнее слово!

– Но вы не можете бросить работу посреди учебного года!

– Я могу заболеть на нервной почве! Но я предлагаю вам обратиться к Нине Федоровне Осмоловской, она сейчас, насколько я знаю, без работы. – Яна вытащила ручку и написала на бумажке телефон.

– Но, Янина Августовна, простите мне мою бестактность, я просто хотел убедиться, ничего личного... Не обижайтесь на старика!

– Вы вовсе не старик, не рамоли, которому легко простить бестактность ввиду маразма, тут другой случай! Хотите носиться со Столбовым? Носитесь! Но наш президент сейчас довольно решительно увольняет крупных функционеров, как бы папаша Столбова тоже не загремел! – Яну уже трясло от бешенства.

– Янина Августовна, успокойтесь! У вас истерика!

– Да! Потому что я, кажется, не давала повода... И я уйду! Можете подавать на меня в суд, уволить меня по статье, мне все равно!

– Не собираюсь я вас увольнять... Напротив, умоляю доработать до конца года и клянусь, я сумею разобраться со Столбовым! Вот, выпейте воды! И если в конце учебного года вы все-таки захотите уйти, я не стану чинить вам препятствия. Ну, голубушка, пожалуйста!

– Хорошо, но только до конца года!

– Дорогая моя, но куда же вы пойдете? Скандинавские языки не самая востребованная дисциплина.

– Я пойду... замуж!

– О! Это меняет дело, хотя жаль, вы отличный преподаватель!

– Нет, Александр Ермолаевич, я все-таки не смогу. Как мне прикажете

существовать в этих стенах? Делать вид, что я ничего не знаю? Молча сносить грязные ухмылки Столбова и его компашки? Звоните Нине Федоровне! Ей за пятьдесят, о ней таких слухов распространять не станут! А я не могу! Я сию минуту иду к врачу и уверена, мне дадут освобождение, у меня нервы ни к черту... Все, простите, ничего личного!

Яна пулей вылетела в коридор и почти сразу заметила Столбова, который стоял в сторонке, очевидно, поджидая именно ее.

– Янина Августовна, я могу вам чем-то помочь? – вкрадчиво осведомился он, очевидно, демонстрируя своим друзьям близость к преподавательнице. – У вас неприятности? – проговорил он интимным шепотом.

– С чего вы взяли, Столбов? – громко ответила Яна. – Хотите продемонстрировать вашей шобле нашу интимную связь, о которой вы, как истинный джентльмен, уведомили весь институт? Так вот – я во всеуслышание заявляю, что вы просто гнусный лгун и я не думаю, что хоть один нормальный человек поверит, что такая женщина как я могла связаться с таким поганым сопляком как вы! И не думайте, что всеисилие вашего папочки так уж безгранично! А посему я с наслаждением сделаю это... – Она размахнулась и со всей силы дала ему оплеуху!

Мальчишка задохнулся от ярости и хотел броситься на нее, но тут вдруг раздались аплодисменты! Народу на ее громкий голос сбжалось много и почти все с наслаждением аплодировали Яне.

– Тебе это так не сойдет! – прошипел он.

Но тут произошло неожиданное. К нему подскочил студент Вася Калюжный, схватил его за грудки, встряхнул и громко сказал:

– Ну вот что, Столбов, ты давно уже всех тут достал! Тупой болван с могучим папочкой – вот ты кто! И если с Яниной Августовной хоть что-то случится, то и на тебя и даже на твоего папашку найдется управа, уж поверь мне! Моя мать работает в аппарате президента и в случае чего...

Вот это новость! Никто в институте не подозревал о том, где и кем работает мать Калюжного.

– И даю на прощание совет: уезжай учиться за рубеж, там пока еще тебя раскусят...

– Хорошая мысль! – встряла Яна. – Только не в Швецию, шведского вы совсем не знаете!

Столбов затравленно озирался. К нему никто не подошел, даже из его верных приспешников.

– Нужна мне эта сраная Швеция! Я найду, куда свалить из вашей вшивой Москвы, тоже мне проблема!

И он вразвалочку направился к лестнице, хотя его буквально душили слезы бессильной ярости! Дело в том, что отец недели две назад предупредил его, чтобы держался тише воды ниже травы, поскольку кресло под отцом здорово шаталось...

Яну окружили студенты и преподаватели, а зав. кафедрой, тоже ставший свидетелем этой сцены, поцеловал Яне руку и сказал:

– Полагаю, дорогая моя, что инцидент исчерпан? Но вы молодчина, никогда бы не подумал! Поздравляю!

Вечером ей позвонила Вета, которой не было в тот момент в институте.

– Янка, это правда? Ты дала по морде Столбову?

– Да! Просто не смогла удержаться!

– Могу тебе сообщить, что ты приобрела невиданную популярность среди студентов! А что, над Столбовым-старшим и впрямь тучки нависли?

– Понятия не имею! Просто меня охватила такая ненависть...

– С ума сойти, как много значит для бабы присутствие в жизни мужика!

– При чем тут это?

– Думаю, до Мишки ты бы на такое не отважилась!

– Отважилась бы, еще как отважилась... Меня только надо довести... – каким-то странным смехом засмеялась Яна. – Было у меня в жизни несколько таких случаев!

– Да ты что? Никогда бы не подумала.

– Только, Вета, я прошу, не рассказывай про это Мише.

– Почему? Или ты боишься разрушить образ хрупкой беспомощной мимозы?

– Да нет, конечно! Просто он может кинуться на мою защиту, а зачем? Я и сама за себя постояла и Калюжный, такой молодец! Это ж надо, на четвертом курсе парень, а никто не знал, где его мать работает!

– А вот Калюжный вполне возможно в тебя влюблен, раз кинул на стол такую карту... Это чтобы Столбов не вздумал мстить...

– Да ладно, Ветка, какое значение имеют эти детские влюбленности в преподав!

– Да вот пригодилось же! Ладно, главное, ты за себя постояла! Так ты не уйдешь теперь?

– Пожалуй, не уйду!

– Я могу это передать Ермолаичу?

– А ты что, засланный казачок? – расхохоталась Яна.

- Ну, в некотором роде. Ермолаич просил на тебя повлиять.
- Считай, что повлияла.

– Миша, что происходит? – осведомилась Нелли Яковлевна, когда сын приехал за ней, чтобы отвезти к зубному врачу.

- Ты о чем, мамочка?
- Что у тебя с Яной происходит?
- Мама, ну что происходит между мужчиной и женщиной? Не верю, что ты уже забыла!
- Не груби! Я серьезно! Вы собираетесь жениться?
- Да нет пока, нам и так хорошо.
- Ты уверен, что все хорошо?
- Мама, к чему ты клонишь?
- Ты в ней разочаровался?
- Боже упаси, что ты, мама! Я с ума по ней схожу! Но мы решили пока не жениться...

– Ты решил, или она решила?

– Мамуля, я же ясно сказал – мы! Мы оба! В конце концов, штамп в паспорте ничего не решает...

- Но я хочу внуков!
- Вот тут загвоздка, мама. У Яны не может быть детей.
- Так я и знала! Так и знала, она слишком уж идеально тебе подходила, я все думала, где же там обнаружится изъян... И что, это категорически?
- Увы, да. Ее шведский муж ее избивал, ну и...
- Избивал? И она все-таки с ним жила? Не понимаю!
- Мама, она была... Словом, я не могу и не хочу об этом говорить. У нее было ужасное детство, не менее ужасное отрочество и практически безрадостная юность. Поэтому для меня непереносимы все эти разговоры. Я удивляюсь, что у нее еще есть силы жить вообще и более того, даже радоваться жизни! – довольно жестко отрезал Миша. И чуть помедлив, добавил: – Я люблю эту женщину и меня совершенно не волнует, что по этому поводу думают другие.

- И я в том числе?
- Прости, мама, но это так.

Нелли Яковлевна искоса посмотрела на сына и сочла за благо промолчать. Миша крайне редко бывал таким непреклонным.

Через несколько минут Нелли Яковлевна спросила:

- А скажи мне, как продается твоя книга?
- Да неважно пока, как ее выловить в этом море книг? Правда, на днях

планируется ее презентация на весенней ярмарке.

– Что это значит?

– Ну, на ВВЦ у меня будет полчаса, я смогу что-то рассказать людям о себе, о книге, это такая рекламная акция, а потом будет так называемая автограф-сессия, если, конечно, отыщется такой идиот, которому нужен мой автограф!

– А кто тебя будет представлять?

– Понятия не имею.

– Как ты мог не спросить?

– Что я должен был спросить?

– Ну, хотя бы это будет девушка или молодой человек?

– А какая мне разница, если я все равно никого там не знаю?

– А я смогу туда пойти?

– Разумеется! Только тебе-то это зачем?

– Интересно, хочу посмотреть, как это все происходит. Любопытно!

– Ну что ж...

– А Яна пойдет?

– Обязательно!

– Вот и хорошо, а потом ты должен нас пригласить в ресторан!

– Прекрасная идея! Я вот думаю еще Тимку позвать. Ему, кстати, моя книга очень понравилась!

– Ты мне ничего не говорил!

– Мама, ну что, я должен был мчаться к тебе с радостной вестью: «Мамуля, Тиме понравилась моя книжка»? Как ты себе это представляешь?

– А Яна уже прочла?

– Прочла и ей тоже понравилось, хотя она обнаружила там одну маленькую нестыковочку в сюжете, одну прямую ошибку и несколько опечаток!

– Да? А я ничего не заметила!

– А кроме нее вообще никто не заметил! У нее очень точный глаз и отличное языковое чутье. Откуда бы, кажется? В доме ее мамы вообще книг не было. А вот поди ж ты!

– В самом деле, удивительно. Если ты и дальше намерен выпускать книги, такая приметливая женщина тебе может здорово пригодиться. Так какого числа это мероприятие будет?

– В субботу, девятнадцатого, в половине пятого. Понимающие люди говорят, что это вполне престижно...

– Что именно?

– Выходной день и хорошее время...

- Чушь собачья!
- Я тоже так подумал, но если уж ввязался в эту историю...

Как странно, думала Яна, почему мне все время как-то тревожно? Казалось бы, все у меня хорошо, даже отлично, и в институте после того скандала все успокоилось. Столбов сначала был тише воды, ниже травы, а теперь и вовсе исчез, говорят, вместе с папашей слинял за границу. Тот, как выяснилось, украл какие-то несметные миллионы из государственной казны. И Миша со мной, мне с ним хорошо, тепло, уютно. Он, кажется, действительно любит меня... А я? Мне странно и непривычно ощущать себя любимой. Кто меня любил в моей жизни? Только Олег... Ведь даже в детстве, когда многие дети купаются в родительской или хотя бы материнской любви, я была как волчонок... Хотя кто сказал, что волчицы не любят своих детенышей? Я всегда чувствовала, что не нужна матери, что я для нее обуза... Как она меня называла в раннем детстве? Чертово семя! А об отце, кроме как о «сраном шляхтиче», она не отзывалась. Бабушки тоже не было... Никого! Мать, конечно, кормила меня, мыла, она чистюля была, кое-как одевала, но никогда не ласкала, не шептала нежностей. Господи, как я завидовала девчонкам во дворе, чьи матери иногда мимоходом поцелуют свое дитяtko. Мать никогда не справляла мой день рождения, я даже не понимала, что это такое... Один раз меня пригласили на день рождения Митьки Клокова, мальчишки с нашего двора. Я сказала матери, что меня позвали на день рождения. Она закричала, что незачем мне туда идти, она меня не пустит и чтоб я думать забыла об этой глупости, а на другой день вдруг сказала:

– Ты вот что, сходи к Клоковым, поиграйся там с ребятней... Тебя к какому часу звали?

– К трем.

– Вот и славно, – она достала из комода коробку конфет. – На вот, подаришь этому оглоеду.

– Зачем?

– На день рождения надо подарки дарить! Обычай такой, дебилы какие-то придумали! А теперь куда денешься!

– А кто такие дебилы?

– Идиоты недоделанные! Значит, к трем, говоришь? – Она позвонила куда-то и сказала совсем другим тоном: – Привет, подваливай к трем, моя оглоедка к трем на день рождения идет!

День рождения меня потряс! Митькина мама накрыла в комнате стол, все дети пришли нарядные, с подарками, Митькины бабка и дед играли с

нами во всякие игры, потом нас позвали к столу и там было столько вкусного, такие пироги и махонькие бутербродики со всякой всячиной и салат оливье, и сладкая газировка в бутылках, а потом мы еще играли, а после игр дали чай с тортом... И никто из ребят не удивлялся, даже не радовался особенно, похоже, все они считали, что так и надо... Только я как дура всему радовалась. Помню, Митькина бабушка погладила меня по головке и дала большой пакет.

– Это зачем? – спросила я.

– Чтобы праздник еще продлился.

– А почему вы только мне даете?

– А остальным не так нужно...

Я поняла, что она меня жалеет, и это показалось мне до ужаса унижительным... Я поставила пакет на стул в прихожей.

– Не надо нам ваших подачек! – заревела и убежала. А на другой день вдруг представила себе, как сейчас сидела бы у телевизора и ела волшебный торт маленькой ложечкой, как ели у Митьки...

А мать, когда я вернулась, была довольная, даже добрая.

– Ну, как погуляла? – спросила она, томно потягиваясь на диване.

– Мам, а когда у меня будет день рождения?

– И не мечтай!

– Почему?

– По кочану! Я свои кровные тратить на чужих оглоедов не намерена, да и то сказать, большой праздник – родила редьку от ясновельможного хрена...

Я ничего не поняла, но только ужасно обиделась. И заревела.

– Брысь отсюда! Еще реветь она будет, настроение все сбила, чертово семя!

... – Миш, а почему ты химию бросил? – спросила вдруг Яна субботним утром.

– Скучно мне стало и противно – от химии столько бед в мире, не хотелось их множить, – засмеялся он, страшно довольный тем, что наконец-то Яна о чем-то спрашивает его.

– А живопись почему бросил?

– Потому что осознал, что я далеко не гений.

– А разве обязательно быть гением?

– В живописи желательно.

– Но ведь столько не гениев, которые считают себя гениями и прекрасно себе существуют...

– Конечно, но мне не хотелось пополнять их ряды.
– А писателю не надо быть гением?
Он засмеялся, поцеловал ее в голое плечо.
– Писателю не обязательно, но кто тебе сказал, что я писатель? Я написал одну книжку пока...
– А вторую писать не думаешь?
. – Думаю, но ты меня сбила с панталыку, я хочу только одного – быть с тобой...
– А после живописи ты ушел в какой-то сомнительный бизнес...
– О, вот там мне все говорили, что я гений, но меня это почему-то раздражало...
– Иными словами, ты еще не нашел себя?
– По-видимому... Но зато я нашел тебя! И если ты будешь со мной, я, возможно, скорее найду себя... Ты меня здорово изменила уже. Я всегда ненавидел среди бела дня валяться в постели.
– Значит, я дурно на тебя влияю?
Он приподнялся на локте, посмотрел ей в глаза и спросил шепотом:
– Ты меня любишь, Янка?
Она колебалась. Никто, кроме Олега, никогда не задавал ей этого вопроса. Она боялась его обидеть, но и просто ляпнуть «да» не могла, она сама не знала ответа на этот вопрос. Потому нежно улыбнулась, обняла за шею, притянула к себе, поцеловала... Понимай как хочешь...

– Все пора вставать, а то у меня уже сил не останется на эту дурацкую презентацию. А мне это здорово любопытно. И надо еще будет за мамой заехать...

Юля за завтраком спросила мужа:
– Какие планы на сегодня, Тим?
– У меня? Поеду на книжную ярмарку.
– Господи, зачем? – удивилась Юля.
– У Мишки сегодня презентация.
– Да? В субботу? Это престижно!
– Что престижно? – не понял Тимофей.
– Презентация в выходные дни...
– А у твоего гения когда презентация?
– Ну, во-первых, он не мой, во-вторых, не гений, а в-третьих, завтра. Сегодня я везу его к одной художнице по шторам.
– Да? Вот не знал, что по шторам есть какие-то специальные

художники...

– А что ты вообще знаешь, кроме своей юриспруденции? – хмыкнула Юля.

– Ну, кое-что все-таки знаю, даже больше, чем тебе бы этого хотелось. Налей еще кофе!

– А волшебное слово?

– Перетопчешься!

– Тимофей, в чем дело? Это ревность? – кокетливо осведомилась Юля.

– Мы же договаривались... Да, кстати, Миша еще с этой неряхой?

Тимофею захотелось запустить в жену сахарницей. Но он сдержался.

– Представь себе!

– Мне трудно представить себе, что такая неаккуратная женщина может привлечь такого приятного мужика, как твой Миша!

– О, я думаю, в мужиках у нее недостатка нет! Она совершенно прелестная женщина.

– Может, ты тоже на нее запал?

Тимофей, смеясь про себя, пожал плечами.

– Так отбей! В чем проблема?

– И тебе это все равно?

– Нет, конечно!

– Ладно, я не хочу слушать эту чушь! Но все равно заруби себе на носу – я порядочный человек и у лучшего друга отбивать женщину, даже умирая от любви, не стал бы. Тем более, что я не собираюсь умирать от любви!

Он встал, резко отодвинув стул.

– К чему столько патетики? Просто охота позлить меня с утра?

– Да боже упаси! Все, пока! Мне надо еще поработать!

Он приехал заранее, но пока поставил машину, пока нашел 57 павильон и стенд Мишкиного издательства, как раз объявили встречу с Михаилом Дунаевским, начинающим, но очень многообещающим писателем, человеком непростой, но интересной судьбы. И к столику сразу вышел Мишка. Волнуется, определил Тимофей. Он боялся, что к начинающему автору вообще никто не придет, однако у стенда стояло человек двадцать, а некоторые сидели на немногочисленных стульях. Хорошенькая девушка-ведущая кокетливо улыбалась Мишке.

– Скажите, Михаил, что побудило вас взяться за перо, впрочем, скорее за компьютер?

– Честно говоря, я сделал это на спор, но вы, вероятно, удивитесь, я писал книгу от руки.

– Почему? Вы не владеете компьютером?

– Я хорошо владею компьютером, но мне кажется, что писать все-таки лучше от руки... Получается как-то теплее, что ли... Впрочем, это мое сугубо личное мнение, я знаю, что многие превосходные книги написаны на компьютере.

Тимофей успокоился. Мишка мгновенно нашел контакт и с девушкой-ведущей и с публикой. И тут он увидел Яну. Она стояла за стулом, на котором сидела Нелли Яковлевна. Он протиснулся поближе и встал непосредственно позади Яны. Ее длинную тонкую шею охватывал мягкий серо-голубой шарф, на одном конце которого, перекинутом через плечо он увидел шелковую бирочку, петельку с названием фирмы, оставлять которую на вещи Юля считала невесть каким преступлением против правил хорошего тона. Он улыбнулся про себя. И вдруг Яна обернулась. Кивнула ему.

– Здравствуйте, – шепнул он. – Мишка молодцом держится. И народ есть...

– Спасибо, что пришли.

– Прошу вас, господа, задавайте вопросы, не стесняйтесь, – подбодрила публику ведущая.

– А можно спросить? – подняла руку пожилая женщина.

– Разумеется!

– Вот вы про что пишете?

– Я пока написал всего одну книгу. Это детектив.

– А сюжет где брали?

– Я все просто придумал!

– И что, вот просто пришли в редакцию и у вас взяли книжку? Или вы ее на свои деньги издали?

– Нет. Я принес ее в одно совсем маленькое издательство, там прочитали и сочли возможным послать рукопись на конкурс, где моя книга заняла первое место. А тогда уж ее взяли в крупное издательство... Вот так...

Другая женщина, весьма странного вида, подняла руку:

– По-вашему выходит, что я тоже могу книжку написать?

– Почему бы и нет?

– И ее напечатают?

– Ну, я же не знаю, что вы напишете... Если ваша книга понравится...

– А я вот недавно, – вступил молодой человек, – пришел, а мне говорит: это будет стоить две штуки баксов! Я написал книжку про шахматы!

– Извините, а куда вы пришли? – вскинулась ведущая.

– В типографию!

Многие из присутствующих рассмеялись.

– Вам надо обратиться в издательство! – посоветовала девушка. – В типографию книги попадают из издательства.

– То есть вы хотите сказать, что все книжки печатают бесплатно? – протиснулся вперед запущенного вида пожилой мужчина.

– Давайте я отвечу! – предложила Мише ведущая.

– Конечно.

– Существует такая форма издания, на средства автора. Кто-то, допустим, написал стихи, стихи сейчас плохо продаются, их мало печатают, а автор хочет и может их издать, ради бога!

– А могу я сказать? – вдруг подняла руку Яна.

Миша испугался. Тимофей усмехнулся. Нелли Яковлевна замерла.

– Господа, у нас всего полчаса времени! Перед нами начинающий автор, а вы пытаетесь решить свои графоманские проблемы! Некрасиво! Скажите, уважаемый писатель, – обратилась она к Мише, – вы намерены продолжать свою литературную деятельность? Пишете уже вторую книгу?

Михаил едва сдерживал смех. Ай да Янка!

– Я пишу вторую книгу. Говорят, одну книгу написать может каждый, а вот вторую... Впрочем, там будет видно!

– А вы женаты? – кокетливо осведомилась хорошенькая молодая девушка.

– Практически да! – засмеялся Миша и обласкал взглядом Яну.

Тимофей поморщился.

– А теперь, господа, Михаил перейдет к соседнему прилавку, где начнется автограф-сессия, – возвестила ведущая.

– Ну, Яна, вы даете! – приложился к ее ручке Тимофей. – Здорово!

– А я так испугалась, – призналась Нелли Яковлевна.

– Но теперь вам, Яночка, надо подойти и взять автограф у писателя! – смеялся Тимофей.

– Молодец, Яна! А что в самом деле, эти несчастные графоманы чуть не сорвали все мероприятие! Рада тебя видеть, Тимоша! Ты один? А где Юля? – Нелли Яковлевна сияла радостью.

– У нее какие-то свои заморочки.

Книги подписывать тоже подошло несколько человек. Миша спрашивал всех, читали ли они уже его роман, и все как один отвечали, что еще нет, но теперь прочтут обязательно! Наконец, Мише сунули в руки букет цветов и он, подхватив под руку мать, шепнул Яне:

– Для всех мы не знакомы, Янка! А вообще спасибо!

И Миша, подмигнув ей, взял под руку Нелли Яковлевну и двинулся к выходу.

– Вы позволите? – Тимофей властно взял Яну под руку. – Идемте, вы молодчина...

– Да ну, есть о чем говорить! Просто я вижу, что времени уже мало остается, а они...

– Вы всегда готовы броситься на помощь?

– Близким – да, хотя у меня практически нет близких. Но вот Миша... – в ее голосе слышалось тепло.

– Вы хулиганка?

– Хулиганка? – рассмеялась Яна. Могу иной раз и схулиганить, если меня достать, и послать могу далеко и надолго!

– Девочка с перчиками... А у вас в доме есть эти перчики?

– Конечно!

– А они в пищу годятся?

– Конечно!

– А вкусные?

– Да черт их знает! Так их есть невозможно, сгоришь на фиг, а... Я не умею готовить, Тимофей! Они у меня для красоты!

– Что значит – не умею готовить? Но вы же что-то едите?

– Вот именно – что-то. Готовить для себя скучнее занятия не придумать... А больше, собственно, не для кого. Миша сам великолепно готовит... А ваша жена хорошо готовит?

– О! Моя жена творит истинные шедевры на кухне!

– Это тоже талант. Меня им бог обделил!

Миша с Нелли Яковлевной ждали их на улице. Было холодно.

– Где вы там застряли! – воскликнул Миша.

Нелли Яковлевна подала букет Яне.

– Почему мне? – удивилась та. – Это вы родили такого талантливого сына.

– А вы, Яночка, просто спасли ситуацию и по праву заслужили этот букет, берите, берите!

– Спасибо, но я, правда... мне неудобно...

– Так, дамы, не препирайтесь! – заявил Тимофей, который вдруг ощутил странную легкость и веселье. – Миш, ты доставишь дам до места, а я приеду через четверть часа, мне нужно заехать по одному делу.

– Без проблем!

– Миша, а куда мы поедем? – осведомилась Нелли Яковлевна.

– В хорошее место, мамочка, не беспокойся! Я сам умираю с голоду, а Янка наверное едва на ногах стоит, вообще сегодня ничего почти не ела. Волновалась, говорит, – с нежностью произнес Миша.

Они приехали в симпатичный ресторанчик, где было не слишком много народу.

– Туг уютно, – сказала Нелли Яковлевна. – Пойду помою руки.

– Янка, я люблю тебя! – шепнул Миша. – Мне так хорошо сейчас... Ты, мама, скоро Тимка приедет, а больше мне никого в такие минуты не надо.

– Ты не любишь его жену, да?

– Да нет... Он ее не любит, вот в чем беда.

– С чего ты взял? Он только что говорил мне, какая потрясающая кулинарка его жена.

– Ну и что?

– Она еще и красавица...

– Ну и что?

– А она-то его любит?

– О нет! Причем с самого начала... Он, по-моему, только еще начал осознавать, что не любит, а она...

Тут вернулась Нелли Яковлевна.

– Ну, чем тут кормят голодных? И куда это сорвался Тима?

А Тима помчался на Рижский рынок! За цветами! Такой прекрасный случай подарить цветы этой дивной женщине, не вызвав ни малейшего удивления или недовольства. Он прекрасно понял, что издательский букет – верх безвкусицы, поэтому он купит обеим дамам просто тюльпаны! И никто ничего не заподозрит! И не скажет, что он не умеет выбирать цветы! Не такой уж я безнадежный болван, как любит мне внушать моя женушка! Нет уж, нет уж, Юлия Викторовна! Вам теперь есть кого учить и воспитывать, а меня увольте! Хватит! На фиг, на фиг – сказали пьяные пионеры! – вспомнил он шутку своего детства и обрадовался ей, как доброму другу из пионерского лагеря.

На Рижском рынке выбор цветов был фантастический! И цены куда ниже магазинных. Впервые в жизни покупка цветов доставила ему неизъяснимое удовольствие. Невероятных расцветок розы, он даже заколебался, не купить ли вот эти сиреневые, как будто с сероватым налетом, верх изысканности, но, подойдя поближе, решил, что они недостаточно свежи. И вообще, с розами столько возни... Ну их! Нет, сейчас весна, пора тюльпанов! А что, тут выбор, пожалуй, не хуже, чем в Голландии... Вот эти, бледно-розовые и словно бы махровые... Нет, лучше

вон те, лиловые, это Нелли Яковлевне, а Яне...

– Мужчина, вам помочь? – обратилась к нему пожилая продавщица с легким кавказским акцентом.

– Помогите! – широко улыбнулся он. – Мне нужно два вот таких букета...

– Тут по двадцать штук.

– Хорошо, хорошо, только лучше по двадцать одной...

– Сделаем. А вам кому?

– Мне... Матери... И... любимой женщине... – сам себе удивляясь ляпнул Тимофей. – И чтоб подольше стояли!

В результате для Яны он выбрал розовые, а для Нелли Яковлевны лиловые и вдруг взгляд его выхватил из пестрой массы букет белых.

– Знаете что, давайте еще вот эти беленькие, разделите их пополам и добавьте к тем...

Букеты получились на диво прекрасными! Продавщица одобрительно цокала языком. Его распирало от гордости и... счастья.

Он расплатился.

– Мужчина, скажите вашим женщинам, чтобы каждый день водички им подливали...

– Вот спасибо, обязательно скажу!

Он сел в машину. И чего меня так прет? Жена изменяет почти в открытую, женщина, в которую я мог бы влюбиться, принадлежит лучшему другу, а это табу, так чему я радуюсь, идиот? И вдруг в голову пришла светлая мысль – я радуюсь весне и свободе! Я свободен как птица! И никого мне не надо! Свобода лучшая из женщин! Потому что в принципе делает доступной любую женщину... кроме одной... А, ладно! Мне сейчас хорошо! И прекрасно! Буду жить одним днем, а там увидим!

– А вот и Тима! О, с цветами! Какая красота! – восклицала Нелли Яковлевна.

– Это вам, дамы!

– А нам-то по какому случаю?

– Для восстановления справедливости! Тот букет мужской, он по праву Мишкин, а не оставлять же дам без цветов! – радовался Тимофей.

– Как красиво, спасибо! – нежно улыбнулась Яна.

– Только им надо все время воду подливать, мне сказали.

– Да, да, разумеется!

Тюльпаны были поставлены в вазы.

А ведь он очаровательный, подумала под конец вечера Яна. И он даже

чем-то похож на Олега, хотя Олег был красавец, а этот, как говорится, рядом не сидел, но обаяние... И он сегодня такой веселый...

Нелли Яковлевна и даже Миша с удивлением взирали на Тимофея. Что это с ним?

– Друзья, дорогие мои, любимые друзья, вы вот сидите и ломаете голову, чего это Тимофей тут расхотелся, правда? Не отвечайте, я и сам себе удивляюсь, честно-честно, или как нынешние детки говорят – по чесноку! А я вам сейчас объясню! Я сбросил с плеч долой такой тяжкий груз... Я волок его много лет... – Идиот, придержи язык! – одернул он сам себя. – Это касается моей работы... Я вел одно безнадежное дело, оно уже вогнало меня в затажную депрессию и я никак не мог с ним разделаться... У меня уже начинался тяжкий комплекс неполноценности, я хотел даже уходить из фирмы, словом, полная засада... И вдруг один из фигурантов возьми и умри... И все! Свобода! Все разрулилось как нельзя лучше, дело закрыто!

– Тима, а этот фигурант, он своей смертью умер? – любопытствовала Нелли Яковлевна.

– В том-то и восторг, что своей, от... прозеванного в пылу борьбы аппендицита, осложнившегося перитонитом... Нехорошо, конечно, радоваться чужой смерти, но не судите меня слишком строго!

– Да, Тимоша, я тебя таким уж и не помню! Что ж, позволь тебя поздравить!

– Спасибо! Огромное спасибо, Нелли Яковлевна!

Яна не поверила ему. Она чувствовала – он в нее влюбился, именно от этого его так распирает... Но... Эти два мальчика из хороших семей, друзья детства... Зачем я им? Почему они оба на меня запали? Я для них экзотическая штучка, эдакая «плохая» девочка, что ли? И они мне тоже оба нравятся... Но Миша был первый... А Тимофей никогда не нарушит дружескую верность... И я не хочу становиться между ними... Я буду с Мишей, пока ему это нужно... Но меня куда больше тянет к Тимофею, я это сегодня поняла... Или это потому, что он мне напомнил Олега? Но ему-то я зачем? Хочется, как в детстве, иметь такую же игрушку? У него жена ослепительная красавица, фантастическая кулинарка, дама с модной картинкой... Рожна ему что ли надо? Или попробовать конфетку, от которой откусил его обожаемый дядька? Откусил когда-то и отравился?

– О чем задумалась, Янушка? – Миша погладил ее по руке.

– Да нет, так... ни о чем! – улыбнулась в ответ Яна. Обласкала взглядом.

Тимофей вовсе не смотрел на нее, он увлеченно обсуждал с Нелли Яковлевной какой-то фильм, которого ни Яна, ни Миша не видели.

– Дорогие мои, самые родные люди! – вдруг заговорил изрядно уже подвыпивший Миша. – Я должен вам что-то сказать, посоветоваться с вами. Вот как скажете, так и будет!

Все удивленно воззрились на него.

Он сейчас объявит, что женится на Яне, – мелькнуло в голове у Тимофея.

У Яны тоже сперва возникла такая мысль, но когда он сказал, что хочет посоветоваться, она в этом усомнилась.

Нелли Яковлевна просто испугалась. От Миши можно ждать чего угодно.

Он выдержал эффектную паузу.

– Ну говори уже, не томи! – сердито потребовала Нелли Яковлевна.

– Дорогие мои, мне предложили одну штуку... В принципе я всегда об этом мечтал, но как-то все не складывалось, а тут вдруг... Тимка, ты помнишь, о чем я мечтал лет в тринадцать-четырнадцать?

– Помнится, ты мечтал трахнуть Люську Забегаеву!

– Ошибаешься, это было позже, а до того? – рассмеялся Миша.

– А до того? А, кажется, о кругосветном путешествии.

– Вот! Он все обо мне знает! А я о нем!

– Миша, – побледнела Нелли Яковлевна, – ты что, собрался в кругосветное путешествие?

– Вот, собрался, но... Яночка, ты меня отпустишь? Если скажешь нет, я останусь! Ты для меня важнее...

– Это сейчас тебе так кажется, а если я тебя не отпущу, ты через месяц меня возненавидишь! – грустно улыбнулась Яна, у нее защемило сердце.

– Яна уже успела тебя изучить! – покачала головой Нелли Яковлевна. – Меня это ужасно пугает, но я же тебя знаю. Как будто можно тебя куда-то не пустить...

– Знаете, я очень-очень счастлив! И я буду так рваться в Москву, к вам! Тимка, ты приглядишь за моими женщинами, моими любимыми... Янка, а давай до моего отъезда поженимся, чтобы ты была как настоящая жена моряка...

– Настоящая жена моряка? Нет, Миша, как известно, жены моряков не самые верные жены, – улыбнулась Яна. – И куда нам спешить? А то найдешь в какой-нибудь Коста-Рике жгучую красотку и подумаешь – зачем я связался с этой бледной молью?

– Это ты бледная моль? – возмутился Миша.

– Ну, по сравнению с латиноамериканскими красотками, конечно! Поэтому я лучше буду тебя ждать как подруга моряка... А то не успею выйти замуж, как останусь соломенной вдовой, куда это годится? Я не хочу!

Тимофей сидел ни жив, ни мертв. Мишка уедет, она останется... И он еще просил меня за ней приглядывать...

– И надолго ты из Москвы линияешь?

– Да, наверное, месяцев на восемь, а впрочем, как пойдет... Вылечу в Панаму, оттуда пойдём сперва на Галапагосы, потом на остров Пасхи...

– А на чем вы пойдёте? – сурово спросила Нелли Яковлевна.

– На отличной комфортабельной яхте, с настоящим опытным капитаном...

– А какая-нибудь связь с тобой будет?

– Разумеется! Электронная почта... И вообще. А кстати, вы можете прилететь в какую-нибудь точку, повидаемся! Ну, скажем в Австралию!

У него так блестели глаза, он был захвачен своей авантюрной идеей!

А Яна не знала, огорчаться или радоваться. С одной стороны было ощущение некоторой обиды – как же так, значит, моя любовь для него не главное, а с другой она испытывала облегчение от того, что не надо вот сейчас срочно принимать важное решение. Надо только держаться подальше от Тимофея... Но это несложно.

– Миша, а как же вторая книга? – вспомнила Нелли Яковлевна.

– О! Буду там писать при первой же возможности! Вообразите только, сколько воздуха и моря будет в новой книге!

– А тебя не укачивает? – спросил Тимофей.

– Нет, у меня, слава богу, вестибулярный аппарат как у космонавта!

– А я не могу, меня на море жутко укачивает, – смущенно признался Тимофей. – Да, Мишаня, ну и удивил ты меня... Да и всех нас удивил до чрезвычайности! – Он хотел спросить, нет ли опасности встретиться с сомалийскими пиратами, но вовремя одумался – к чему пугать и без того ошарашенных дам? И потому спросил: – А ты с кем-нибудь из команды знаком?

– Да, с двумя англичанами, прелестная пожилая пара. А вообще я давно уже состою в одном таком клубе, мы списываемся по Интернету... Эта экспедиция планировалась уже два года назад, потом по ряду причин отложилась на неопределенное время, а тут со мной связались...

И он принялся рассказывать об этих англичанах, с которыми он, оказывается, уже ходил в плавание к берегам Аляски.

– Миша, почему мы об этом ничего не знаем?

– Ну, зачем волновать любимую мамочку? Да и вообще, когда живешь в разных странах...

Вы вообще далеко не все обо мне знаете... Вот, к примеру, Яна спросила меня, почему я бросил живопись? Я наболтал какой-то чепухи, а на самом деле... Я сейчас вам признаюсь...

Все с удивлением на него уставились.

– Мама и Тимка знают, что я одно время подался в Заполярье, меня безумно волновали полярные сияния, безумно хотелось их писать... У меня был такой цикл – Полярные сияния! Я встретил там одну женщину... Нет, ничего такого, она мне в матери годилась, но это была фантастическая женщина, уникальный специалист по этим самым сияниям. Она предсказывала, вернее, прогнозировала с поразительной точностью эти сияния и магнитные бури. Ученый с мировым именем и вообще мировая тетка! Мы с ней подружились, она рассказывала столько интересного... Я иногда помогал ей чем мог, сопровождал ее с ружьем, когда в округе появился белый медведь... И однажды она взяла меня на метеостанцию недалеко от полюса и там мы увидели такую картину... Это полярное сияние было темно-красным, ну, цвета запекшейся крови, что ли... Невероятно! И вдруг чувствую, меня подташнивает... И она говорит, Миша, что-то меня тошнит. Вот по сей день и не знаю, отчего тошнило. Но я не к тому... Я загорелся написать это сияние... И не смог... Тот цикл у меня был неплохой, все мурманские говорили, что у меня получается, а с красным – ничего не вышло. И моя ученая старшая подруга сказала: «Миша, ну его в задницу, это красное сияние. А то, неровен час, с ума спятишь...» Понимаете, там был такой цвет... Я никак не мог его передать... долго мучился, а потом и вовсе решил забросить живопись. Какой я художник, если цвет передать не могу... Я это ощущал, как свое поражение, потому и не рассказывал.

– А как писатель, словами, можешь этот цвет описать? – спросил Тимофей.

– Ну, пока нет... Но и пробовать не буду, а то оно опять меня из колеи выбьет!

– Но ведь в точности передавать цвет дело не писателя, а художника... – подала голос Яна.

– Янка, я люблю тебя! – воскликнул Миша.

Странно, почему Миша только сейчас рассказал о своих планах? Он боялся, что я начну его отговаривать, удерживать? Но он ведь и матери ничего не сказал, и даже лучшему другу? Он кажется таким открытым, как на ладони, а там столько под спудом... И даже эта история с полярным

сиянием... Ведь буквально сегодня утром мы говорили о том, почему он бросил живопись... А может, он просто тогда еще не придумал эту красивую историю с красным полярным сиянием? Он ведь писатель... Мог сочинить... Мой вопрос натолкнул его на воспоминания и он выдумал все? Но даже если выдумал, история получилась отличная, совсем не банальная... Он очень талантливый человек... Правда, в иных случаях столь многоодаренный человек остается дилетантом во всех областях, но, кажется, это не про Мишу... Я, конечно, не специалист, но мне кажется, что писатель он талантливый и ему наверное необходимо такое вот путешествие... А что, может, я и вправду смогу полететь к нему в Австралию? Продам какую-нибудь цацку Олега и полечу! Увижу его после долгой разлуки и сразу все пойму... Просто мне дается такое испытание... И это прекрасно!

Надо только будет держаться подальше от Яны, принял решение Тимофей. А то соблазн слишком велик, хотя она, скорее всего, просто пошлет меня. А я не хочу! Меня и так уже жена практически послала куда подальше, старается не спать со мной под разными предложениями... Ну что ж, я живой мужик, мне нужна баба, завтра же позвоню Гене, она славная, кажется, неровно ко мне дышала, но пока работала в нашей фирме, для меня это было табу, а сейчас... Она хорошенькая, аппетитная, чем черт не шутит! И не стану я зариться на чужое, еще чего!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Прошло два месяца. Миша давно уехал. Тимофей иногда звонил Нелли Яковлевне, узнавал от нее о Яне, но сам ни разу ей не позвонил. Зачем? Если ей что-то понадобится, она сама меня найдет. Он действительно завел легкий романчик с Геней. Она была мила во всех смыслах и очень рада. Вот и славно! Юля по-прежнему пропадала у своего Леонтия, с упоением обставляя его квартиру. В газетах и в Интернете муссировалась странная новость: писатель Леонтий Зной получил европейскую премию «За воплощение идей гуманизма в литературе». Формулировка была столь расплывчатой, а премия столь малоизвестной, что интерес к этому событию довольно быстро иссяк, однако Леонтия теперь в телевизионных программах непременно представляли: «Лауреат европейской премии «За воплощение идей гуманизма в литературе»», чем он со скромной и смущенной улыбкой страшно гордился. И даже закинул удочку в разговоре с коммерческим директором издательства, нельзя ли ему уже жениться официально, однако ему сказали, что пока лучше воздержаться, до истечения срока договора. Но Юля была готова ждать! Не женщина, а настоящее сокровище!

– Тимофей Борисович? – спросил незнакомый женский голос. Номер не определился.

– Да. Я.

– Тимофей Борисович, вас беспокоят из больницы.

– Что случилось? – перепугался Тимофей. – Что-то с мамой?

– Да нет, это не мама. Ночью к нам доставили женщину без сознания, с травмами, без документов. Но у нее в кармане лежала ваша визитка. Женщина лет тридцати, высокая, худая, волосы русые, стриженные... Вам это о чем-то говорит?

– Кажется, да! Я сейчас же приеду! А где ее нашли?

– Не знаю. Похоже на ограбление. Ее ударили по голове, кажется, все обойдется, но она без документов, кто, что, милиция ничего не знает...

– Еду!

Господи! Неужто это Яна? Но что с ней могло случиться? Впрочем, такие истории сейчас вовсе не редкость. Сердце больно щемило. Бедная, такая хрупкая, одинокая...

В больнице его сразу провели в палату.

Это действительно была Яна. Под глазами два огромных синяка, на повязке проступила и запеклась кровь.

– Яночка! – прошептал он. Она не пошевелилась. – Это что? Кома? – спросил он уже в коридоре.

– Да нет, – врач начал что-то объяснять, но тут в коридор выглянула медсестра.

– Наша больная глазки открыла.

Тимофей с мольбой взглянул на доктора.

– Пустите меня к ней?

– Идите, – пожал плечами доктор, – а мне надо в милицию сообщить, что она очнулась. Дело-то уголовное.

– Бросьте, доктор, они же ничего не найдут, а ее замучают, – и Тимофей, не долго думая, достал бумажник.

– Что за дела! – поморщился доктор – А вдруг найдут? Одним бандитом меньше будет. И потом это моя обязанность. – Но деньги все же взял.

– Ну, вы идеалист! Ладно, я прошу – дайте мне сперва с ней поговорить, а там посмотрим. Полчаса ведь роли не играют, правда? Она же могла прийти в себя на полчаса позже?

– Это да. Ладно. Только сперва зайду я, я должен ее осмотреть.

– Осмотреть – это я понимаю, а звонить ментам не к спеху.

Доктор вошел в палату. Появился он минут через десять.

– Идите к ней, но даю вам пять минут, она совсем слабенькая, потом загляните в ординаторскую, я скажу, что завтра надо привезти.

Глаза у Яны были закрыты.

– Яночка, вы меня слышите?

Она открыла глаза. В них отразилось безмерное удивление.

– Тимофей, вы? Откуда?

– У вас в кармане завалилась моя визитка, вот мне и позвонили. Что с вами случилось, Яна?

– Меня... ограбили.

– На улице?

– Да... То есть нет... Я не знаю...

– Вы ничего не помните?

– Я все помню... Кажется... Я вышла из банка, села в машину...

– В свою?

– Нет. В дяди Гришину... А потом очнулась уже здесь...

– Вас ударили по голове. А кто такой дядя Гриша?

– Григорий Иванович, ювелир... Он нашел покупателя на наследство

Олега... Я взяла коробку из ячейки, села в машину.

– Господи, какая нелепая женщина! Почему вы не позвонили мне? Мы же договаривались.

– Мне было неудобно. И потом дядя Гриша свой человек. С ним, наверное, тоже что-то плохое случилось... Тимофей, умоляю, позвоните тете Рите...

– А кто такая тетя Рита? Жена дяди Гриши?

– Ну, вроде... – И Яна продиктовала ему номер телефона.

Тут явился доктор.

– Все, хватит, достаточно! Я вот даже визит милиционера отложил на завтра.

Яна была бледная, губы синие.

– Доктор, еще три минутки! – взмолилась она. – Это очень-очень важно.

– Ровно три и ни минутой больше!

Он вышел.

– Яна, что мне сказать вашей тете Рите? Кстати, как ее отчество?

– Семеновна. Маргарита Семеновна. Скажите ей, что я в больнице, пусть она зайдет ко мне, у нее есть ключи, возьмет там все, что мне может понадобиться...

– Непременно. А может, сообщить Мише?

– Ой, нет, ни в коем случае... Зачем его так пугать? Я же жива осталась. Да, и вот еще что... Не говорите ничего про дядю Гришу, просто на меня кто-то напал... Вдруг я все не так поняла...

– Не стану я ничего ей говорить. Я вообще тут лицо случайное, – вдруг рассердился Тимофей. – Выздоровливайте, если что нужно, звоните!

– А моя сумочка, она тоже пропала?

– Разумеется! При вас ничего не было, кроме моей визитки. Ладно, завтра я завезу вам мобильник.

– Но...

– Не волнуйтесь, у меня есть старей, и попрошу вашу тетю Риту найти вашу телефонную книжку. У вас дома есть такая?

– Да, конечно, спасибо.

Опять вошел доктор.

– Ну все, молодой человек! Живо убирайтесь отсюда!

– Уже иду!

Вот дура! Это ж надо – взяла и пустила коту под хвост наследство Олега! И хорошо еще жива осталась! Приспичило ей драгоценности

продавать через какого-то дядю Гришу! Был бы тут Мишка, ему бы она скорее всего сказала, а мне постеснялась... Кретинка, корова, – распалился Тимофей. А может, этот дядя Гриша все и провернул...

Тимофей сел в машину и набрал номер. Ответил мрачный женский голос:

– Алло!

– Маргарита Семеновна!

– Да. А кто говорит?

– Я звоню по просьбе Яны Юргенсен.

– Мамочка родная, что с ней-то стряслось? Она попала в аварию, не приведи Бог? Она вообще где? Я что-то очень волнуюсь! Она такая неприспособленная, ее всякий гад обидеть может, Пашки нет в Москве, он, видите ли, в Греции...

– Одну минуту, мадам! – решительно прервал ее Тимофей. – Яна сейчас в больнице.

– Она сделала аборт? От вас? Это преступление, чтоб вы знали! Она же думала, что не сможет иметь детей после того, как ее колошматил этот жуткий скандинав...

– Маргарита Семеновна, никакого аборта. Ее элементарно ударили по голове и отняли сумку. Она в больнице и просит вас навеститься в ее квартиру и привезти то, что ей может понадобится и еще записную книжку.

– Кто ей дал по голове?

– Насколько мне известно, он не представился.

– Мужчина, а вы ей кто?

– Я ей случайный знакомый, просто моя визитка завалялась у нее в кармане.

– Я, кажется, знаю, кто этот подонок! – трагическим голосом провозгласила Маргарита Семеновна. – Скажите, а кроме сумки у нее ничего не украли? Или вы не в курсе?

– Я не в курсе.

– А в какой она больнице?

Тимофей сообщил ей номер и адрес больницы.

– Скажите, а вы не могли бы сейчас со мной туда поехать? Я не смогу одна, а Пашка в Греции...

– Маргарита Семеновна...

– А вы где сейчас?

– Я еду домой.

– Ой, а вы не могли бы заехать ко мне?

- Зачем?
- Мне... мне очень плохо и страшно, я не могу ни с кем поделиться... Все скажут – ты куда сорок лет смотрела, Ритка... Пожалуйста, умоляю вас...
- Ну... хорошо... говорите адрес.
- А как вас зовут?
- Тимофей, Тимофей Борисович.
- Ой, это случайно не вы привезли ей эти окаянные цацки от того мужика?
- Ну да.
- Я так и знала, что от этих цацек будет одно сплошное горе. Их у нее украли, да?
- Маргарита Семеновна, извините, у меня разряжается телефон, я через полчаса буду у вас.

На звонок немедленно распахнулась дверь. На пороге воплощенным горем стояла крупная, очень немолодая блондинка, густо покрашенная, с красными от слез глазами.

– Тимофей Борисович? А я Маргарита Семеновна. Представляете, этот гад, этот гнус не просто бросил любовницу с сорокалетним стажем, он еще ограбил и чуть не убил девочку, которую знает с детства! Ну разве это не ужас? Может, вы мне скажете, что делать? Я лично не знаю! Не знаю и не знаю! Заявить в милицию, пустить их по следу? Но я все же сорок лет ложилась с ним в постель и теперь донести на него? А кто мне поверит? Скажут – он бросил старую бабу ради молоденькой, а старая просто мстит! Они же будут надо мной смеяться!

Все это она произносила, стоя в прихожей.

– Позвольте, Маргарита Семеновна, – решил прервать ее Тимофей. – Заявления должны подавать не вы, а Яна. Ведь пострадавшая в этой истории она.

– А я, по-вашему, не пострадавшая? У меня жизнь кончилась... Сорок лет в задницу... Янке что, она как была голодранкой, так и осталась. Судьба, видно, такая... А мне, молодой человек, шестьдесят пять лет, сорок из них связаны с этим подонком. Думаете, это можно пережить? Я очень люблю Янку, она хорошая, только всю дорогу несчастная. Мать у нее была та еще курва. Все мужика себе искала, на дочку ноль внимания, та как сорная трава росла, чудо еще, что в приличную женщину выросла. А что она в жизни видела? Этот окаянный швед бил ее смертным боем, запирал, только чудом не прикончил. А она нашла в себе силенки вернуться в Москву,

поступить на филфак, стать преподавателем, уважаемым человеком, и вдруг ей с неба такие цапки свалились... Ой, простите, что это я вас в прихожей держу? Совсем, старая, ополоумела. Проходите, проходите на кухню... Чай будете? Или лучше коньяку?

– Спасибо, я за рулем.

– Ах да... А вот скажите, количество людей за рулем, которые не пьют, хоть как-то повлияло на алкогольную обстановку в стране?

– Понятия не имею, – улыбнулся столь неожиданному вопросу Тимофей, у которого уже голова шла кругом. Ему было страшно жаль эту женщину, которая от жуткого одиночества вываливает совершенно чужому человеку свои и Янины горести. Каждое слово о жизни Яны он ловил с жадностью. Бедная девочка! Как Мишка мог отправиться в кругосветное путешествие и оставить ее одну? Но он же просил меня за ней приглядывать, а я постарался как можно скорее забыть о ней... Зато теперь хлебну по полной программе.

– Тимофей Борисович, вы не голодны? Давайте я вас покормлю, а то я сготовила такую рыбу для этого подонка, а он... – она шмыгнула носом. – Знаете, я привыкла готовить для мужчин, для сына и для этого... Вот скажите мне как мужчина – что, у семидесятилетнего мужика при виде молоденькой сучки мозги отшибает, как у молодого? Он что, думает, ей нужен его, скажем прямо, довольно-таки вялый член? И я просто на двести процентов уверена, эта бесстыжая тварь всю кашу и заварила, небось обслужила его пару раз, он и поплыл... Много ли вашему брату надо? Знаете, я даже представляю себе, как все было... Он развежился, рассказал девке про эти украшения, а она все придумала... Он сперва ужаснулся, он ведь в общем-то был всегда приличным человеком, но она засрала ему мозги. А он, небось, еще просил эту гадину: «Только не надо убивать Яночку, так, слегка огреть и хватит...» Ой, мамочки, но когда цапки оказались в ее руках, она запросто могла пристукнуть и Гришку...

Во время этого монолога Маргарита Семеновна успела накрыть на стол и Тимофей, здорово проголодавшийся, с аппетитом уплетал невероятно вкусную запеченную рыбу.

– Тимофей Борисович, у меня к вам нижайшая просьба. Пожалуйста, я сейчас наберу номер, а вы попросите к телефону Григория Ивановича, хорошо? Вам нетрудно, правда? И послушайте внимательно, что вам скажут, будьте так любезны.

Откликнулся молодой женский голос.

– Алло!

– Простите, я могу поговорить с Григорием Ивановичем?

- А папы нет. Он уехал по делам.
- Простите, а когда уехал?
- Сегодня утром.
- А когда вернется?
- Обещал в пятницу. Ему что-нибудь передать?
- Да нет, спасибо, извините.

Телефон был включен на громкую связь, так что Маргарита Семеновна все слышала.

- Это его дочурка дурная, ей на отца наплевать. Рыбки еще положить?
- Если можно. Очень вкусно, – чуть смущенно улыбнулся Тимофей.
- А вы кто по профессии? – орудуя лопаткой для рыбы, спросила она.
- Юрист.

– Юрист? Так вы же можете сказать мне, что делать! А? Я лично не знаю... А вдруг это не Гришка? Разве может такое быть – знаешь человека вроде бы досконально, практически всю жизнь, веришь ему как самому себе и вдруг... А? – Она вскинула на него совершенно несчастные, опухшие глаза, в которых ясно читалась надежда.

Он тяжело вздохнул. Ему нравилась эта женщина и этот дом, где все чувства были какими-то настоящими – и отчаяние обманутой любовницы и любовь к предавшему ее человеку.

– Маргарита Семеновна, дорогая, что я могу вам посоветовать? Ну, допустим, Яна скажет милиции, что в действительности с ней случилось... Ее замучают расспросами. Вас, если вы дадите показания, тоже, и еще не факт, что не заподозрят в соучастии...

– Мать Божья!

– А кстати, Яна не велела ничего вам говорить о Григории Ивановиче, вы же сами догадались... И не найдут они эти треклятые драгоценности, и, возможно, виноват вовсе не Григорий Иванович, а человек, который якобы собирался их купить...

Она смотрела на него почти уже влюбленными глазами.

– Значит, Янка им ничего не скажет?

– Скажет, что ее ударили по голове, забрали сумку и все. На этом все и закончится.

– Знаете, Тимофей Борисович, или можно просто Тима?

– Можно просто Тима, – улыбнулся он.

– Вы самый лучший человек, которого я знаю.

– Здрасьте, приехали! – засмеялся он.

– Вы добрый, умный и при этом благородный, я знаю, мне Янка говорила. Вы же могли присвоить эти цацки и дом...

– Не мог, – покачал он головой, – меня не так воспитывали.
– Тима, женитесь на Янке!
– Господи, да я женат!
– Ну и что? Кому это когда мешало? У вас есть дети?
– Нет.
– И вы не любите жену.
– С чего вы взяли?
– Вы вот сидите тут, со мной, время двенадцатый час, а вы даже не позвонили жене, и она тоже о вас не слишком беспокоится.

Тимофей скрипнул зубами.

– Не сердитесь, Тима.
– Я не сержусь. Но у Яны ведь есть жених, кроме всего прочего.
– Какой такой жених? Откуда? – всполошилась Маргарита Семеновна.
– Мой лучший друг Михаил Генрихович Дунаевский.
– А где он сейчас?
– Очень далеко, где-то в районе острова Пасхи.
– А что он там делает?
– Он в кругосветном плавании.
– Тогда какой он к чертовой бабушке жених, скажите на милость?
– Он вписался в эту историю задолго до встречи с Яной.
– Любил бы, выписался бы! Вот сейчас бедная девочка одна в больнице, а он... Моряк, с печки бряк... Чай будете?

– Да нет, спасибо, мне пора...

– Тима, простите ради бога, но не могли бы вы... здесь переночевать? Мне как-то страшно... А утречком вместе зайдем к Янке в квартиру, соберу все и поеду к ней, а то мне одной туда заходить как-то боязно, сама не знаю, я вообще-то не трусиха. А я вас хорошим завтраком накормлю и поедете себе на работу, а? Вас жена не заругает? А? Вы ей позвоните все-таки... Ой, а кстати, почему у вас телефон ни разу не зазвонил? Вы же деловой человек, разве так бывает?

– А я его отключил, чтобы не доставали всякой чепухой, я же знал, что разговор будет нелегкий.

– Знаете, Тима, была бы я лет на двадцать моложе, я бы в вас без памяти влюбилась, а сейчас вам меня опасаться не приходится.

Он, как ни смешно, был польщен.

– Хорошо, я останусь, это и в самом деле разумное решение. Я живу далеко... – Он включил телефон. – Юль, привет!

– Привет, ты где?

– На проспекте Вернадского. У меня очень важное дело, надо все

обсудить, а завтра с утра в арбитраж. Я останусь тут ночевать.

– Ну, надо так надо, хотя я этого не люблю.

– Я и сам не люблю, но бывают обстоятельства...

– Надеюсь, это не любовная история?

– Да Бог с тобой!

– А завтра когда тебя ждать? А как ты поедешь в арбитраж в несвежей рубашке?

– У меня в машине есть новая.

– А! – успокоилась Юля. – Тогда пока, тут интересный фильм начинается.

Маргарита Семеновна деликатно не присутствовала при разговоре и появилась лишь когда он позвал ее.

– А я вам пока постель постелила, в Пашкиной комнате. Кстати, в ванной коричневые полотенца и полосатый халат для вас. В шкафчике на верхней полке все для бритья, зубная щетка, словом все, что нужно настоящему мужчине. Вы ведь бреетесь опасной бритвой, верно?

– Верно, – улыбнулся он.

– Все настоящие мужчины бреются опасной бритвой, а вы настоящий, я чувствую, вот я вас попросила остаться и вы остались, поняли, что это не каприз, не прихоть... Ой, ну ладно, идите уже спать! И спасибо вам за все!

Тимофей ворочался с боку на бок, никак не мог заснуть. Странные мысли лезли в голову. С ума я что ли сошел? Почему остался? Какое мне в конце концов дело до этой тетки, болтливой, назойливой, совершенно чужой? Да, ей сейчас не позавидуешь, но я-то тут при чем? А ведь все это с легкой руки Олега, не тем будь помянут! Он втравил меня в эту историю, так мало мне Яны, теперь еще и эта тетка! Я почему-то чувствую ответственность за нее, мне что, мало своих забот? А ведь моя встреча с Яной оказалась сродни неизбежности, Мишка же сам с ней познакомился. А тетка эта – хорошая, славная, каких слов мне наговорила, и ведь искренне, я чувствую...

Сон не шел. Он зажег свет на тумбочке, окинул взглядом комнату, встал, подошел к книжным полкам и вдруг в глаза ему бросилась черная с красивым ярким рисунком обложка: «Леонтий Зной. Вальс с флейтой» и подзаголовок «Раздумья меланхолика». Вот болван, подумал Тимофей. «Вальс с флейтой». Это же выговорить немислимо! «ссфл»! Меланхолик долбаный! На обложке сзади меланхолический красавец устремил затуманенный взор в неведомую даль. Неужто Юльку от него не тошнит? Неужто она и вправду в него влюблена? Он открыл книгу наугад.

«Бездонные глаза Марины смотрели на него сквозь пелену страсти, смотрели требовательно, с вызовом, в них явно читалось сомнение в его мужской состоятельности, а он вновь и вновь доказывал ей обратное, но она была ненасытна! И все-таки он одержал над нею верх, она застонала, стон перешел в протяжный крик, потом она, скрипнув зубами, прошептала: «Ну, ты гигант!»» Тимофея затошнило. Гадость какая! Он в сердцах отшвырнул книжку. Захотелось пить. Он в одних трусах на цыпочках вышел в коридор и прокрался на кухню. Снял с крючочка кружку и налил воды из чайника.

– Не спится? – раздался голос Маргариты Семеновны.

– Ох, простите, я не ожидал, я в таком виде...

– За что вы извиняетесь? Все очень красиво!

– Господи, Маргарита Семеновна, – засмутился он.

– Может, хотите молока с медом, чтобы уснуть?

– Ой, нет, ненавижу молоко!

– А я выпью, мне помогает. А кипяточку с медом? Пашка всегда пил, если ему не спалось. Я дала ему с собой большую банку настоящего алтайского меда. Давайте и вам сделаю? Поможет, вот увидите!

– А давайте! Только я пойду халат накину.

Зачем я согласился, идиот! Похоже, эта тетка имеет надо мной какую-то власть! Он надел халат и вернулся на кухню.

– Вы пробовали когда-нибудь настоящий алтайский мед?

– Пробовал! Я в юности бывал на Алтае, сказочные места...

– Вот, пейте, только маленькими глоточками.

– Спасибо! Маргарита Семеновна, я там на полке видел книгу Леонтия Зноя. Вы ее читали?

– Да, конечно, очень он душевно пишет, я вся исплакалась. А что?

– Да нет, просто я много о нем слышал, а читать не читал.

– Ну, это, мне кажется, вообще не для мужчин.

– А, понял.

– Ой, Тима, а вы ведь не просто так спросили, я чую...

– А ну его, – махнул рукой Тимофей. – Ох, и вправду спать захотелось, спасибо, пойду!

– Вас разбудить?

– Нет, спасибо, я всегда просыпаюсь когда мне надо. Доброй ночи!

Ответом ему был тяжкий вздох.

Она так и не заснула. Рано утром, пока Тимофей спал, попыталась привести себя в божеский вид, но где там... В ее возрасте такие

переживания и бессонная ночь бесследно не проходят. И все-таки контрастный душ, горячий компресс, маска и килограммы косметики сделали свое дело. Вроде и ничего еще... Она позвонила на работу и предупредила, что сегодня не придет, оделась и пошла на кухню, готовить завтрак для «лучшего из мужчин». Минут через десять Тимофей явился на кухню, чисто выбритый и уже одетый. Правда, рубашку он надел вчерашнюю. Не беда, решил он.

– С добрым утром, Маргарита Семеновна. Далось поспать?

– Да где там! Садитесь, Тимочка.

– Спасибо, как вкусно пахнет! И, между прочим, выглядите вы отлично!

– Ай, бросьте! Вам кофе или чай?

– Кофе, если можно.

– Можно, почему нет? Вы такой воспитанный, прелесть просто! Мальчик из хорошей семьи, да?

В ответ он с улыбкой развел руками.

– Ватрушки будете? Через три минуты выну из духовки.

Тимофей наслаждался. Они завтракали на кухне, на покрытом яркой скатеркой столе, еда была простая, калорийная и невероятно вкусная.

– На вас приятно смотреть, – она вдруг погладила его по голове. – Вы с таким удовольствием едите... я так люблю, когда мальчишки хорошо едят.

Ему вдруг страшно захотелось уткнуться носом в пышную грудь этой женщины, от которой веяло теплом, которого ему так не хватало. В родительском доме он вовсе не был обделен теплом и любовью, но когда умерла бабушка, а отец ушел от матери, она вдруг решила, что мальчика надо воспитывать жестко, без сантиментов... Однажды – ему было тогда лет семь, его крепко обидели во дворе, он не подал виду, но, придя домой, расплакался, было жалко себя, и, когда мать пришла с работы и увидела заплаканные глаза, она не приласкала его, не спросила, что с ним, а только сказала: «Тима, ты мужчина, помни это!»

А ему тогда вовсе не хотелось быть мужчиной, а хотелось выплакаться на груди у мамы, которую он обожал, несмотря ни на что.

– Что, мальчик, у тебя тоже несладкая жизнь? – еще раз погладила его по голове Маргарита Семеновна.

– Да нет, что вы, у меня, слава богу, все в порядке.

– Но тебе кисло, одиноко и некому об этом рассказать, да? Мне можно. Знаешь, Пашкины друзья всегда прибегали ко мне со своими детскими бедками. Янка вот тоже... Ой, ничего, что я говорю вам «ты»?

– Это приятно, говорите. Мне с вами так легко и уютно...

Она засмеялась и снова погладила его по голове.

– Знаешь, Тима, правду говорят – нет худа без добра. Вот, кажется, ситуация у меня хуже некуда, кругом кошмар, и вдруг судьба посылает мне тебя... Ты так помог мне вчера... так поддержал... Вроде бы совершенно чужой человек, а я почувствовала в тебе родственную душу. А сейчас увидела, что и тебе, такому сильному здоровому мужику нужна поддержка, я пока не знаю, в чем, но если припрет, ты же мне скажешь? Правда? Только помни – ты всегда можешь на меня рассчитывать, ладно?

Тимофей с трудом проглотил подступивший к горлу комок. Черт знает что!

Квартира Яны была более чем скромной. На окнах стояли горшки с пресловутыми перчиками. На круглом столе в большой вазе засохший букет роз. Наверное, еще от Мишки... В квартире было чисто и замечательно пахло, он не мог определить, чем именно, но хотелось вдыхать и вдыхать этот запах. Он сел за стол, а Маргарита Семеновна деловито собирала вещи.

– Тима, как думаешь, кипятильник взять?

– Что? – словно очнулся он. – Кипятильник? Зачем?

– Как зачем? Чай пить.

– Ох, боюсь, ей сейчас не до чаепитий.

– Да, ты прав, дорогой. Ой, Тима, смотри, что я нашла в ванной! – она протягивала ему раскрытую ладонь, на которой лежало Янино кольцо. – Эта растеряха забыла его на раковине. Вот, хоть что-то на память осталось, она же с первого взгляда влюбилась в это колечко. По-моему, это хороший знак, правда?

– Я тоже так думаю, – кивнул Тимофей.

– Знаешь, возьми его и скажи ей, что это ты его нашел.

– Господи, зачем?

– Так надо, я чувствую! Ну вот, кажется, все собрала. Сейчас только цветочки полью и поеду к ней.

– Я поеду с вами, отвезу вас.

– Вот спасибо...

Как ему не хотелось уходить отсюда. В прихожей он вдруг увидел брошенные на спинке стула джинсы. Маргарита еще замешкалась в комнате, а он вороватым движением приподнял эти джинсы и обнаружил, что они, конечно же, сняты вместе с колготками. И вдруг такая волна восторга и счастья накрыла его, что даже голова закружилась. Я люблю ее! И гори оно все синим пламенем! А как же Мишка? А что Мишка? Он

предпочел ей каменных истуканов острова Пасхи!

– Ну, Тима, пошли! Что это с тобой?

– Знаете, есть такая хохма: кто первый встал, того и тапки?

Она внимательно посмотрела на него и понимающе кивнула.

– Молодец, Тима! Так держать!

Вид Яны ужаснул Маргариту Семеновну.

– Мать божья, Янка!

Яна открыла глаза.

– Тетя Рита!

– Ты молчи, я все знаю! И поверь, я его прокляла, не будет ему счастья, ох не будет! К тебе менты уже приходили?

– Нет, но я им ничего не скажу.

– Ты уверена, что это правильно?

– Конечно. Бог с ними, с этими драгоценностями, не в них счастье. Я-то еще легко отделалась, вам, я думаю, хуже!

– – Знаешь, мне было так хреново, я ведь подозревала, что этот старый пень что-то затевает, он мне говорил, что нашел какого-то безумно богатого и щедрого покупателя на твои цацки, а у самого глазки какие-то масляные, шkodливые были. Поэтому когда позвонил этот твой Тима, я сразу поняла... Думала, умру от стыда и горя, а он ко мне приехал, мы поговорили...

– И что?

– Мне легче стало. И вот еще, Янка, он... он любит тебя.

– Да нет, что вы, он просто хороший человек.

– Он не просто хороший, он, наверное, самый лучший из всех, кого я знаю.

– Да бросьте... А видели бы вы его жену, такая красавица, глаз не оторвать.

– Ну и что? Может, он из тех, кто предпочитает свиной хрящик?

– Это я свиной хрящик? – улыбнулась Яна и тут же сморщилась от страшной головной боли.

– Тебе наверное нельзя улыбаться. Лежи смирно, я тебя умою, приведу в порядок... Ты завтракала?

– Не могу есть...

– Голодная, значит, валяешься... Ты тут одна? – она кивнула на вторую кровать.

– Под утро положили одну женщину, а она через полчаса умерла.

– Я тебя отсюда заберу!

В дверь постучали.

- Можно? – заглянул Тимофей. – С добрым утром, Яна.
- Спасибо вам!
- Тима, что сказал врач?
- Что все слава богу, через дня два-три можно выписать.
- Ступайте к нему и скажите, чтобы прямо сейчас выписывал, я забираю ее к себе!

Все оказалось просто. Явился молоденький милиционер, со скучающей миной задал несколько подобающих случаю вопросов, вздохнул и пришел к выводу:

- Вряд ли мы его найдем. Документы, возможно, подбросят, а если нет, выправите новые, обращайтесь, поможем! – С этим он отбыл.
- А через полтора часа Тимофей на руках отнес Яну в машину.

- Юлечка, добрый вечер, это Нелли Яковлевна.
- О, добрый вечер! Как вы поживаете? Что слышно от Миши?
- Спасибо, все вроде бы нормально. Скажи, а Тимы нет?
- Нет, у него сейчас какие-то сложности, он поздно возвращается. Он вам нужен? Позвоните ему на мобильный!
- Он у него не изменился?
- Да нет, а что?
- Не могу дозвониться. В рабочее время мне неловко, а вечером телефон недоступен. Вот, думала дома его застать.
- Нелли Яковлевна, может, я могу чем-то помочь? Вы скажите!
- Понимаешь, деточка, я что-то беспокоюсь. Яна куда-то пропала.
- Как пропала?
- Ну, обычно мы созванивались как минимум два раза в неделю. А тут уже две недели от нее ни слуху, ни духу. К телефону не подходит, мобильный тоже выключен... Мне как-то тревожно. Думала, может Тима что-то знает...
- Вряд ли... Хотя... Но если бы с ней что-то случилось, думаю, он мне сказал бы. Нелли Яковлевна, я вот хотела спросить... Она вам нравится, эта Яна?
- Ну, в общем-то да... А что, ты иного мнения?
- Ну, я видела ее один раз, но... Она неряха... А я таким людям как-то не доверяю.
- Да, она слегка лахудристая девушка, – засмеялась Нелли Яковлевна, – но славная... Юлечка, будь добра, передай Тиме, чтобы со мной связался.
- Передам, конечно, хотя не знаю, чем он может вам помочь.

- Ну, может, он съездил бы к ней.
- Он сейчас так занят... А хотите, я с вами съезжу? Я завтра свободна, мне несложно.
- Спасибо, я не откажусь, наверное.
- Вот и отлично.
- Когда тебе удобно?
- Ну, лучше в первой половине дня. Часов в одиннадцать вас устроит?
- Да, прекрасно.
- Ровно в одиннадцать я за вами заеду.

Яна уже вторую неделю жила у Маргариты Семеновны, которая ухаживала за нею куда лучше, чем в больнице. Она неожиданно для всех подала заявление об уходе, ее легко отпустили, на ее место давно метила одна из сотрудниц.

– Что, Маргарита Семеновна, теперь уж будете жить половой жизнью? – ядовито спросила главбухша.

– Интенсивной половой жизнью! – поправила ее Маргарита Семеновна.

– Ну дай вам бог!

– Уже дал!

Пашка весьма одобрил решение матери уйти с работы и обещал ежемесячно высылать ей по пятьсот евро. О том, что случилось с Яной и Григорием Ивановичем она и словом сыну не обмолвилась. А Григорий Иванович в Москву не вернулся. Выходит, они не зря его подозревали. Правда, иногда ночью она просыпалась и думала: а жив ли он вообще? Но потом говорила себе: какая разница? Для меня он все равно умер!

Тимофей заезжал к ним не слишком часто, раза два в неделю и всякий раз Яну это повергало в смущение, а Маргарита Семеновна радовалась ему.

Юля привезла Нелли Яковлевну к дому Яны. Они вдвоем поднялись на лифте и позвонили в дверь. Ни ответа, ни привета.

– А где она работает? – спросила Юля.

– В каком-то институте, я точно не знаю.

– А может, она просто завела себе другого и прячется от вас? – предположила Юля. – Я посмотрела внизу на почтовый ящик, там пусто, значит, почту кто-то вынимает. Может, даже она сейчас дома с любовником, глянула в глазок и решила не открывать...

– Ох, не хотелось бы так думать! Ладно, поехали! Прости меня, старую дуру, Юлечка!

– Да что вы, Нелли Яковлевна!

Они сели в машину и Юля тронула с места. Выехав со двора, она вдруг воскликнула:

– Так, очень интересно!

– Ты о чем?

– Тима! Он подъехал к соседнему дому и вошел в подъезд!

– Ты уверена?

– Думаете, я не знаю собственного мужа? Вон его машина стоит. Хотелось бы знать, что он тут делает.

– Ну мало ли... Может у него тут дела.

– Только интересно, какие?

– Юля, ты хочешь проследить за мужем?

– Следить? Нет. Но узнать, что он тут делает в такой час, хотелось бы.

– Я как-то не думаю, что Тима стал бы тебя обманывать... Не тот он человек.

– Нелли Яковлевна, вам встречался когда-нибудь мужик, не из самых завалящих, который не изменял бы жене?

– Пожалуй, нет, – улыбнулась Нелли Яковлевна.

– К тому же я знаю, что он спутался со своей бывшей коллегой, некой Геней, но она живет совершенно в другом районе.

– А почему ты думаешь, что это... адюльтер?

– Чую!

– Но ты так спокойно об этом говоришь... Ты уже не любишь его?

– Ах боже мой, причем тут это? Я просто констатирую факт, хочу быть в курсе, но вовсе не намерена терять такого прекрасного мужа... И, конечно, я его люблю, – поспешила исправить оплошность Юля. – Очень люблю! Но зачем тратить силы на борьбу с неизбежностью? Скандалов я устраивать не буду, я даю ему свободу и у нас, практически, идеальный брак... Я хорошая жена, хозяйка, со мной не стыдно показаться в обществе, он все это, поверьте, высоко ценит. А легкие шалости на стороне... пусть. Ладно! Поехали отсюда. Вечером спрошу его напрямик, что он тут делал, а там посмотрим!

Она, конечно, хотела дождаться, когда выйдет Тимофей, но при Нелли Яковлевне делать это было неудобно.

– Тим, ты был сегодня днем на проспекте Вернадского?

– Был, а что? – не моргнув глазом, ответил Тимофей.

– А что ты там делал?

– Навещал Владимира Сергеевича. Он заболел, а жена в отъезде. Вот я и поехал отвезти ему продукты и лекарства, – невозмутимо ответил он. – А что, ты меня там засекла?

– Просто увидела твою машину.

– А тебя что туда понесло? Там вроде нет твоих объектов?

– Меня попросила Нелли Яковлевна.

– Нелли Яковлевна? – крайне удивился и насторожился Тимофей.

– Она искала тебя, вернее, она потеряла из виду Яну и беспокоится. Сказала, что хотела попросить тебя съездить к ней на квартиру, ну я и предложила свои услуги, у меня было время. И вдруг увидела твою машину.

– Ну, вы нашли Яну?

– Нет.

– Я позвоню Нелли Яковлевне. А как, кстати, подвигается твой дизайн-проект?

– Великолепно! Это будет что-то!

– Юль, а ты читала его книжки?

– Читала одну или две.

– И как?

– Ну как тебе сказать... Это не то, что я люблю, но многим нравится.

– А я вот у Владимира Сергеевича взял в руки книгу... По-моему пакость первостатейная!

– Тима, ты просто ревнуешь! – кокетливо улыбнулась Юля.

– Юль, а давай разведемся?

– Что? – не поверила своим ушам Юля.

– Разведемся давай! Тихо-мирно, без скандалов. Мы же вменяемые люди...

– С чего вдруг?

– Да не вдруг... Я что-то устал от такой жизни. Не подходим мы друг другу.

– Ну, и на кого ты меня променял? На эту мымристую Геньку?

– Юль, честное слово, никого у меня нет... Я просто... перестал чувствовать себя в своем доме дома.

– Тимка, брось, если ты из-за Леонтия... Ну, хочешь, я брошу это дело? Но разводиться-то зачем? Или я чего-то не знаю? У тебя любовь?

– Нет, никакой любви... Просто я не вижу смысла дальше так жить.

– А разве ты плохо живешь?

– А разве хорошо?

– Мне казалось, у нас все хорошо. Ну, это же обычное дело, что

страсть ушла, но...

– А больше ничего и не было... И я устал...

– От чего, можно узнать?

– Ты удивишься – от хорошего тона, хорошего вкуса, от крахмальных салфеток... От нелюбви, наконец... Ты вот даже когда я предложил развестись, не закричала, не затопала ногами, не заплакала, наконец... И я вот тоже стал таким же... мертвым. Сообщаю тебе, что хочу развестись... как бы между прочим...

– Вот видишь! Мы с тобой настоящая хорошая пара, мы сможем прожить вместе до глубокой старости, мы уважаем и любим друг друга, поэтому не кричим, не деремся, а ведем себя как нормальные воспитанные люди... Просто кругом люди ведут себя бог знает как и норма уже представляется извращением. Ты ошибаешься, Тима! Лучшей жены тебе не найти. Мы с тобой идеальная пара... Просто сегодня у тебя, видно, дурное настроение... А кстати, тебя совсем не беспокоило исчезновение Яны? Если я не ошибаюсь, Миша поручил тебе заботиться о ней...

Тимофей смотрел на жену с некоторым восхищением. Как мастерски она вышла из положения и в который уж раз сумела внушить ему, что они-таки идеальная пара... Правда всего на несколько минут. А может, она права и не надо рыпаться? Яна ведь вовсе не отвечает ему взаимностью... И когда он приходит, явно чувствует себя смущенной... А его неудержимо тянет туда, в квартиру Маргариты, и он сам не знает, какого черта вдруг завел речь о разводе. Если уж заводить такой разговор, то совершенно в другой тональности, решительно заявить – все, я подаю на развод, а я что сделал – эдак вяло предложил, словно хотел, чтобы меня разубедили, и меня-таки разубедили... В самом деле, зачем заводить такую канитель, чего ради? И где гарантия, что Яна... Все, надо заканчивать с этой историей. Яна женщина моего лучшего друга и мало ли какие мысли и чувства в связи с ней возникают у меня? Я не имею права... Удовольствуюсь пока Геней. А ведь Юлька права, она немного мымра, Геня... А чем же все-таки так упоительно пахло в квартире Яны?

– Янка, ты почему так холодна с Тимой?

– Тетя Рита!

– Ты что, не видишь, какое это золото?

– Не все то золото, что блестит!

– Ты намекаешь на Гришку?

– Да боже меня упаси!

– Такой хороший парень! Колечко твое нашел.

– Тетя Рита, не передергивайте, – улыбнулась Яна. – Он сказал, что вы его нашли.

– От дурной! Честный до идиотизма! Не понимаю! Честный юрист в наше время – это абсурд! – И он что, ни капельки тебе не нравится?

– У меня есть Миша.

– Да где он, твой Миша?

– Он такой интересный человек, такой разносторонне одаренный...

– А Тима такой интересный мужчина!

– Он не мой мужчина, тетя Рита! К тому же лучший друг Миши. – Но что-то было в ее голосе такое, что вселило в Маргариту Семеновну уверенность – все возможно в этой жизни.

После разговора о Тимофее Яна позвонила Нелли Яковлевне. Та было всполошилась, но Яна сказала, что чувствует себя уже значительно лучше и просила ничего не сообщать Мише.

– Разумеется, зачем его волновать. Но я бы хотела тебя навестить.

– Нелли Яковлевна, я сейчас еще не дома, временно живу у друзей, здесь за мной ухаживают, но, думаю, через недельку уже вернусь домой и тогда буду рада...

– Ну что ж, но тебе, может, что-то нужно? Да, а Тимофей в курсе?

Яна внутренне заметалась и почему-то промямлила:

– Да нет, зачем...

И тут же обругала себя. Для чего соврала, идиотка? Вот сейчас Нелли Яковлевна позвонит Тимофею, поймет, что я соврала... И он тоже все поймет, а это ни к чему. И вообще, пора домой!

– Тетя Рита, наверное, мне уже пора!

– Что пора? Куда пора?

– Домой, я уже неплохо себя чувствую.

– Что за ерунда? Ты в зеркало давно смотрелась? И вообще – домой пойдешь, когда тебе врачи разрешат выйти на работу, не раньше! Это мое последнее слово! Тебе тут разве плохо?

– Да что вы, тетя Рита? – огорчилась Яна. – За мной в жизни никто так не ухаживал! Просто я боюсь быть вам в тягость...

– А все-таки, похоже, головку тебе здорово ушибли! Да ты для меня сейчас спасенье, дурища!

Они обнялись, расцеловались и залились горячими слезами.

После разговора о разводе Юля насторожилась. По зрелом размышлении она пришла к выводу: пока Леонтий не предложит ей

официально оформить их отношения, разводиться с Тимофеем ни в коем случае нельзя. А то как бы не сесть между двух стульев...

На работе у Тимофея начался сложный период – одна неприятность громоздилась на другую, его рвали на части и времени на лирические раздумья просто не оставалось. Он добирался домой иногда за полночь, и без сил валялся на диван. Посидев минут двадцать с закрытыми глазами, плелся в столовую, где на красивой скатерти его ждал горячий ужин на блюде с подогревом, которое когда-то Юлия купила в Германии. Впрочем, нередко она сама подавала ему ужин, ни словом его не укоряя. А утром, как бы рано он ни встал – горячий завтрак. Не жена, сокровище. И что мне в самом деле надо, какого рожна? Вот только я совсем ее больше не хочу. Но она и не настаивает, видимо писатель вполне ее удовлетворяет. Впрочем, я сейчас никого не хочу, не до того мне. Генька здорово обижена на меня, а Яна... А Яне я ни на фиг не сдался. Да ну их всех...

В субботу у него опять был рабочий день.

– Донатыч, все, если я завтра не возьму тайм-аут, ищи себе другого юриста, в понедельник я уже буду в дурдоме! – взмолился Тимофей. – Ни хрена уже не соображаю.

– Черт с тобой, отдохни денек, а то другого юриста искать дороже выйдет! А и впрямь домой пора, одиннадцать скоро.

Тимофей медленно вышел на улицу, сел за руль. Хотелось напиться и ужасно не хотелось домой. Поехать к маме? Да нет, уже поздно, она удивится, начнутся расспросы, то-сё. Нет, поеду домой и завалюсь спать. Надо просто отоспаться, работы, и притом не терпящей отлагательств, еще невпроворот, а что у меня в жизни есть, кроме работы? Мечта о Яне, женщине лучшего друга? Болван ты, Тимоха!

Он вышел из машины. Воздух был на удивление свежим и прохладным. Может, махнуть завтра куда-нибудь в лес, подышать? И вдруг ему показалось, что кто-то скулит. Ребенок, что ли, хнычет за открытым окном? Нет, на ребенка не похоже.

– Тимофей Борисыч, вы? – окликнул его сосед по дому Николай Валентинович.

– Я! Добрый вечер!

– Какой там вечер, ночь уже. Гляньте, что я тут нашел, чудо какое!

И тут Тимофей разглядел, что сосед держит на руках щенка.

– Вот, гляньте, лопушок какой, месяца полтора, от силы два...

– Откуда он тут взялся?

– Кабы знать! А, главное, куда его девать? Я утром к сыну улетаю во Владивосток, куда с ним? Может, возьмете, а? Красавец ведь, на немецкую овчарку смахивает, жалко, сил нет... Я уж ему молока принес... Вот скажите мне, какая тварь его выкинула, он ведь сам еще от мамкиной сиськи не удрал бы, истинно тварь бессердечная...

Тимофей протянул руку и погладил смешную черную морду. Щенок ткнулся носом ему в ладонь и лизнул. Сердце зашлось от жалости. Он взял щенка на руки. Черный с рыжими ушами, он был точь-в-точь похож на Арношку. Когда-то, давным-давно, Олег подарил племяннику щенка. Мама поначалу была недовольна, но потом всем сердцем к нему прикипела. Щенок вырос в красивого, умного пса, надежного друга. Мишка тоже в нем души не чаял. Но пес прожил всего шесть лет и однажды, погнавшись за течной сукой, угодил под машину, сразу насмерть.

– Возьмете, Тимофей Борисыч? – с надеждой спросил сосед.

– Уже взял! – улыбнулся Тимофей. – У меня когда-то был точно такой же...

– А супруга возражать не будет?

– Не думаю! Разве можно устоять перед таким обаянием? – почти уже проворковал Тимофей.

– Вот хорошо, хоть со спокойной душой улечу.

– Счастливого полета!

Тимофей прижал щенка к груди. Как славно, хоть живая душа в доме будет, чудо какое, точь-в-точь Арношка, теплый, нежный...

Он достал из кармана ключи, отпер дверь.

В квартире было темно и тихо. Значит, Юльки нет. Он зажег свет, осторожно положил щенка на мягкую банкетку, сбросил туфли.

– Я сейчас, маленький. Так! И что ты наделал?

На обитой шелком банкетке расплывалось мокрое пятно.

– Да, не лучшее начало совместной жизни, – почесал в затылке Тимофей. Схватил щенка и понес в ванную. – Ничего, мы сейчас помоемся, а банкетку эту дурацкую поменяем, Юлька и не заметит.

Точно такая же банкетка стояла у него в кабинете, заваленная к величайшему негодованию жены папками, до которых он никому не позволял дотрагиваться. Тимофей вымыл щенка в раковине, завернул в махровое полотенце и отнес к себе в кабинет, потом быстренько поменял местами банкетки.

– Мой маленький, да ты же красавец, ну чего ты дрожишь? Не бойся,

все у нас будет отлично, сейчас я тебе молочка принесу, а завтра куплю все, что вашему брату теперь полагается...

Возясь со щенком, он напрочь забыл об усталости, ему вдруг стало хорошо и уютно в доме, который он давно уже не любил.

– Вот, Арношка, мы с тобой нашли друг друга и никто нам больше не нужен, правда?

Шоколадные глаза щенка, как показалось Тимофею, смотрели на него с доверием и благодарностью. Попив молока из красивой фарфоровой миски, он вдруг сразу обессилел. А Тимофей постелил себе на диване, лег, положил щенка рядом, прикрыл одеялом и сразу уснул. Он давно не чувствовал себя таким счастливым.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В воскресенье под вечер в квартире Ольги Варламовны раздался сигнал домофона. Она никого не ждала и слегка испугалась, очень уж не любила, когда ее заставляли в халате.

– Кто там?

– Мама, это я!

– Тимоша, что-то случилось?

Сын редко являлся без звонка.

– Мама, открой!

Нажав на кнопку домофона, пожилая дама первым делом глянула в зеркало – по многолетней привычке – и лишь затем поспешила открыть входную дверь. Из лифта вышел Тимофей с каким-то свертком на руках. Вид у него был взъерошенный.

– Тима, что стряслось? Ты пьян?

– Ни боже мой! Мама, смотри!

– Господи, да это же вылитый Арношка! Тима, откуда? Какой чудесный! Ты где его взял?

– Мам, тыпустишь нас на несколько дней, пока я не сниму квартиру?

– Ты что, ушел от Юльки?

– Ага!

– Из-за щенка?

– Это было последней каплей...

– Вы голодны?

– Я – нет, а ему надо бы молочка...

– С ума сойти, вылитый Арношка! Дай его мне, смотри-ка, чистенький какой...

– Так я его вымыл Юлькиным шампунем... Но ему нужно определить какое-то место...

– Конечно! Ты вот что, достань с антресолей серый чемодан, устроим ему там гнездышко.

– Чемодан? А если крышка захлопнется?

– Отломай крышку, большое дело! А я пока позвоню Незлобину, он скажет все, что надо купить такому малышу и поезжай в зоомагазин. Алло, Виктор Евгеньевич, нужен ваш совет...

Через двадцать минут с длинным списком всего необходимого Тимофей помчался в зоомагазин. Старый приятель Ольги Варламовны,

известный в Москве ветеринар и сосед по подъезду спустился осмотреть малыша.

– Дорогая Ольга Варламовна, этому типчику месяца два с половиной от силы, здоров, весел, хоть слегка и напуган. О породе говорить смешно, типичный двор-терьер, но немецкая овчарка в роду все же была. Вы намерены оставить его у себя?

– Боюсь, это неизбежно, против судьбы не попрешь, когда-то у нас был точно такой же. И потом, когда вы рядом, мне не страшно.

– Прививки мы ему все сделаем, но предупреждаю, вымахает в здорового пса, будет уже не двор-терьер, а амбал-терьер. Надо заметить, у него на редкость смышленная морда!

Когда Тимофей, нагруженный как вьючное животное, вошел в квартиру, щенок, сытый, довольный и обласканный, сладко спал в лишенном крышки старом фибровом чемодане на мягкой подстилке.

– Мама, ну скажи, он ведь совершенно... неотразимый, разве нет?

– За то, что в детстве тебе, вероятно, не хватало ласки, тепла... Просто я считала, что мальчику это вредно... И все кругом твердили – только не сделай из него маменькиного сынка. Ты, может, думал, что я тебя мало люблю. Ведь думал, скажи?

– Мамочка, ну к чему сейчас эти разговоры? Мало ли что иной раз думает семилетний пацан... А потом я был только благодарен тебе за то, что не душила меня своей любовью, как некоторые мамы. Так что все хорошо, мамочка, поверь, и я сейчас почти счастлив...

– А квартиру ты оставишь ей?

– Конечно, зачем мне эти дразги?

– Молодец, все-таки я воспитала тебя достойным мужчиной. И не вздумай пока снимать квартиру, живи здесь... Если б ты знал, как я рада, что ты расстался с Юлькой! Я с самого начала чувствовала, что она тебя не любит. И мне было так обидно за сына. А знаешь, что мне сказал Олег незадолго до смерти? Помнишь, он вдруг вызвал тебя по какому-то таинственному делу? Так вот, когда ты уехал, он как-то загадочно улыбнулся и сказал: «Не огорчайся, Оленька, скоро Тимофей бросит свою Юльку и женится на самой лучшей женщине на свете...» Что это значит, ты мне не скажешь?

Юля была вне себя. Да, разумеется, она и сама подумывала расстаться с мужем, но не таким же образом... Она хотела дождаться официального предложения от Леонтия, а с этим надо было еще повременить, так же как и дождаться вступления Тима в права наследства, хорошенько все

прикинуть, обдумать, взвесить... Состояние покойного Олега было куда более многообещающим, нежели гонорары Леонтия. Хотя международная премия, обеспеченная ею, сыграла свою роль, пиарщики издательства умело и тактично воспользовались этим фактом, и пока его тиражи только растут, но кто знает, что будет завтра... К тому же Тимофей человек куда более уравновешенный и никогда не грузит ее своими делами и неприятностями. А Леонтий... Вот недавно, например, он вернулся со съемок очередного ток-шоу вне себя от бешенства.

– Нет, ты только подумай, – орал он, при этом неприятно брызгая слюной, – эти твари, эти подлые суки поставили меня рядом с этой каланчой Сверчковой, она на две головы выше меня, как я должен был себя чувствовать? Ну ничего, я завтра в издательстве такой разбор полетов устрою, мало не покажется! Они же это назло, из зависти, я просто убежден, это дело рук Машки Завьяловой!

– Ленечка, успокойся, твоим читателям неважно, какого ты роста, они тебя за книжки любят!

– Зато коллегам не все равно, они из-за этой премии меня сожрать готовы, а если узнают, как я ее получил, вообще живьем сожрут, с таким говном смешают...

– Ленечка, успокойся, никто не узнает! На премию тебя выдвинул комитет русских женщин стран Средиземноморья, а уж до того факта, что зам. председателя этого комитета моя двоюродная сестра, вообще никто не докопается.

– Да, Юль, ты мастерски все это провернула... Спасибо тебе огромное, я люблю тебя...

– И я тебя, Ленечка!

– Я тут знаешь, что подумал...

– Ну? – напряглась Юля.

– Понимаешь, я хочу, чтобы ты официально стала... моим личным помощником, имиджмейкером, что ли.

– То есть?

– У тебя талант! Ты великолепно справились с моим имиджем и, я убежден, никогда бы не допустила, чтобы твоего мужчину поставили в такое унижительное положение, как сегодня. И вообще, у тебя безупречный вкус! А история с премией! Лучше тебя никто с этим всем не справится! Мы будем всюду появляться вместе на законном основании и это плавно и естественно перетечет в законный брак! И вообще, я объявлю Протасову, что если он не согласится взять тебя в штат, я уйду к конкурентам!

– Но что я скажу мужу?

– Скажи ему правду в конце концов! А хочешь, я сам все ему скажу? Поговорим как мужчина с женщиной! Решено, я на днях с ним поведу и все скажу прямым текстом.

Юля на мгновение представила себе эту картину и расстроилась. Здоровенный детина Тимофей и рядом Леонтий...

– Нет, Ленечка, не нужно, я сама. И вообще, зачем спешить? Мы же не сможем пока пожениться, да и тебе пока не стоит ссориться с Протасовым и развеивать миф о безутешном вдовце. Но ты все же договорись с издателями, пусть официально возьмут меня на работу, платят достойную зарплату, а для отвода глаз я могу заняться имиджем еще какой-нибудь тетки, к примеру, Тамариной, ей это не помешает.

– Юлька, ты гений! Я этого добьюсь, любовь моя!

Юля в тот момент пришла в восторг. В качестве успешного имиджмейкера в крупнейшем издательстве, она, пожалуй, сможет рассчитывать на птицу куда более высокого полета, чем Леонтий Зной, тем более будучи замужем за весьма успешным, а там, глядишь, и просто очень богатым и, к тому же, покладистым человеком. Она уже не жаждала выйти замуж за Леонтия Зноя. Нет, он, конечно, хорош и сам по себе и как ступенька в ее карьерной лестнице, но не более того! Все складывалось как нельзя лучше. И вдруг этот поганый щенок! Увидев обгрызанную любимую сумочку, стоившую поистине бешеных денег, Юля пришла в ярость! Она и вообще-то не желала терпеть животных в доме, но в данном случае готова была смириться и с записанной банкеткой и с кучкой на ковре, но безнадежно испорченная сумочка из кожи питона – это было уж слишком и она вне себя крикнула мужу:

– Имей в виду, вопрос стоит так – или я или этот паршивый щенок!

Тимофей вдруг обернулся, на лице его было написано явное облегчение, он взял щенка на руки и совершенно спокойно произнес:

– Спасибо, дорогая! В таком случае безусловно этот паршивый щенок!

Снял с вешалки куртку и вышел, хлопнув дверью. На другой день приехал забрать кое-что из вещей, когда ее не было дома. А вернувшись, она обнаружила записку:

«Юля, я ушел всерьез, квартиру оставляю тебе, прошу только пока ничего не трогать в моем кабинете, надеюсь, в течение месяца. Я его освобожу. Прости, если что не так. И, кстати, сколько стоила сумочка? Ее стоимость я тебе возмещу... У тебя теперь есть престижная работа, престижный кавалер, полагаю, ты ни в чем не будешь нуждаться.

Тимофей».

– Янка, почему это Тима к нам давно не заходит?
– Ну, откуда же мне знать, тетя Рита?
– Ты с ним, случайно, не поссорилась?
– Ну что вы! Из-за чего мне с ним ссориться? Я ему очень благодарна за все, что он сделал...
– А Миша твой тебе пишет?
– Конечно! Вот, посмотрите, какие дивные фотографии прислал!
– Да, красотища, хотя я не люблю эти фотки в компьютере, то ли дело обычные, старомодные – возьмешь в руки, так повернешь и эдак, а это... А он, между прочим, ничего себе мужчина, видный, глаза хорошие, добрые, только знаешь, ему в жизни столько всего интересно...
– А разве это плохо?
– Смотря для чего. Для семейной жизни, возможно, не очень хорошо.
– Да почему?
– Потому что его весь мир интересует, и ты далеко не на первом месте.
– Но для мужчины это нормально, если работа на первом месте, вы же сами меня этому когда-то учили.
– Так-то оно так, да только это ведь не работа, Яночка, а так... развлекашки... в мировом океане. Тима тебе куда больше подходит.
– Это только вам кажется, тетя Рита!
Через неделю Яна вернулась домой и вышла на работу. Григорий Иванович так в Москву и не вернулся.

– Юлька, ты самая большая дура, какую только можно вообразить! – всплеснула руками подруга Инна, выслушав историю разрыва Юли с мужем. – Да Тимофей твой – сокровище! Разве можно вообще ставить такие ультиматумы мужику? Да и вообще... сколько баб из-за такой дури одинокими остались!
– Да он нарочно все это подстроил, спровоцировал меня. Прекрасно же знает, что я терпеть не могу животных в доме, от них одна только грязь и вонь. Сколько я сил убила на эту квартиру, а щенок в два счета превратил ее черт знает во что!
– Вот и живи теперь в чистоте, но без мужа! И какого мужа!
– Подумаешь, обойдусь! Выйду за Леонтия! Он знаменитость, светская персона... – не слишком уверенно проговорила Юля.
– Да иди ты со своим Леонтием! Мертвописец!
– Что? – не поняла Юля.
– Тексты у него мертвые, вот что!

- Да какая мне разница! – раздраженно бросила Юля.
- Слушай, а Тим что, к какой-то бабе ушел?
- Не похоже. Сейчас у мамыши живет. Ну, может, с кем-то трахается время от времени, но, насколько я понимаю, не более того.
- А ты хотела бы его вернуть?
- Юля задумалась.
- Пожалуй, хотела бы, но этодохлый номер.
- Уверена?
- На вот, посмотри, какую записку он мне оставил.
- Инна пробежала глазами записку.
- Да, подруга, это действительнодохлый номер!

Ольга Варламовна уже души не чаяла в Арношке, а на сына смотрела с удивлением. Хотя Тимофей мало бывал дома, всегда страшно радовался щенку, был нежен и внимателен с матерью, но она чувствовала – его что-то гнетет, и дело вовсе не в рабочих моментах.

– Тима, тебе пора подумать о детях. В твоём возрасте такая страсть к щенку объясняется просто – тебе нужен ребенок!

– Ты хочешь сказать, мамочка, что тебе нужны внуки?

– Тима, ответь мне честно, у тебя есть женщина?

– Мама, с каких пор ты интересуешься моей половой жизнью? – поднял брови Тимофей.

– Ты прекрасно меня понял. Но почему-то уходишь от ответа. Это может означать только одно – женщина есть, ты её, возможно, даже любишь, но она либо замужем, либо просто не отвечает тебе взаимностью. И это значит, она полная дура!

– Спасибо, мамочка, – грустно улыбнулся Тимофей, – но это взгляд матери, то есть вполне пристрастный.

– – Дело не в этом! Просто я все-таки сумела воспитать тебя настоящим мужчиной! Ну, если быть справедливой, то не одна я, а еще и Олег, и, конечно, дружба с Мишкой.

И вдруг в глазах сына отразилась такая мука, что Ольга Варламовна ахнула.

– Боже, Тим, неужто ты влюблен в женщину Мишки?

– Если б только это...

– Но что же еще? – испугалась Ольга Варламовна.

– Она еще и женщина Олега.

– То есть как? – вытаращила глаза Ольга Варламовна и вдруг перекрестилась, хоть никогда не верила в Бога. – Но сколько же ей лет? Это

абсурд какой-то!

– Всего тридцать один год.

– Но где ты с ней познакомился и при чем же тут Мишка? Она что, из Новой Зеландии?

– Да нет...

Тимофею вдруг безумно захотелось обо всем рассказать матери, хотя это было вовсе не в его правилах, но к черту все правила! И он рассказал. И тут случилось нечто странное и в высшей степени неожиданное: Ольга Варламовна разрыдалась.

– Бедный, бедный мой братик! Выходит, я совсем его не знала... Всю жизнь считала образцом мужчины... Хотела, чтобы ты стал таким же... Или я просто дура набитая? Выходит, он безумно любил эту девочку, но оказался последним трусом? Причем мелким трусом! Испугался шантажа какой-то ничтожной бабы, не был уверен ни в себе, ни в своей девочке, сломал жизнь обоим... А ведь это скорее всего была настоящая любовь, да, Тима?

– Ах, мама, я не умею вести такие разговоры, это скорее по части господина Зноя.

– Ты читал этот кошмар?

– Один абзац. С меня хватило. Но ты, выходит, читала?

– Да в позапрошлом году, когда отдыхала в Испании. В отеле кто-то оставил, знаешь, как это бывает. Тоска смертная! А впрочем, черт с ним! Тима, скажи мне, какая она?

– Мама, зачем тебе?

– Я имею право знать, какую женщину так любил мой брат в конце-то концов!

Тимофей пристально посмотрел на мать, потом достал мобильник.

– Вот, смотри!

Снимок был сделан на книжной ярмарке, во время презентации Мишиной книги. Ольга Варламовна долго изучала его.

– В ней есть изюминка. Хотя твоя Юлька в сто раз красивее, но эта... Она нежная, хрупкая и, пожалуй, даже загадочная. Я хочу с ней познакомиться!

– Мама!

– Что мама? Ты можешь это устроить?

– Нет! Это исключено! Она недавно перенесла травму, физическую и психическую, и не надо ее трогать! – отрезал Тимофей. – Ни к чему это. И ей и тебе тоже!

– Но я бы хотела поговорить с ней об Олеге!

– Он умер, мама! Эта страница ее жизни перевернута. Все!
– А ты?
– А что я?
– Ты же любишь ее!
– Это не имеет значения. Я никогда не стану отбивать женщину у лучшего друга. Это мое последнее слово, мама. Еще один разговор о Яне и я съеду отсюда!

Ольгу Варламовну терзало любопытство. Что же это за женщина, которую так любил ее младший брат, а теперь, похоже, любит сын? Олег из-за нее был несчастлив, но я не хочу, чтобы мой сын страдал. Олег сам был во всем виноват, а Тима... Хватит с него Юльки. Но как найти эту Яну? Хорошо бы познакомиться с ней словно бы случайно, невзначай... Я даже фамилии ее не знаю, Тим не сказал. Можно, конечно, позвонить Нелли Яковлевне, но это как-то некрасиво, к тому же Нелли Яковлевна, на взгляд Ольги Варламовны, была чересчур цирлих-манирлих... И вообще, если Тим узнает, скандал будет грандиозный. И тут вдруг в памяти ее всплыли последние предсмертные слова Олега, показавшиеся ей тогда просто бредом умирающего. Она даже не передала их сыну. Зачем? Но, может, это не было бессмыслицей? Вдруг Тим поймет, что это значило? Но поскольку говорить о Яне он отказывался категорически, она решила зайти издалека.

– Скажи мне, Тимочка, может, нам стоит в этом году снять дачу?
– Дачу? – крайне удивился Тимофей.
Ольга Варламовна всегда терпеть не могла дачную жизнь.
– Ну да, у нас же теперь растет малыш, ему нужна травка, свежий воздух...
– Но, мама, ты же всегда была категорически против дач?
– Знаешь, после прошлогодней кошмарной жары...
– Поздновато ты, однако, спохватилась, скорее всего сейчас ничего приличного не сыщешь... Но если ты хочешь, ищи. Только не слишком далеко, я ведь не смогу туда каждый день мотаться.
– Но, в принципе, ты не против?
– Делай как тебе лучше, мама!

Ольга Варламовна была довольна. Первый шаг сделан. Еще через день она сказала сыну:

– Тимоша, мне предложили комнату с верандой недалеко от Абрамцева. Правда, довольно дорого, но там, кажется, большой участок, мы могли бы съездить, посмотреть...

– Я смогу поехать не раньше, чем на следующей неделе.

– А если я сама съезжу?

– На чем?

– Наташа обещала, что ее невестка нас свозит.

– Ну и прекрасно! И если тебе понравится, снимай, никаких проблем!

И как такой простодушный человек может быть классным юристом? Он же никакого подвоха не почуял!

– Ну что, мама, съездила в Абрамцево?

– Да, Тима, но я раздумала, во-первых, там нет городских удобств, а во-вторых, хозяева не хотят щенка, так что... А Наташа говорит, что мы сможем привозить к ним Арношку, когда захотим. Но места там чудные... Да, знаешь, когда мы проезжали мимо дома Мамонтовых, я вдруг вспомнила последние предсмертные слова Олега.

– При чем тут Мамонтовы?

– Да вот в том-то и дело... Ты же знаешь, как я обожаю Серова...

– Художника?

– Ну да! Дело в том, что последние слова Олега были «Будь счастлива, девочка с персиками». А «Девочку с персиками» Серов писал с Верочки Мамонтовой, вот такая вот внезапная ассоциация...

Тимофей очень внимательно посмотрел на мать и вдруг громко расхохотался.

– Да, мама, неужто я так тебя запугал, что ты вместо того, чтобы спросить напрямки, выдумала всю эту идиотскую историю с дачей в Абрамцево?

– Да с чего ты взял? – слегка смутилась Ольга Варламовна.

– А с того, что я тебя все-таки знаю!

– А я тебя, кажется, нет, – улыбнулась Ольга Варламовна. – Тогда скажи, что же значили эти слова Олега? Ты понимаешь?

– Да. Он так называл Яну, только девочка не с персиками, а с перчиками. Она обожает перчики в горшочках.

– Девочка с перчиками? Ну надо же...

А Тима вовсе не так простодушен. Девочка с перчиками... И домик в Швейцарии, где в саду и на окнах росли эти перчики... Нет, я должна, просто обязана с ней познакомиться, но как?

И тут на помощь пожилой даме пришел случай.

Тимофей среди рабочего дня вдруг заехал домой переодеться. Вечером предстоял незапланированный визит в высокие сферы и нужен был темный костюм. Пока сын принимал душ, Ольга Варламовна обнаружила на столе

его мобильный телефон. Воровато оглянувшись, она открыла его. Ага, Яна. Она быстро записала номер на бумажке. Тимофей ничего не заметил.

Итак, номер телефона у меня есть, но не звонить же ей напрямую, надо что-то придумать... Но сколько Ольга Варламовна ни ломала голову, ничего путного не придумывалось. Ну как, как подобраться к этой «девочке с перчиками»? Стоп, кажется, есть идея! И Ольга Варламовна позвонила лучшей подруге Наталье Федоровне.

На дисплее высветился совершенно незнакомый номер.

– Алло! – откликнулась Яна.

– Это Янина?

– Да, простите, а кто вы?

– О, ваш телефон попал ко мне через десятые руки, ради бога, извините меня за бесцеремонность, но я случайно узнала, что вы великая специалистка по Capsicum annuum, иными словами, по цветным перчикам. Я их просто обожаю, но у меня они плохо растут, а у вас, говорят, они поистине чудесные.

– Ну да, я их очень люблю и они у меня прекрасно растут, но я ни в коей мере не специалист, ничего сверхъестественного с ними не делаю. Вероятно, у меня просто благоприятные для них условия, только и всего, они вообще не слишком прихотливы. Вам лучше обратиться в Ботанический сад, что ли... К профессиональным цветоводам. Вы извините, я сейчас не могу больше говорить, у меня экзамен...

– Простите, еще секундочку! А вы не согласились бы взять мой последний горшочек, боюсь, у меня он окончательно погибнет, а жалко...

Яна заколебалась.

– Ну хорошо, но сегодня я очень занята.

– Вот спасибо! Если позволите, я вам завтра позвоню и если это удобно, завезу горшок... Вы где живете?

– На проспекте Вернадского.

– О, это очень далеко! Давайте встретимся где-нибудь в центре, попьем кофейку...

– Хорошо, в половине двенадцатого вас устроит?

– О да, разумеется! Спасибо вам огромное. Давайте в «Кофе-Хаусе» на Смоленской, вам удобно?

– Да, вполне.

– Вы легко меня узнаете, я буду с горшочком.

Яна рассмеялась.

– У нее приятный голос, она, кажется, недурно воспитана, – доложила

подруге Наталья Федоровна. – Но где, скажи на милость, я возьму этот погибающий перчик?

– О, это уж моя забота! Значит так – ты встретишься с ней, а я сяду за соседний столик и, может быть, вступлю в ваш разговор.

– Ох, Ольга, какая ж ты авантюристка!

– Да почему я авантюристка? Просто я хочу увидеть эту женщину, мне это жизненно важно, вот и все!

Яна проснулась с мыслью: почему Тимофей так давно не звонит? Хотя с какой стати ему звонить? Он знает, что я уже вышла на работу, живу дома, тогда зачем? А от Миши вчера пришло очередное электронное послание с восторженными и, как показалось Яне, очень талантливыми описаниями увиденных мест и морских приключений. Когда она думала о нем, в душе разливалось тепло, так при чем здесь Тимофей? Хорошо, что я съехала от тети Риты, та буквально помешалась на Тимофее, сама, небось, в него влюбилась, бедная... Ох, надо вставать... Фу, сегодня же надо еще встретиться с какой-то теткой по поводу перчиков. Вот, не было печали... Яна сфотографировала свои горшки на мобильник, чтобы тетка не вздумала напрашиваться к ней в гости. Еще не хватало!

Ольга Варламовна волновалась. Наталья Федоровна с чахлым цветочком сидела за соседним столиком.

– Я почему-то жутко нервничаю, – призналась она.

– И я, – кивнула Ольга Варламовна.

Входная дверь открылась. Вошла высокая худенькая женщина в джинсах и черной мужской рубашке. Голова повязана косынкой. Она огляделась и с улыбкой направилась к столику Натальи Федоровны.

– Здравствуйте. Я Янина.

– О, Яночка, спасибо, что согласились прийти. Садитесь, кофе будете?

– С удовольствием.

– А вот мой несчастный питомец.

Яна взяла в руки горшок. Осмотрела его. Это был вовсе не Capsikum annuum, а какое-то другое, незнакомое ей растение, хотя на первый взгляд и похожее. Она вдруг испугалась. После пережитого недавно ограбления ей вдруг показалось, что ее опять заманивают в какую-то ловушку.

– Послушайте, что вам от меня нужно? – внезапно охрипшим голосом проговорила она. – К чему этот дурацкий спектакль?

– Помилуйте, Яна. Но я... – И Наталья Федоровна в растерянности оглянулась на Ольгу Варламовну. Зато та не растерялась, встала, шагнула к Яне и глазами показала подруге на выход. Наталья Федоровна с радостью

ретирировалась.

– Яна, простите меня, ради бога! Это была моя идиотская затея, просто я хотела познакомиться с вами и вот ничего умнее не придумала. Я сестра Олега Савицкого и мать Тимофея.

– О, господи, Ольга Варламовна? – отчего-то вдруг залилась краской Яна.

– Простите мне эту несусветную дурь. Но я просила сына познакомиться нас, а он наотрез отказался.

Яна беспомощно улыбнулась.

– Я понимаю, что выгляжу полной идиоткой, придумала невесть какую чушь, вовлекла подругу, поверьте, мне ужасно стыдно, а учитывая, что мне уже восьмой десяток пошел, это и вовсе непростительно. Что поделаешь, старческое любопытство.

Яна вдруг облегченно рассмеялась.

– Ничего, любопытство штука вполне понятная. И, знаете, я рада, что мы познакомились именно так...

– Почему? – удивилась Ольга Варламовна.

– Потому что это все сразу упростило, по крайней мере для меня.

Они посмотрели в глаза друг другу и расхохотались. И это мгновенно сблизило их.

– Когда-то, очень давно, я тоже безумно хотела увидеть людей, которых так любил Олег Варламович, он много мне рассказывал о вас и вашем сыне...

– А мне о вас никогда и словом не обмолвился... Я лишь на днях узнала, что значили его последние предсмертные слова: «Будь счастлива, девочка с перчиками».

– Он так сказал?

– Да, только мне-то слышалось «с персиками»! Боже мой, Яна, вы и представить себе не можете, какую сложную и глупую историю мне пришлось сочинить, чтобы спросить у сына, что бы это значило...

И Ольга Варламовна рассказала Яне все, не забыв при этом как бы между прочим упомянуть о щенке, из-за которого Тимофей расстался с женой.

– А вы любите собак, Яночка?

– Очень. Особенно больших, но у меня самой никогда их не было. Только подруга иногда подсаждала меня к своему псу, если куда-то уезжала, а теперь пес этот умер и она не желает больше заводить собаку.

Какая она милая, подумала Ольга Варламовна, просто прелесть, правда, на рукаве рубашки не хватает одной пуговицы, но это же чепуха!

- Яна, простите за наглый вопрос. Вы Мишу любите?
- Яна вскинула на нее изумленный и в то же время измученный взгляд.
- А почему вы об этом спрашиваете?
- Я понимаю, вопрос бестактный, меня это совершенно не касается, я вообще в ваших глазах выгляжу полной дурой, которая все время делает и говорит несусветные глупости.
- Да нет, просто вы чувствуете себя неловко, я понимаю.
- Я вообще-то хотела спросить о другом. Сколько вам было лет, когда вы встретились с Олегом?
- Пятнадцать.
- А ему?
- Почти пятьдесят. И я его действительно любила, по-настоящему. А с тех пор больше никого и никогда... так... А Миша, он чудесный... Добрый, теплый, умный... самый лучший... думаю, он лучше Олега. Ох, простите, Ольга Варламовна.
- Да нет, вы правы, Яночка, – она погладила Яну по руке и той это было необыкновенно приятно. – И я очень рада, что познакомилась с вами, пусть даже буду выглядеть в ваших глазах старой маразматичкой.
- Ах, бросьте, все получилось как-то... очень обаятельно, что ли...
- Значит, вы не сердитесь?
- Господь с вами, конечно, нет! Если хотите знать, мне все это даже здорово понравилось, честное слово!
- И вы мне, Яночка, тоже очень понравились! Только одна просьба – не рассказывайте об этом Тимофею!
- Да боже упаси! Простите, Ольга Варламовна, но мне пора... И если вам захочется о чем-то меня спросить, звоните когда угодно, не стесняйтесь. Я буду только рада!
- Как я хочу, чтобы Тим на ней женился!
- Заказав себе вторую чашку капучино, Ольга Варламовна еще посидела в раздумье, расплатилась и вышла из кафе.
- Женщина, женщина, вы цветочек забыли! – выскочила за ней официантка.
- Тьфу ты пропасть! – еле слышно выругалась пожилая дама и вышвырнула горшок в первую попавшуюся урну.

Когда Тимофей вошел в переговорную, напряженный, сосредоточенный, и сел на свое обычное место, по правую руку от главы корпорации, его вдруг охватило какое-то странное волнение, никоим образом не связанное с предстоящим совещанием. Он уловил в воздухе

запах, так поразивший его в свое время в квартире Яны. Что за бред, подумал он, и только тут заметил среди явившихся на переговоры потенциальных партнеров не слишком молодую, но весьма элегантную женщину с красивым, но неприятным лицом. Это от нее так пахнет. Значит, это духи! Но от самой Яны никогда ими не пахло. Странно...

– Тимофей Борисович, что с вами? – толкнул его в бок главный инженер.

– Все в порядке! – мгновенно опомнился он. – Я готов!

Переговоры были сложными и долгими, но закончились вполне успешно.

В приемной, среди ожидающих его сотрудников сидел незнакомый молодой человек, похожий на английского клерка средней руки. Тимофей вопросительно взглянул на секретаршу.

– Тимофей Борисович, это к вам, по личному конфиденциальному делу, ровно на пять минут. Иностранец, – отрапортовала шепотом секретарша.

– Господа, прошу прощения за задержку, всего пять минут. Приму всех, не беспокойтесь. Прошу вас, – сказал он клерку. – Итак, вы говорите по-русски?

– Да, господин Логунов. Я представитель фирмы Тиффани.

– Какой фирмы? – не поверил своим ушам Тимофей.

– Тиффани!

– Невероятно! И что вас привело сюда?

– Наша фирма уполномочена в течение пяти лет к 17 июня ежегодно передавать вам одно ювелирное изделие для дальнейшей передачи госпоже Янине Юркевич. Прошу вас, взгляните на изделие и распишитесь вот тут и тут.

– Это распоряжение сделано господином Савицким, надо полагать?

– Да.

– Хорошо. Где расписаться?

– Но, может быть, вы сначала изволите взглянуть на изделие?

– За каким чертом мне на него глядеть! – взорвался Тимофей.

– Но так полагается.

– И что? Если мне изделие не понравится, вы его замените?

– Нет, выбор был сделан завещателем.

– В таком случае хватит с вас моей подписи, мне некогда, молодой человек. Можете быть свободны.

Он был чрезвычайно зол на заgrabные шутки дядюшки. Что за дела? Один раз из-за его подарков Яну чуть не убили. Но, с другой стороны...

Теперь у него есть повод увидеться с нею. Стоп, этот клерк сказал: ежегодно к 17 июня, а это значит, завтра у нее день рождения.

- Тетя Рита, давайте завтра вечером пойдем в кафе?
 - Это с какой же радости?
 - У меня завтра день рождения.
 - Ох ты черт, совсем я безголовая стала из-за той истории... Вот, по башке дали тебе, а я вконец оступела... Кого еще ты собираешься позвать?
 - Никого. Только вас.
 - Ну вот еще! Глупости! Позови кого-нибудь с работы, эту, как ее, Вету... Кстати, все забываю спросить, как ее полное имя?
 - Елизавета.
 - Матерь божья, я думала Виолетта... Ну еще могла бы свекровь свою будущую позвать.
 - Неохота мне, лучше вдвоем.
 - Ну, дело хозяйское, пойдем вдвоем, шерочка с машерочкой, весело будет, обхохочешься! А может, Тиму позовешь?
 - Его-то с какой стати?
 - Дура ты, Янка, набитая дура! А он, между прочим, от жены ушел! Смотри, пробросаешься!
 - Откуда такие сведения? – улыбнулась Яна.
 - Какая разница! Только такого мужика вмиг заловят!
 - Ну и пусть. Я никого ловить не собираюсь. У меня Миша есть.
 - Где он, твой Миша? С черепахами целуется, с акулами воюет, до тебя ли ему! А Тима... Вот это мужчина!
 - Тетя Рита!
 - Ладно, черт с тобой? А куда пойдем-то?
 - А в «Теплое местечко», я заходила, мне понравилось. Уютно и вкусно.
 - Дело хозяйское. А что тебе подарить? Хотя я и сама знаю. Будешь довольна.
- Вечером Яне неожиданно позвонил Тимофей.
- Яна, я не поздно?
 - Нет, что вы!
 - Яна, у меня к вам дело, – голос у него был какой-то тусклый, нерадостный.
 - Какое дело?
 - Не хотелось бы по телефону. Вы завтра утром заняты?
 - Да, я с утра должна быть в институте, а потом...

– Может, пообедаем вместе?
Яна вдруг решилаась.
– Знаете, Тима, у меня завтра день рождения, так может, встретимся вечером, я вас приглашаю в кафе, будет еще только тетя Рита.
– Да? Ну что ж, я с удовольствием.
– Надеюсь, она не помешает вашему делу?
– Да нет, дело-то на две минуты, и я всегда рад ее видеть.
Яна тут же позвонила Маргарите Семеновне.
– Тетя Рита, радуйтесь!
– Чему я должна радоваться в моем возрасте и в моем положении?
– Завтра ваш любимый Тимофей тоже будет.
– Вот умница!
– Да я тут не при чем, он сам позвонил, сказал, у него ко мне какое-то дело, ну я и пригласила...
– А он небось обрадовался без ума?
– Не заметила. У него голос какой-то странный был, то ли грустный, то ли больной.
– Ничего, и выздоровеет и развеселится, как тебя увидит. Наверное просто растерялся, не знает, что тебе подарить.
– Ах тоже мне проблема, в такой ситуации достаточно цветов.

– Тима, у тебя что-то случилось?
– С чего ты взяла, мамочка?
– Какие-то неприятности?
– Да вроде бы нет.
– Но ты такой мрачный! Скажи, почему ты все от меня скрываешь?
– Да нет, мама... Я просто... А впрочем... Ты знаешь, что сегодня ко мне в офис явился представитель фирмы Тиффани?
– Но позволь, это же, насколько я понимаю, ювелирная фирма... Тимочка, это опять что-то, связанное с Олегом? – догадалась вдруг Ольга Варламовна.
– В том-то и дело! А я так взбесился, сам не понимаю почему.
– А я понимаю! Эта бедная девочка и так уж нахлебалась от его подарков. А что на сей раз?
– Не знаю. Даже смотреть не стал. Отдам завтра ей, пускай сама смотрит. Я же тут только передаточное звено.
– Тимочка, покажи, мне же интересно!
Тимофей достал из кейса коробку и поставил на стол. Ольга Варламовна открыла ее, достала оттуда маленький футляр и конверт.

– Тим, это тебе! – удивленно воскликнула она.

– О господи!

Он открыл конверт, на листке шелковой бумаги с вензелем фирмы рукой Олега Варламовича было написано:

«Тима, прости, но не стоит говорить Яне, что это кольцо от меня. Пусть это будет твой подарок к ее дню рождения. Я убежден, что ты уже любишь ее! И дай вам Бог!»

– Боже, какая маразматическая пошлость! – вне себя от злости воскликнул Тимофей. – Прости, мама, но он по-моему просто спятил перед смертью! Во всем этом есть какая-то запредельная безвкусица, если хочешь, граничащая с сентиментальностью изувера!

В голосе Тимофея матери послышалась подлинная ненависть.

– Тима, ну что ты такое говоришь! – огорченно прошептала она.

– Говорю, что думаю! Сломал жизнь несчастной девчонке, а пришла пора умирать, придумал, как ему показалось, жутко красивую историю в духе даже не Голливуда, а скорее индийского кино! Эти идиотские побрякушки чуть не стоили ей жизни, к тому же они вообще интересуют ее не больше, чем прошлогодний снег! Он и за гробом продолжает в это играть! Тьфу, история вполне достойная пера господина Зноя! А мне-то что делать? Он видите ли на том свете убежден, что я ее люблю! Маразм чистой воды!

– А разве нет? Не любишь? – тихо спросила Ольга Варламовна.

– А даже если люблю, предположим, то с какой стати я должен дарить любимой женщине какие-то загробные побрякушки? А? Ты считаешь это нормальным, мама?

– Нет, не считаю! Ты прав, Тимоша! Она ведь уже носит одно колечко, тоже подарок Олега.

Тимофей оторопело взглянул на мать.

– А ты почему знаешь?

Ольга Варламовна покраснела.

– Так! Я с ума с вами, Савицкими, сойду! Ты видела Яну?

– Да! И говорила с ней. И она мне ужасно понравилась, если хочешь знать!

– Обалдеть! Ну, и как ты это провернула?

Ольге Варламовне ничего не оставалось, как во всем признаться сыну. Он долго хохотал.

– Да, мамочка, я даже не подозревал, что ты у меня такая выдумщица! А Яна, умница, сразу вас раскусила! И не стыдно вам с Натальей Федоровной в вашем довольно-таки почтенном возрасте заниматься

подобной чепухой? – Тут взгляд его упал на пресловутый футляр от Тиффани. – Ну скажи мне, мамочка, – взмолился он, – что мне с этой хреновиной делать?

– Отдать Яне. Что еще ты можешь сделать?

– А может, продать к чертям, ей деньги наверняка нужнее?

– Тима, опомнись, что ты говоришь! Как ты можешь это решать? И под каким предлогом ты ей эти деньги отдал бы, скажи на милость?

– Да, тоже верно. Но не могу же я, мама, выполнить то, чего требует Олег? С какой стати и по какому праву я мог бы подарить ей это баснословно дорогое кольцо? Бред сумасшедшего! И вообще, что это за идея, почему я должен плясать под дудку покойника? Из-за его наследства? Да пошел он к черту со своим наследством! И без него проживу прекраснейшим образом! Как тебе это нравится – он заранее решил, что я должен загладить его вину перед Яной и с того света дергает меня за ниточки, как паршивую марионетку! Или он полагал, что я на все пойду, чтобы кроме своей доли наследства прикарманить еще и Янину? И эта идея, что дом пять лет нельзя продавать! Какое его дело, что она захочет сделать с его наследством? Знаешь, мама, это, может быть, самое горькое разочарование в моей жизни – твой брат!

– Что ты говоришь, Тима! Нельзя так о покойнике!

– А покойнику можно вот так играть судьбами живых людей?

– Тимочка, но ведь он это от любви...

– От какой любви? К кому?

– Как к кому? К Яне, конечно!

– По-твоему это любовь? – вне себя заорал Тимофей. – Это жалкая трусость старого педофила! Я еще могу понять, что он испугался шантажа ее мамы, слинял за кордон, кому охота садиться в нашу тюрьму за растление малолетних! Но почему же он слинял по-тихому, ничего ей не сказал, попросту, как говорится, поматросил и бросил? На какую жизнь он ее обрек? И вдруг на смертном одре его осеняет роскошная идея – а оставлю-ка я ей побрякушки и домик с перчиками, как красиво! Как трогательно!

– Тима, погоди, но он ведь давно стал покупать ей эти украшения, сам же говорил... А это значит, он все эти годы ее помнил и любил...

– Так оставил бы ей все наследство или хотя бы большие деньги! Но нет, в этом же нету игры, это неинтересно, кто знает, не приберет ли его денежки к рукам ее муж или хахаль... Зато побрякушки прибрал к рукам жуликоватый ювелир! Он, мама, не о Яне вовсе думал, а о том, чтобы выглядеть красиво после смерти! Гадость какая! А ведь я с самого начала

чувствовал, что не хочу ввязываться в эту историю... но теперь я завяз по самые уши... – Он стукнул кулаком по столу.

– Тима! – поморщилась Ольга Варламовна.

– Извини, мама, но меня это просто бесит!

– Знаешь, Тима, я попробую дать тебе совет...

– Ну, попробуй! – с вызовом ответил Тимофей.

– Думаю, тебе стоит сказать Яне всю правду.

– Какую правду? Что Олег сбрендил на старости лет? Что это не любовь, а хрен знает что?

– Не кричи! А я, кажется, поняла, от чего тебя так колбасит!

– Что? – Тимофей даже поперхнулся. Меньше всего он ожидал услышать от матери это жаргонное словечко.

А Ольга Варламовна усмехнулась и заявила:

– Именно! Тебя колбасит и плющит больше всего от ревности!

– От какой еще ревности, черт побери? – взревел он.

– Ты ревнуешь Яну к Олегу. Все элементарно, мой мальчик.

– Что за чушь!

– Не чушь, Тимоша! Ты любишь эту женщину.

– Оставь, мама, – как-то сник Тимофей. – Объясни лучше, какую правду я должен ей сказать?

– Всю правду. Что кольцо от Олега. Ну и что ты ее любишь. И посмотришь, что больше ее взволнует. Уверена, что твое признание.

– Да не могу я ей в любви признаваться, мама! Не могу!

– Почему?

– Потому что она женщина моего лучшего друга, все проще простого!

– До чего же вы, мужчины, примитивные существа! Признаться женщине в любви вовсе не означает, что надо немедленно валить ее в койку!

– Мама, где ты набралась этих выражений?

Ольга Варламовна молча ткнула пальцем в телевизор.

– О господи, все это очень мило, но что же мне-то ей подарить? – предпочел сменить тему Тимофей. – Все-таки день рождения.

Ольга Варламовна с усмешкой глянула на сына.

– Боишься, что рядом с кольцом Олега любой подарок померкнет?

– Для нее? Вот уж не думаю. Ей эти цацки по фигу!

– Тогда подари ей сумку, у нее сумка старенькая... – решительно посоветовала Ольга Варламовна.

– Сумку? Но какую? – он вспомнил несметное количество сумок у Юльки.

– Хорошую, дорогую, но все же не настолько, чтобы тебя выгнали, если Арношка ее сожрет.

Он вдруг рассмеялся, обнял мать и прошептал:

– Мамочка, я тебя обожаю!

На следующий день он ушел с работы пораньше и поехал в магазин, где неоднократно бывал с женой.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – немедленно устремилась к нему элегантная немолодая продавщица.

– О да! Мне нужна сумка в подарок.

– Отлично! Какие предпочтения у вашей дамы?

– Не знаю, но только что-то не вычурное. Скромное, но элегантное.

– Цвет?

– Ну не знаю. Черный, наверное...

– Сколько лет даме?

– Около тридцати.

– Может быть, клатч?

– А это что за зверь? – не понял Тимофей.

– Вот это клатч, – улыбнулась продавщица.

– Но сюда же ничего не влезет!

– Простите мою нескромность, это подарок жене, любимой женщине, просто знакомой?

Тимофея бросило в пот.

– Я поняла, любимой женщине, – тонко улыбнулась продавщица. – Ко дню рождения?

– Да.

– Пожалуй, я вам предложу... вот это! Думаю, вам подойдет.

Она достала большую элегантную коробку, из коробки не менее элегантный бархатный мешок, а из мешка небольшую сумку-клатч, при виде которой Тимофей хлопнул в ладоши и воскликнул:

– О! Это то, что надо!

Сумка была тусклого светло-коричневого цвета без всяких украшений, очень скромная на вид, однако с первого взгляда было понятно – это вещь высокого класса.

– Крокодил?

– Это молодой крокодил, потрогайте, какая мягкая кожа.

– О да! Я ее беру!

– У вас безупречный вкус!

– Да? А мне много лет внушали, что у меня совсем нет вкуса! –

радостно засмеялся Тимофей.

Женщина окинула его оценивающим взглядом, вполне поняла ситуацию и с легкой улыбкой заметила:

– Вкусы бывают разные.

– Вы правы.

Сумка оказалась очень дорогой и в подарок от фирмы к ней прилагался еще и красивый шелковый шарфик.

– Спасибо за покупку и желаю счастья! Да, если вдруг вашей даме не понравится, приезжайте, обменяем!

– Понравится, я уверен! – широко улыбнулся он.

Ах, какой мужик! – подумала немолодая продавщица. – Счастливая та, которой он достанется.

Он договорился с Яной, что заедет за ней в институт.

Он ждал ее как и в первый раз у институтского крыльца. И опять я должен играть идиотскую роль посредника между тем и этим светом. А интересно, понравится ей сумка?

Как водится, Яна принесла на работу большущий торт и шампанское.

– Яна, а что слышно от Мишки? – спросила Вета.

– О! Он присылает такие фотографии и пишет настоящие путевые очерки, кстати, очень талантливые! Последний был с острова Питкерн, с ума сойти как интересно!

– Что-то никогда о таком острове даже не слыхала.

– А помнишь фильм «Мятеж на Баунти»? Это там происходит.

– А! Как раз на днях смотрела на диске, там такой Марлон Брандо, свихнуться можно! Слушай, подружка, ты куда-то спешишь?

– Да, за мной должен заехать один знакомый...

– А как же Миша? – лукаво улыбнулась Вета.

– Миша это Миша, а знакомый – это по делу!

– Ой, смотри, Янка, что-то глаза у тебя подозрительно мечтательные.

– Так это от шампанского! – засмеялась Яна.

Тимофей вздрогнул, когда она вышла на крыльцо. На ней было трикотажное платье табачного цвета с шелковым зеленым шарфом и туфли на шпильках. И снова она показалась ему какой-то ломкой. Такую обнимать надо очень осторожно...

– С днем рождения, Яна! – Он протянул ей букет бледно-розовых пионов.

– Ох, спасибо, Тимофей! Обожаю пионы! – Она вдруг поцеловала его в щеку.

Тимофей задохнулся. Хотелось схватить ее, прижать к себе...

– Знаете, я очень рада вас видеть, вы что-то совсем пропали...

– Занят был зверски. Простите.

– Уже простила! – она сама испугалась своей радости.

– Куда едем? – спросил он, с трудом взяв себя в руки.

– В «Теплое местечко», я же вам говорила...

– Ах да...

– И тетя Рита тоже придет, впрочем, я, кажется, и это вам говорила...

– Кажется, да. Я очень буду рад ее повидать.

– Тим, вы сказали, что у вас ко мне дело, – напомнила она немного погодя.

– Да, но...

– Вам не хочется говорить об этом в машине?

– Именно.

– Ну, хорошо.

– Яна, вы страшно понравились моей маме.

– Что? – перепугалась Яна.

– Да мама проболталась, вернее, я ее разоблачил, – ласково улыбнулся он. – Вот старая интриганка!

– Ну что вы! – рассмеялась Яна. – Меня очень позабавила эта история и ваша мама просто прелесть.

– Знаете, Яна, я скажу вам одну странную, может, даже дикую вещь – благодаря вам я как-то совершенно по-новому увидел свою мать...

– Благодаря мне? Но каким образом?

– О, это долгий разговор, как-нибудь в другой раз расскажу. Я хотел спросить у вас...

– Да, пожалуйста.

– Когда вы лежали в больнице, я вместе с Маргаритой Семеновной зашел в вашу квартиру...

– И что? – вдруг испугалась Яна, сама не зная чего.

– Там стоял какой-то совершенно восхитительный запах. Я не мог понять, что это. А на днях вдруг узнал – это был запах духов... У нас на совещании появилась одна женщина, от которой ими пахло. А у вас всегда совсем другие духи... – Он вдруг смутился, словно затронул какую-то не совсем приличную тему.

– О! Те духи мне в прошлом году привезла из Испании одна знакомая. Я их долго не открывала, потом решила открыть и случайно разбила

флакон, они пролились на коврик и оказались ужасно стойкими...

– А, понятно. Дивный запах. А как они называются?

– Я не помню.

Они остановились у кафе «Теплое местечко».

– Вы здесь уже бывали? – полюбопытствовал Тимофей.

– Да, мне понравилось и от дома близко. Ох, как пахнут пионы!

– А вот это тоже вам! – и он взял с заднего сиденья большой фирменный пакет. – С днем рождения!

– Ой, спасибо, а что это? – зарделась Яна.

– Посмотрите, может, не понравится, тогда поменяем. Или хотите посмотреть уже за столом?

– Нет, лучше сейчас!

Она достала из пакета коробку.

– Ой, что это? Боже, сумка! И какая! Всю жизнь мечтала именно о такой сумке. Тимочка, спасибо вам, она чудесная!

Ее глаза сияли таким неподдельным восторгом, что у него перехватило дыхание от радости.

– И как раз к этому платью!

Она рванула молнию на своей старой сумке, деловито вытащила оттуда мобильник, кошелек, маленькую косметичку, запихнула все это в новую сумку, потом достала паспорт, а остальное просто вывалила в пакет от новой сумки, быстро обшарила карманы старой и вдруг выскочила из машины и швырнула ее в стоящий неподалеку мусорный бак. И плюхнувшись на сиденье с озорным видом воскликнула:

– О, да тут еще и шарфик! Или лучше этот оставить?

Он смотрел на все ее манипуляции с немым восхищением. Все это было так очаровательно, так женственно и в то же время совершенно по-детски. И вдруг она словно опомнилась:

– Тима, но это же ужасно дорого, я вижу, с какой стати...

– Успокойтесь, Яночка! Ну не дарить же в самом деле такой женщине какую-то дешевку. Вам эта сумка здорово подходит и, похоже, нравится, вот и носите ее на здоровье!

Она вдруг повернулась к нему лицом и пристально посмотрела в глаза.

– Тима, почему...

– Потому что...

Он не выдержал, схватил ее в объятия и поцеловал. Она прильнула к нему, обняла его за шею и прошептала:

– Как приятно, ты так коротко стрижешься, – и погладила его стриженный затылок.

Он сжал ее что было сил.

– Я люблю тебя, Яна!

Она вдруг отстранилась от него, посмотрела в глаза, провела пальцем по его губам и тихо проговорила:

– Знаю. Я тоже. Но нам нельзя... Особенно тебе... – и решительно открыла дверцу. – Идем, тетя Рита, наверное, ждет.

У него кровь стучала в висках, дрожали руки, но сердце наполнилось ликованием: она тоже любит меня!

Они вошли в небольшой уютный зал. Их провели к столику, накрытому на троих.

– Ну, где же твоя тетя Рита?

– Думаю, она придет попозже, – улыбнулась Яна, – хочет, чтобы мы побыли вдвоем. Она раньше нас все поняла. Ты говорил, у тебя ко мне дело? Или это и было твое дело?

Он помрачнел.

– Увы, нет.

– А что? Что-то случилось? – встревожилась она.

– Нет, то есть да, случилось. А впрочем...

Он открыл кейс и вытащил оттуда коробку.

– Это что?

– Подарок для тебя. Мне вчера доставили на работу. Фирма Тиффани.

Она смертельно побледнела.

– Это от... Олега, да?

– Да.

– Я не хочу!

– Ты хоть взгляни. Красивая вещь.

– Не хочу! Тима, милый, я не хочу больше этих подарков с того света...

Меня чуть не убили из-за них, тетя Рита превратилась в старуху, одни несчастья от них... И, пожалуйста, сделай что-нибудь, чтобы продать этот швейцарский дом, я не хочу о нем даже знать... Это прошлое, а я хочу жить сейчас. Я люблю тебя, Тима! И ты сегодня сказал... И твоя сумочка... Тима, пожалуйста, убери это, подари кому захочешь... Пожалуйста, Тимочка, умоляю!

– Не плачь, дурочка, не хочешь, не надо! – Он сунул коробку в карман.

– А хочешь, я продам эту штуку и ты сможешь купить себе новую машину взамен твоей развалюхи?

– Да?

– Да! Хочешь новую машину?

– Хочу! Очень хочу! Хотя нет, не хочу... На эти деньги не хочу! Обойдусь... Все равно по Москве сейчас ездить сплошная мука... И вообще, я на ней обязательно разобьюсь... Тима, а ты правда меня любишь? По-настоящему?

Ее глаза сияли и ему вдруг показалось, что он никогда не видел более красивой женщины.

– Да, – твердо и очень серьезно ответил он. – Как никогда и никого, даже не знал, что способен на такое... Ты вот сказала, что нам нельзя, особенно мне. Знаешь, сколько раз я сам себе это говорил? А вот сейчас подумал – у нас вроде как любовный треугольник, банально, но куда денешься... Мишка, ты, я... Но если мы с тобой запретим себе это... эту любовь, мы же все трое будем несчастны, все трое...

Она задумчиво на него взглянула, погладила по руке и вдруг сказала с лукавой улыбкой:

– Иными словами – если нельзя, но очень хочется, то можно?

– Ты мое счастье, я с ума по тебе схожу!

В новой сумочке зазвонил Янин телефон.

– Тетя Рита, где вы? Мы вас ждем!

– С днем рождения, Янка, но я не приду, я что-то неважно себя чувствую.

– Тетя Рита, не выдумывайте! Хотите, Тима сейчас за вами заедет?

– Ни в коем случае! Вы празднуйте там, разрешаю один раз выпить за мое здоровье, а я себе спокойно полежу у телевизора, что-то сердце прихватило...

– Может, надо «скорую» вызвать? – встревожилась Яна.

– Да боже упаси! Ничего страшного, я выпила таблетку, уже все прошло, но надо полежать.

– Как жалко, тетя Рита! – искренне воскликнула Яна.

– Скажи мне только, он тебе в любви уже объяснился?

– Да! И я!

– Знаешь, я счастлива! И вы тоже будьте счастливы, мои дорогие. А он хорошо целуется?

– Лучше всех на свете! – залилась вдруг краской Яна.

– Дай вам Бог! – И Маргарита Семеновна положила трубку.

– Тима, не смотри на меня так!

– Как? – охрипшим от желания голосом спросил он.

– Ты как будто раздеваешь меня взглядом...

– Да... раздеваю... и все остальное... тоже...

– Тима! – еще пуще покраснела она и засмеялась. – Какой ты,

оказывается...

– Какой? – он больно тискал в ладонях ее тонкие ломкие пальцы, не сводя с нее жадного взгляда.

– Самый лучший... Права была тетя Рита... И почему-то уже родной.

Его как будто обдало холодом. Он выпустил ее руки и как-то недобро прищурился.

– Родной? Из-за Олега? Да? Говори! – вне себя от внезапного приступа дикой, звериной ревности, никогда прежде им не испытанной, прошипел он.

Она побелела.

– Тима! Боже мой, что ты говоришь? Как тебе такое в голову пришло? – она так обиделась, что, казалось, всю любовь и нежность как ветром сдуло. – А, я поняла, тобой движет вовсе не любовь, а что-то другое... Вот дура я, вечно мы, бабы, любви ищем, всюду она нам мерещится...

– Яна, прости, прости идиота!

– Нет, не прощу! Я все поняла, тебе просто как мужику любопытно, что же такое твой обожаемый дядюшка нашел в этой девчонке с перчиками, из-за чего с ума спятил на старости лет и столько бабок вбухал в подарки...

– Замолчи!

– И не подумаю! Это же ясно как божий день! И как я, дура, могла в тебя так влюбиться...

– Яна, любимая, ну прости дурака, все не то, все не так... Просто я никогда в жизни не ревновал и не очень понимаю как с этим быть... Я болван, мне уже мама говорила, что меня колбасит и плющит от ревности к Олегу...

– Так и сказала? – сквозь слезы вдруг улыбнулась Яна.

– В том-то и дело, именно так! И она права. О, знаешь, я совершенно не ревную тебя к Мишке, живому и здоровому, а к Олегу... умираю от ревности, потому что знаю – ты его любила, а Мишку... Ты пригрелась возле него, да? Он такой редкостно теплый человек, да?

– Откуда ты знаешь?

– Наверное, чувствую, потому что люблю... Черт побери, мне почти сорок лет, но я всегда считал все эти штуки чем-то... литературным, что ли... Я не мог понять, каково это, когда крыша едет от ревности, когда... Короче, Янка, выходи за меня замуж, а?

Она молча покачала головой. Потом проглотила подступивший к горлу комок и тихо сказала:

– Нет, Тима, не надо замуж... Я не хочу... Я не гожусь... замуж...

– Что за бред, почему?

– Я буду плохой женой, а ты... ты заслуживаешь другого... лучшего... Во-первых, у меня не может быть детей...

– Мне это уже известно, к тому же ребенка можно усыновить.

– Я никудышная хозяйка, я не умею готовить.

– Подумаешь, большое дело, возьмем домработницу, да и мама тебя научит, не боги горшки обжигают.

– Я растеряха, я вечно попадаю в какие-то дурацкие ситуации.

– Ну и что? Я же тебя уже люблю, люблю именно такую... Я вот тут думал, вспоминал, хотел понять, когда же я в тебя влюбился, в какой момент...

– Ив какой же?

– В самый первый, когда увидел, как у тебя из-под джинсов колготки выпали...

– Не ври!

– Честное благородное слово! Ты тогда так мне улыбнулась... и была вся какая-то неправильная и такая обворожительная! А потом, второй раз, я ведь тебя сразу даже не узнал, там в кафе, где я передал тебе эти чертовы побрякушки... Я помог снять жакетку, у тебя молния на платье была не до конца застегнута, у меня тогда в глазах потемнело, так захотелось прижаться губами к этому местечку... И я вдруг стал злой, противный, меня все стало дико раздражать в собственном доме, я вдруг понял, что жил как идиот, мне создали идеальные условия существования, а я вдруг стал там задыхаться, как подопытный кролик в виварии...

– И во всем виноваты мои колготки? – с нежной улыбкой спросила Яна.

Он просиял.

– Да! Но я ведь ничего не понимал! А потом возник Мишка и я запретил себе даже думать о тебе. Но прежняя жизнь показалась мне невыносимой и я четко осознал, что не люблю жену и она меня не любит, мы просто были удобны друг Другу...

– Но твоя жена такая красавица...

– Ну и что? Красавиц в Москве до хреновой тучи, а ты – единственная. И знаешь, мама с самого начала терпеть не могла Юльку, а ты ей страшно понравилась. Это тоже о чем-то говорит. И вообще... Мне нужна именно такая жена!

– Ты так в этом уверен?

– На все сто!

– А вдруг я не понравлюсь тебе... как женщина?

– Дурочка!

– Но ведь так бывает...
– Я намерен немедленно это проверить!
– Немедленно?
– Ага! Молодой человек! – позвал он официанта. – Будьте добры счет!
– Но вы ж ничего не скушали! Давайте я вам с собой все упакую! Даже шампанское не открыли, вон, весь лед в ведерке растаял! – огорчился официант.

– Валяйте! И цветы не забудьте! У тебя, Янка, ведь наверняка пустой холодильник? Признайся, а?

– Ну да, – слегка смутилась она. – Только не вздумай платить, это я тебя пригласила.

– Янка, запомни, платить теперь всегда буду я. И потом, ты пригласила меня на день рождения, а что у нас получилось?

– Что у нас получилось?

– Практически, семья... И в семье я главный!

– Тимка, я ужасно, ужасно тебя люблю... И я хочу, чтобы ты был главный и командовал мной... Мне это нужно...

– Я знаю. Я завтра же напишу Мишке обо всем.

– Может, лучше мне написать?

– Нет, – отрезал он. – Это я возьму на себя.

– Что? Вину за наше общее предательство?

Тимофей вспыхнул.

– Предатель здесь только я. Ты – оставленная им женщина, ты же в конце концов не Пенелопа, а он вовсе не Одиссеей. Его странствие просто прихоть... – он вдруг рассердился, – хотя, если честно, я уж не помню, чего ради Одиссеей уплыл от Пенелопы...

Тут официант поставил на стол два пакета, обтер салфеткой стебли пионов и подал букет Яне с несколько фривольной улыбочкой. Понял, куда и зачем спешат эти двое.

– Тимофей Борисович, звонила ваша жена, просила немедленно связаться с ней, – доложила секретарша.

– Что за бред? – нахмурился Тимофей, до этого момента безуспешно пытавшийся погасить идиотское сияние на лице.

Ага, понятно, подумала секретарша, шеф, видимо, загулял в выходные и теперь ему мало не покажется!

Он вошел в кабинет и сразу набрал номер Юли. Настроение резко испортилось.

– Почему ты звонишь через секретаря?

– А у тебя все телефоны два дня выключены.
– Так, в чем дело?
– Тим, надо поговорить.
– Надо, значит, поговорим, но не в рабочее время. Я занят.
– Тогда, может, пообедаем где-то?
– Не уверен, что получится. Впрочем, ближе к обеду я с тобой свяжусь. Извини, у меня дела.

Дел и впрямь хватало и к часу дня он понял, что обеда с женой не получится. Он набрал ее номер.

– Юль, извини, ничего не получается. Если угодно, я после работы заеду к тебе.

– О, отлично!
Еще через час позвонила Геня.
– Тимоша, что-то случилось? Куда ты пропал?
Господи, с досадой подумал он, чего они все от меня хотят?
– Я так соскучилась! Может, встретимся сегодня?
– Извини, Генечка, сегодня не выйдет, дел по горло.
– Тим, скажи только – это правда, что ты ушел от жены?
– Гень, извини, у меня абсолютно нет времени на личные разговоры, извини ради бога, поговорим как-нибудь потом.

Так, ей уже донесли... Неужто она на что-то надеется? Вот мне урок – не связываться с бабами, которые... А впрочем, какие бабы, ведь у меня есть Яна, Янка, Яночка... Никогда ни одну женщину он так не хотел и никогда и ни с кем ему не было так хорошо! Они провели в постели почти двое суток... Двое суток счастья... Нет, нельзя сейчас предаваться этим мыслям. До совещания у директора оставалось семь минут, даже поговорить с ней некогда, а так хочется услышать ее голос... Он просто отправил ей эсмэску: «Люблю. Счастлив». Ответ пришел мгновенно: «И я».

Рабочий день складывался так, что освободиться раньше половины одиннадцатого никак не получалось.

– Юль, извини, никак не выходит, полный зарез, давай отложим разговор, это ведь не горит?

– Ну, это как посмотреть... Тогда отложим на неделю, я завтра лечу в Лондон, вернусь, позвоню.

– Счастливого пути!

– Тима, – сказала Ольга Варламовна, разогревая ему ужин. – Я никогда тебя таким не видела.

– Каким?

– У тебя глаза счастливые. Скажи мне, ты завтра тоже поздно вернешься?

– Надеюсь, нет, а что? – насторожился он. Завтра после работы он рассчитывал попасть к Яне.

– Я пригласила на ужин Яну.

– Мама!

– Ты недоволен?

– Ну что ты! Очень доволен! Но как тебе такое в голову пришло?

– Понимаешь, я вчера была в «Современнике» с Наташей...

– И что вы с ней опять учудили? – улыбнулся Тимофей.

– Ничего, кстати, Наташе Яна тоже очень понравилась, но это так, к слову. Дело в том, что в антракте мы встретили твою Юльку...

– Она уже не моя.

– Слава богу! Но она была там с этим своим Леонтием...

– Ну и что тут такого?

– Да ничего, просто я в фойе услышала, как она его кому-то представила: «Мой будущий муж».

– Ну и в чем криминал, мамочка?

– Видишь ли, Тим, я не удержалась... Отозвала ее в сторонку, поздравила с удачной партией и сказала...

– Мама, зачем? Ну, и что ты ей сказала? – напрягся Тимофей.

– процитировала Грибоедова... Ну, перефразировала самую чуточку...

– Мама!

– «Ваш муж, прелестный муж, не более наперстка...»

Тимофей фыркнул.

– Если я правильно помню, там речь шла о шпиге? Ну, ты даешь, мама! Только зачем?

– Я так ее не люблю, что хотелось сказать ей какую-нибудь гадость, только и всего.

– И после этого подвига ты решила пригласить на ужин Яну?

– Ну, в общем да!

– А что, интересно знать, тебе ответила Юлька на твою любезность?

– Ничего! Позеленела от злости, пожалала плечами и отошла с брезгливой миной.

– Она мне сегодня звонила, хотела поговорить о чем-то, но у меня минуты свободной не было. Отложили на неделю.

– Очень хорошо. Вам надо поговорить о разводе. Надеюсь ты намерен жениться на Яне?

– Безусловно, но куда нам спешить?
– А Мише ты уже написал?
– Пытался, но сообщения не проходят, видимо, он сейчас там, где связь не работает. И меня это мучает. Но завтра я снова попробую.
– Тима, я дам тебе утром список, что надо купить для Арношки.
– Хорошо. Мам, а что Яна сказала в ответ на твое приглашение?
– Обрадовалась. Очень, голосок так звенел...

– Тетя Рита, вы симулянтка! Я сразу поняла! – смеялась Яна, целуя Маргариту Семеновну, живую и здоровую.

– Ну и кто бросит в меня камень? Уж точно не ты, вон как сияешь! Смотреть одно удовольствие, как похорошела! Я ж с самого начала говорила – золотой мужик. И в койке, видать, не промах...

Яна залилась краской.

– Чего краснеешь, дурочка? Это так важно, особенно в твоём возрасте... Думаешь, почему я столько лет проваландалась с этим паскудным Гришкой? Он был такой любовник... Правда, в последнее время уже без виагры не обходился. А вот молодая сучонка, видать, его и без виагры заводила...

– А о нём ни слуху, ни духу?

– Да как сказать... Есть кое-что...

– Да говорите же, тетя Рита!

– Мне тут одна его дальняя родственница звонила...

– И что?

– Понимаешь, эта баба его жену всегда терпеть не могла, а про нас с Гришкой ничего не знала. Мы с ней перезваниваемся раза два в год, вот она и позвонила, хотела радостью поделиться. Бросил мол Гришка свою Антонину, с молодой бабенкой в Англию слинял. Антонина с дочкой пытались его искать, но, как говорится, следы его затерялись на просторах Европы. Вот, если бы они знали, на какую низость он пошел... его вообще-то через Интерпол искать надо...

– Ладно, тетя Рита, Бог с ним!

– Нет, не Бог, и даже не черт. Просто хрен с ним!

... – Янка, что с тобой? – спросила Вета.

– А что?

– У тебя глаза сумасшедшие. Влюбилась опять?

– Почему опять? – с какой-то пьяной улыбкой проговорила Яна.

– Так... Верной подруги моряка из тебя, судя по всему, не вышло?

– Не вышло, Веточка, меня совесть мучает, но я ничего не могу с

собой поделаться. С ума схожу...

– Ну надо же, я думала ты на такое не способна.

– Я тоже так думала.

– Ну и кто этот герой?

– Так... Один человек... Самый лучший...

– А сколько лет этому самому лучшему?

– Почти сорок.

– И не женат?

– Женат, но ушел от жены.

– – Из-за тебя?

– Нет, из-за щенка.

– Как это?

Яна рассказала. Ей безумно хотелось говорить о Тимофее, все равно с кем, а Вета, она знала точно, не была болтушкой.

– А что, в этом что-то есть!

– И у него такая мама! Я вот позавчера была у них в гостях...

– Но ты вроде и с Мишкиной мамой ладила?

– Ладила, да, но это другое... Я ее немножко побаивалась, она такая суперобразованная, такая тонная, мне при ней почему-то всегда хотелось выпрямить спину и сложить руки на коленях. А тут... Знаешь, Ольга Варламовна рассказала, как на днях ехала в автобусе и сзади нее какой-то пьяный мужик непрерывно матерился. Ей это надоело, она обернулась к нему и говорит: «Ну, ты, импеданс со звездочкой, заткнешься ты когда-нибудь?»

– Как? – фыркнула Вета.

– Импеданс со звездочкой.

– А что это такое?

– Какой-то технический термин, я не понимаю, но звучит интересно. И этот матерщинник рот открыл от изумления и заткнулся. Не понял, что это было!

– Да, здорово! Надо взять на вооружение. Ну-ка повтори еще разок для технически безграмотных. По слогам!

– Импеданс со звездочкой!

– Класс! Так можно наглых студентов осаживать. Они ж у нас гуманитарии, вряд ли знают. Погоди, как ты сказала зовут эту даму?

– Ольга Варламовна, а что?

– Слушай, а любимый твой часом не Логунов, лучший друг Мишки?

Яна вспыхнула.

– В том-то и беда... А ты его разве знаешь?

– Нет, но много о нем слышала от того же Мишки. Он всегда говорил, что у его лучшего друга идеальный брак...

У Яны сделалось вконец несчастное лицо.

– А я вот что тебе скажу, подруга, так Мишке и надо! Что за дела? Не успел закрутить роман, как тут же отвалил в кругосветку! Причем не по работе, а для развлечения! И какая жизнь с ним может быть? Не мучайся, Янка! И вот я что еще тебе скажу – тебе придется надо, ну и прираздеться тоже...

– Прираздеться? – засмеялась Яна.

– Ага, бельишко посексуальнее купить. Я знаю один магазинчик, там сумасшедшее белье продают. Хозяйка – подружка моей свекрови, она нам хорошие скидки сделает! И знаешь, я уверена, у тебя с Логуновым получится! В браке свекровь – первое дело, я всегда говорю!

– Да, Веточка, знаешь, я ужасно хочу... это... прираздеться!

– Тогда едем, в чем проблема!

– Юль, ну вот, я приехал, чего ты хотела?

– Привет! Заходи! Куда ты в ботинках? Сними сейчас же!

– И не подумаю! Нет ничего гнуснее, чем ходить в тапках в чужом доме! – доставил себе удовольствие Тимофей.

Юля метнула в него исполненный ненависти взгляд. Однако ничего не сказала, только пожала плечами.

– Ты, вероятно, голоден? После работы?

– Нет, спасибо. Так в чем дело?

В этой красивой элегантной квартире с этой ослепительно красивой элегантной женщиной он прожил много лет и даже думал, что счастлив.

Он вошел в гостиную, прошел в ботинках по ковру, плюхнулся в кресло и вытянул ноги.

– Может, ты уже скажешь, зачем я тебе понадобился?

– Видишь ли, Тима, – как-то замялась Юля. – Скажи правду, почему ты все-таки ушел? Я не верю, что из-за этого щенка. У тебя появилась женщина, я знаю!

– Ну и что? У тебя еще раньше появился мужчина.

– У меня появился не мужчина, а клиент! Это большая разница.

– Юль, звучит уж очень двусмысленно... И клиент очень уж знойный...

А впрочем, мне это уже не интересно. Ты, вероятно, хочешь поговорить о разводе?

– Ну... Тима, а зачем нам разводиться?

– То есть?

– Давай сохраним статус-кво.
– Зачем это?
– Буду с тобой откровенна. Мне это нужно... еще на год. А потом мы тихо разведемся и делай что хочешь.
– Не понимаю!
– Ну, так надо!
– Кому? Ты же собиралась быть откровенной! – напомнил он. – Впрочем, я, кажется, понимаю... Я краем уха слышал, что этот твой писатель связан контрактом, по которому должен изображать безутешного вдовца, а контракт истекает через год, так?
– Ну, так...
– А причем здесь я?
– Ну... как бы это объяснить... Понимаешь, мне бы не хотелось оставаться этот год одной, хотя бы формально.
– Юлька, ты врешь! И я прекрасно понимаю, что тебя действительно волнует.
– Да?
– Представь себе! Наследство Олега. Боишься прогадать.
– Что за чушь? Леонтий далеко не бедный человек, к тому же и я теперь буду хорошо зарабатывать, если ты не в курсе, я теперь имиджмейкер издательства, и у меня будут еще клиенты на стороне...
– Рад за тебя. Но меня все это уже не касается. Никким образом. Согласись, четырехкомнатная квартира в центре Москвы со всем содержимым, правда, минус банкетка и сумочка, не такая уж ничтожная плата за мою свободу. Была какая-то старая песня, «А на большее ты не рассчитывай!» – не отказал себе в мстительном удовольствии Тимофей.
Юля взбесилась и не сумела этого скрыть.
– А что, эта твоя лахудра требует немедленной свадьбы? Тима, не делай ошибки, ты привык жить цивилизованно, в чистоте и красоте, с налаженным хозяйством, а она же просто неряха! Сейчас тебе это в новинку, а очень скоро начнет раздражать... Да еще как! К тому же как ты собираешься смотреть в глаза лучшему другу?
Тимофей побелел.
– Будешь отпираться?
– Еще чего! И не подумаю! А мои отношения с Мишкой вообще не твоя забота!
– Между прочим, Нелли Яковлевна уже в курсе!
– Ты постаралась?
– Да боже избави! Кто-то тебя с ней засек. Но старушка по

старомодному наивна, полагает, что ты это на правах лучшего друга опекаешь его невесту, так что пока можешь не волноваться.

Юля чувствовала, что разговор пошел совсем не так, как она рассчитывала. Она внутренне заметалась. Перед ней сидел совершенно другой человек, только внешне похожий на «ее Тимку», мягкого, покладистого. Этот был жесткий, ироничный, казалось, видел ее насквозь и так явно ее не любил, что она вконец растерялась. Но хуже всего было то, что таким он ей вдруг страшно понравился. Кажется, я полная дура, я его совсем не понимала, вечно перегибала палку и, видимо, навсегда его потеряла. Но неужели он и вправду любит эту лахудру, она же мне в подметки не годится!

– Короче, Юль, я хочу как можно скорее развестись. Если у тебя есть еще какие-то условия, излагай.

Она задумчиво смотрела на него.

– Скажи, Тим, чем она лучше меня?

Он засмеялся.

– Объективно – ничем, более того, ты почти совершенство: красавица, изумительная хозяйка и так далее, а она... она очень далека от совершенства... Но я люблю ее, а она любит меня. Вот и все. Да, она еще любит собак! – добавил он с усмешкой. – И вот еще что. – Он вдруг вытащил из кармана ювелирный футляр. – Вот, взгляни!

Юля недоуменно открыла футляр.

– Боже мой! Какая красота! Что это? Откуда?

– Оно твое. Это из наследства Олега. И в течение еще четырех лет будешь раз в год получать нечто подобное. Тебя это устроит?

– Я не понимаю... – Юля не могла оторвать глаз от изумительной красоты кольца с крупным сапфиром и бриллиантами. Кольцо было безумное дорогое, Юля знала в этом толк. – Что это значит?

– Завещание Олега.

– Мне? – опешила она.

– Там сказано – моей жене. Он безусловно имел в виду тебя.

– А разве завещание уже оглашено?

– Основное нет. Но он оставил в фирме отдельное и это кольцо мне доставили на днях.

– А почему в течение нескольких лет? Где сейчас эти вещи?

– У Тиффани. Такова была воля Олега. И доставлять их будут мне.

– Я поняла... Ну что ж... Это так красиво и, честно говоря, я никак не могла ожидать... Хорошо, я согласна на развод. Тим, а почему ж ты не отдал кольцо своей лахудре?

– Юля, я честный человек, ты разве не знала?

Тимофей ликовал!

– И вот еще что. Юль, я искренне желаю тебе большого знойного счастья!

Он вышел на улицу страшно довольный. Теперь еще связаться с Мишкой. Он прямо в машине в который уж раз открыл айпэд и сразу увидел – пришло письмо от Мишки! Он с замиранием сердца открыл его.

«Тима, друг, получил твое покаянное послание... Признаюсь честно, я чего-то в этом роде ожидал. Я видел, что между вами что-то происходит, нет, неправда, я видел только, как ты на нее смотришь и как она старается не смотреть на тебя. И я, что называется, самоустранился. Нет, опять вру... Я просто в последний момент понял, что не смогу быть для Яны хорошим мужем, слишком многое мне еще в этой жизни интересно... Наверное, это не было любовью, скорее, меня захватила ситуация – романтическая история любви Олега, рассказанная тобой и тут же случайное знакомство с героиней этой истории, такой очаровательно-женственной и беззащитной. Я искренне был увлечен ею и от всего сердца сделал предложение... Но быстро смекнул, что не готов пока осесть, да еще эти флюиды между вами... Короче говоря, не парься, друг, и будь счастлив, ей нужен ты, а не я. А я, кажется, понял – писательство – это мое... И, возможно, я даже когда-нибудь напишу об этом роман и назову его «Девочка с перчиками».

По-прежнему твой друг Мишка».